

НОВОЕ ВРЕМЯ

август 1992

Суд
удаляется
на голодовку

32

Индекс 70621

ISSN 0137 - 0723

Кто толкает
министра
Козырева
в отставку?

A man, a woman, and a child are sitting on the ground in front of a rustic log cabin. The man on the left is wearing a light-colored tunic and is looking down at a magazine. The woman in the middle is wearing a light-colored dress and a headscarf, also looking at the magazine. The child on the right is wearing a dark tunic and is looking at the magazine. The log cabin has a window with a decorative wooden frame. A horse's head is visible on the left side of the image.

В каждом
приличном доме
читают журнал

«Видео-Асс»

Телефоны
Частного
издательского
дома
«Видео-Асс»:

291-04-63,
128-66-14,
118-89-55,
118-89-47.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

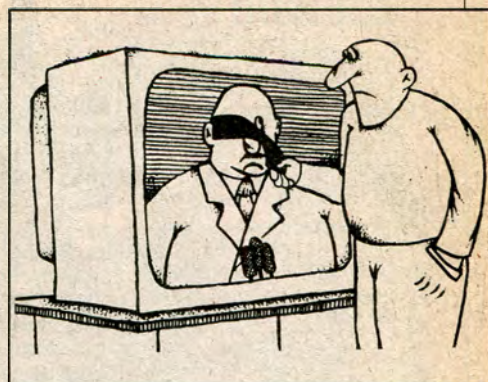
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М.Шакина</i> ЮРИЙ СКОКОВ ТЕНЕЛЮБИВЫЙ	4
КОРИДОРЫ ВЛАСТИ <i>Л.Млечин</i> КТО ТОЛКАЕТ МИНИСТРА КОЗЫРЕВА В ОТСТАВКУ?	8
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА <i>Е.Усенко</i> ЮРЬЕВСКИЙ ДОГОВОР СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ	11
ЭССЕ <i>У.Лакер</i> ЦСУ ПОБЕДИЛО ЦРУ	14

МИР

США <i>Е.Русаков</i> ЭКС-МИНИСТР. МЕЧТАТЕЛЬ. ДИССИДЕНТ	16
ЮГОСЛАВИЯ <i>Г.Сысоев</i> ПРОСТИ, ОРУЖИЕ!	20
БЛИЖНИЙ ВОСТОК <i>М.Тартаковский</i> ПУСТОЙ СТОЛ	22
ЮЖНАЯ АФРИКА <i>Н.Решетняк</i> КАКАЯ СВАДЬБА БЕЗ ДРАКИ	24
РЕКЛАМНАЯ ВКЛАДКА	25-40
ВЗГЛЯД ОБОЗРЕВАТЕЛЯ <i>Г.Сорман</i> КТО ЖЕ В РОССИИ ХОЧЕТ БЫТЬ ПРАГМАТИКОМ?	41
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Е.Каменская</i> МАРШАЛ МАННЕРГЕЙМ	42

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

СУДЬБЫ <i>К.Исаков</i> ФИНАЛ БОЛЬШОЙ ОХОТЫ	46
КРАТКИЙ КУРС <i>С.Соловейчик</i> ДЕМОКРАТИЯ ПОД ВОПРОСОМ (продолжение)	48
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>В.Басков</i> СУД УДАЛЯЕТСЯ НА ГОЛОДОВКУ	51
ОЛИМПИАДА <i>С.Пумпянская, А.Пумпянский</i> ПЕРВЫМ ПРИПЛЫВАЕТ НОВЕВ КОВЧЕГ	54
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>В.Набоков</i> ЗАКОННОСТЬ И ВЛАСТЬ	57
ЭССЕ <i>Л.Миллер</i> СПЛОШНЫЕ ПРАЗДНИКИ 1949 ГОДА	62
ШАХМАТЫ <i>Г.Сысоев</i> ФИШЕР ПО-ПРЕЖНЕМУ ЯРОК	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

Юрий Скоков, который хочет, чтобы о нем знали как можно меньше, становится человеком номер два в Москве, тесня Руцкого, Бурбулиса, Гайдара и Хасбулатова
Стр.4

История одного маршала, который поклялся служить России и стал злейшим врагом Советской России
Стр.42

Были бы в наших судах буфеты с острой и горячей закуской, меньше было бы жестоких приговоров
Стр.51

Главный редактор

Александр
ПУМПУНЬСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧАН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №3038**

**Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.**

ПОЧТА

■ Хочу продолжить традицию Ксении Мяло писать с неоспоримой убедительностью тенденциозные материалы («Морской узел в Крыму» №22/92). Берусь обосновать претензии России на Мальту, Крыма – на Херсонщину, Монголии – на Россию, Швеции – на Петербург. И совершенно бесплатно. Не надо ни рублей, ни купонов.

По Мяло выходит, что передел границ выгоден России. Да нет же! Если нет «международно-правовых актов, определяющих статус Крыма», то и нет подобных актов по отношению к большей части российской территории. А Мяло считает, что кровь соотечественников значима менее, чем величественный статус России...

Исходя из ее логики, можно доказать, что Украина вправе претендовать, скажем, на Владимир и Суздаль. Ведь нет нигде международно-правового акта о независимости Владимиро-Суздальского княжества от великокняжеского Киевского престола!

А теперь о том, о чем глосбожа Мяло не пишет.

В Крыму живут 600 тысяч украинцев. При этом ни одной украинской газеты, ни одной украинской школы.

Выгодно ли России иметь вокруг своих границ страны, в коих генералы подбирают кадры по «признаку готовности воевать с Россией»? Хотите, чтоб к этим странам добавилась Украина? Тогда по-настоящему требуйте Крым!

Да, Украине большой флот не нужен. Но зачем он России, не самой богатой страной? Попугать американцев, покрутить локаторами, пострелять пушками?

Почему автор не пишет о разнице между флотом России и Содружества? Плачу 100 купонов за объяснение этих «двух больших разниц», как говаривают одесситы, – флота России и флота Содружества.

Почему Мяло приводит в обоснование своей позиции мнение Степана Хмары? Я мог бы выдать позицию Владимира Вольфовича Жириновского за позицию Москвы, и выглядело бы это убедительно. А почему в материале нет мнения самих крымчан? Ведь там живет

Речь по случаю годовщины последнего партсобрания

■ Ровно год прошел с того дня, когда в последний, как оказалось, раз собралась на свое партсобрание наша первичка. Основа, так сказать, партии... Помнится, под занавес я предлагал проголосовать за поддержку движения Руцкого «Коммунисты за демократию». Из полусотни присутствовавших 2–3 человека высказали интерес, 5–6 человек гневно возражали, а большинство нетерпеливо смотрело на часы – скорей бы по домам!

Вот они как раз и оказались правы. Громоподобные события прошедших месяцев беспощадно выявили никчемность и фальшивость всех этих процедур, казавшихся незыблемыми. Партия, подобно колоссу на глиняных ногах, рухнула в одночасье. Никто ни в нашей, ни в одной из других, известных мне парторганизаций не поднял свой голос в ее защиту, когда во исполнение указов Ельцина пришел час раздачи на руки учетных карточек.

За прошедшее время стало отчетливо ясно, что здесь, «внизу», вместо деятельности политической партии были лишь своего рода детские игры взрослых людей, в которых реальная жизнь подменялась надуманной жесткой схемой. Не участвовать в этих играх смогли лишь те немногие, кому достало твердости и прозрачности, а большинство же плыло по течению. Говоря словами поэта, обмануть нас было не трудно – мы сами были обманываться рады. Теперь же никому неудивительно, что без «руководящей и направляющей силы», без «политического ядра коллективов» все так же работают станки, ходят поезда, летают самолеты. И заводы все так же производят на свет свой товар и «нетовар», несмотря на объявленные рыночные отношения. В том-то и смысл после-партийных реформ, чтобы этого «нетовара» стало как можно меньше, а для этого нужно, чтобы все мы перестали быть пешками в играх любителей партсобраний и прочих коллективных мероприятий. Компетентность и ответст-

венность личности должны занять, наконец, подобающее место в шкале ценностей нашего больного, но прозревающего общества.

Вот этого и не хотят те, кто сейчас твердит в зале Конституционного суда обветшалые лозунги и заклинания. Самое нелепое в том, что по-прежнему клянутся от имени партийных масс, которых просто не существует в природе. ...Впрочем, этих людей можно понять – они многое потеряли. Это они заправляли в прежней обманной игре, это они – с нашего молчаливого согласия – произвели гору ненужного хлама, тянущего всех на дно. А отвечать не хочется... Вот и воюют за шанс продлить существование старой игры с партсобраниями, пленумами, съездами. Ведь они, непоколебимые, больше ничего делать не умеют. Ибо те, кто умеет, тот ищет и находит себе дело в стране, ищущей себя.

Будет ли место партиям в обновленном обществе? Безусловно, но это будут партии парламентского типа, активно напоминающие о себе лишь во время предвыборных кампаний. Партийные лидеры и агитаторы должны будут бороться за голоса избирателей, дабы те раз в несколько лет могли выбрать президента, мэра, депутата Совета. Совета? Вот здесь надо хорошо подумать. На смену Советам должны прийти многочисленные и укомплектованные профессионалами парламенты и муниципалитеты. Советы же всех уровней, на мой взгляд, уже окончательно дискредитировали себя. По сути дела это те же партсобрания, а депутатские мандаты мало чем отличаются от партбилетов, ибо обратной связи депутата и избирателей как не было, так и нет. Сделав один решительный шаг на пути политических преобразований, надо сделать и второй, отменив партсобрания во всех их обличьях.

Геннадий Дерновой
Протвино, Московская область

**Пусть Степан
Хмара
с Владимиром
Жириновским
поединки
устраивают,
а нас оставят
в покое**

**Лучший
совет
Советам —
разойдитесь
сами**

**Троцкисты
имеют
право
знать,
кто
их
убивал**

далеко не самое политизированное население.

Не сказано ничего и о выигрышах и проигрышах. Как видит автор развитие событий? Украина перекрывает Крыму воду. Россия перекрывает нефть и газ, но уже Украине. Украина перекрывает заслонки экспортных трубопроводов и транзитный

транспорт... Кто проиграет? Украина? Россия?

Народы наши проиграют! Добрые отношения России и Украины не стоят флота, не стоят Крыма. Они гораздо дороже!

Валерий Рыжков
Житомир, Украина

■ Думаю, что Ксения Мяло («Морской узел в Крыму») и Марина Шакина («Битва железных парламентов», (№ 22/92) лучше многих мужчин-политиков прогнозируют решение будущих отношений Российской Федерации с Украиной и с Крымом, а главное, дают реалистические рекомендации, как можно разрешить все противоречия этих отношений. Всем трем сторонам надо трезво договориться о согласии и сотрудничестве между собой и перестать сутяжничать с историей. Вся логика событий после распада СССР приводит к выводу, что Крым имеет право быть не только суверенной территорией, но и суверенным государством! И договориться надо о том, чтобы не было никаких сложностей для Крыма в установлении дружеских и союзнических отношений и с Российской Федерацией, и с Украиной.

Надо, чтобы на помощь государственными дипломатам во всех спорных вопросах пришла также и «народная дипломатия»! Ведь были же у

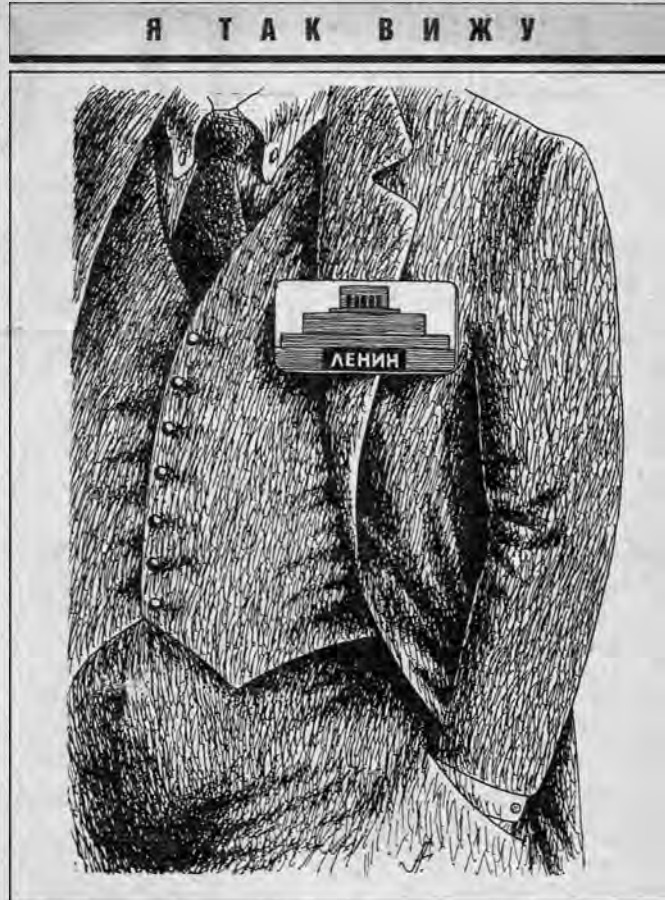

Рисунок Аркадия Гурского

нас общества дружбы, которые делали достаточно полезную работу. Конечно, эти общества подчинялись КПСС, но разве дружить

должны только люди одной партии или одного вероисповедания, я уже не говорю — о людях одной национальности?!

Анатолий Карпус,
детский врач
Рязань

Четвертый Интернационал желает побывать в музее славы КГБ

■ Интернациональный комитет Четвертого Интернационала требует разрешить неограниченный доступ ко всем документам о массовом убийстве социалистов — противников сталинского режима. Обращаясь с этим призывом, Четвертый Интернационал, созданный Львом Троцким в 1938 году, выступает как современный представитель троцкизма — марксистского учения, которое было основной мишенью сталинского режима. Современные исследователи Троцкого полагают, что число казненных и погибших в тюрьмах и лагерях в 1937—1938 годах насчитывает три миллиона. Число всех жертв великого террора, по самым скромным предположениям, превышает десять миллионов.

Сталинские агенты преследовали сторонников Четвертого Интернационала по всему миру. Среди жертв наемных убийц — ведущие представители этой организации: Эрвин Вольф и Рудольф Клемент. В феврале 1938 года в Париже был убит сын Троцкого Лев Седов; в августе 1940-го в Мексике убили самого Троцкого.

И до, и после убийства Льва Троцкого советское правительство пыталось помешать деятельности этой организации — засылало провокаторов и шпионов вроде Марка

Зборовского (кличка «Этьен»). Возможно, антитроцкистские действия продолжаются и по сей день. Где бы ни лежала правда, она может быть раскрыта только благодаря государственному архиву, которые содержат документы об убийстве социалистических вождей. Эти документы (по данным прессы) уничтожаются КГБ, который стремится замести следы своих преступлений, подвергаются грабежу и распродают. Интернациональный комитет официально требует прекратить уничтожение этих документов и открыть свободный доступ к ним.

Еще недавно, в ноябре 1987 года, Горбачев публично расхваливал «вклад» Сталина в дело построения социализма. Нельзя и дальше откладывать обнажение той фальши, которая являлась политическим оправданием преступлений сталинского режима. Распад Советского Союза не снимает с правительства Российской Федерации ответственности за сохранение секретных архивов.

Давид Норт,
редактор «Бюллетеня
Четвертого Интернационала»
Детройт, США

■ Прочитал письмо госпожи Кудряшовой (№18/92). Меня удручило, что человек с такими взглядами читает не «Правду», «День» и «Советскую Россию», а «Новое время». Нет в Украине антирусской государственной политики, как она утверждает. Это чистой воды ложь. У меня масса претензий к президенту и правительству Украины, но антирусские настроения они не разжигают! Вот плакаты в Днепрпетровске «Долой хохлов из русского Днепрпетровска», отсутствие украинских школ на юге и востоке Украины — это есть. Грехов у нас достаточно, не надо шить лишние. Кстати, и писать сейчас надо — в Украине, а не на Украине. Это — независимое государство.

Л.Гальчинский
Киев
Подборку подготовила
Т.Чернова

Юрий Скоков Тенелюбивый

Секретарь Совета безопасности избегает появления на публике.
Остается только гадать: кто он, откуда и чего от него ждать?

«Юрий Владимирович не любит давать интервью», — отвечают в приемной секретаря Совета безопасности Юрия Скокова на просьбы о встрече. И советуют читать «Независимую газету», где «рассказано все о Совете безопасности». Но меня интересует не Совет безопасности, а персонально его секретарь. «Где я могу получить о нем информацию, скажем, биографическую справку?» — продолжаю настаивать. Помощник Скокова предлагает перезвонить завтра.

На следующий день меня ждало сообщение: «Юрий Владимирович отказался давать биографическую справку». Тут я не удержалась и совсем невежливо расхохоталась в телефонную трубку.

Биографическую справку на Скокова я все же достала — по другим каналам.

Ни одного выступления

«Он не любит высываться. Это сознательная политика», — сказал мне один из парламентариев. Подтверждений этому действительно достаточно. В 1989 году, когда Юрий Скоков баллотировался в Дзержинском районе в народные депутаты СССР, его соперниками были, кроме всего прочего, Юрий Никулин и Виталий Коротич. Запомнилась скандальная история с предвыборным окружным собранием, на котором представители «Памяти» устроили obstruction главного редактору «Огонька». Запомнилось, как кандидаты-демократы покинули зал собрания в знак протеста против фальсификации результатов голосования. Но только самые крутые активисты той предвыборной кампании со стороны демократов помнят, как незаметно и без шума, но очень верно к избранию шел Юрий Скоков.

«У него все было схвачено, его поддерживали райком и вся государственно-хозяйственная номенклатура». Демократы в Дзержинском районе решили объявить бойкот выборам. Они до сих пор убеждены, что с результатами голосования не все было чисто. Впрочем, так это или нет, сегодня роли не играет — Съезда народных депутатов СССР уже нет, как нет и СССР. Все это принадлежит истории. Но то, что продолжается по сей день, — это политическая карьера Юрия Скокова, берущая начало в 1989 году.

После избрания Скокова народным депутатом его соперники-демократы имели намерение проследить за его деятельностью на Съезде, а затем в Верховном Совете, а тут он

им уже козырей не дал — за все время существования Съезда Юрий Скоков не выступал ни разу ни по одному вопросу. Не высывался.

В Верховном Совете СССР Скоков входил в комитет по экономической реформе, но активной напряженной работы там не демонстрировал, появлялся эпизодически, зато каждое его появление, вспоминают его коллеги, сопровождалось надрывом. Конец 1989 — начало 1990 годов было временем, когда обострялись проблемы единства Союза. Скоков очень остро переживал ситуацию — это чувствовалось в его выступлениях на комитете, он производил впечатление человека, который знает, что нужно сделать, чтобы прекратить это, но понимает, что это невозможно.

У межотраслевого государственного объединения «КВАНТЭМП», генеральным директором которого был Скоков, были какие-то филиалы в Прибалтике, происхождение там заделало его непосредственно, и, как свидетельствуют очевидцы, Скоков не мог побороть искушения смотреть на события в Балтии сквозь призму собственных производственных интересов. Он вообще не испытывал неловкости, используя те возможности, которые давало ему депутатство для решения проблем своей фирмы. Так это будет и позже — в Совете Министров РСФСР, где с 1990 года Скоков стал работать заместителем председателя Совета Министров Ивана Силаева.

Заместителем у Силаева Скоков стал как-то незаметно. Все взоры в то время были устремлены в сторону «новой звезды» — другого заместителя председателя правительства — Григория Явлинского, который, кстати, и поведал миру историю с десятью миллионами инвалютных рублей, которые передал в свое объединение едва занявший свой высокий пост Юрий Скоков.

Скачок из генеральных директоров в заместители председателя Совета Министров крупнейшей республики Союза — не рядовое событие. Многие предполагают, что Скоков понравился Ельцину в бытность нынешнего президента России первым секретарем Московского горкома партии. Надо сказать, что времени для сближения у Скокова было мало — не более полутора лет. Другие относят начало «благоволения» Ельцина к Скокову к более позднему времени — весне 1991 года, когда Скоков сопровождал Ельцина в его поездке по Сибири вместо Ивана Силаева, который не смог туда отправиться по причинам, которые сейчас уже забылись.

В поездке Скоков проявлял, по утверждениям очевидцев, бешеную активность.

Так или иначе ясно, что те чуть более года, когда оба работали вместе в Москве, не оставили у Ельцина

неприятных впечатлений о генеральном директоре «КВАНТЭМП». Очевидно, и тут Скоков не высывался и не участвовал в кампании травли Ельцина, развернувшейся после октябрьского пленума ЦК КПСС 1987 года.

«Человек, который умеет ждать»

Юрий Скоков родился в 1938 году во Владивостоке. Высшее образование получил в Ленинградском электротехническом институте по специальности радиоинженер, конструктор-технолог. После окончания института в 1961 году начал трудовую деятельность в НИИ № 2 Министерства обороны СССР в городе Калинин. В 1963–1966 годах учился в аспирантуре при институте, окончание которой ознаменовал защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Диссертация, естественно, была закрытой.

В НИИ № 2 Скоков вырос до старшего научного сотрудника, а в 1969 году переехал в Краснодар, где стал начальником сектора одного из отделов 3-го краснодарского филиала Всесоюзного НИИ источников тока (ВНИИИТ). (Кстати, имеются глухие сведения, что отец Скокова был шефом КГБ по Краснодарскому краю. В аппарате Скокова мне отказались либо подтвердить, либо опровергнуть эту информацию). Вся дальнейшая его жизнь была связана с ВНИИИТ. С 1970 по 1973 год, например, он выполнял обязанности начальника отдела, а в течение восьми лет — с 1978 по 1986 год — исполнял обязанности директора краснодарского опытного завода «Сатурн» института. В 1986 году он был назначен генеральным директором института, председателем правления межотраслевого государственного объединения «КВАНТЭМП» в Москве. Оттуда в 1990 году Скоков и перешел в заместители к Силаеву.

Из сухих строчек биографии можно кое-что извлечь. Первое, что лежит на поверхности: Скоков прошел по всем ступеням иерархической лестницы военно-промышленного комплекса. Он — военно-промышленный генеральный директор до мозга костей. Второе: даже из биографии ясно, что его особенно не волнует внешняя мишура и не точит тщеславие. Он спокойно переносит существование в тени с неопределенным статусом — иначе, как бы он мог в течение восьми лет быть исполняющим обязанности? У него есть выдержка, он не суетится, не спешит сломя голову к цели. Один мой знакомый так и обозначает его — «человек, который умеет ждать».

Считается, что, после того как правительство Силаева ушло в отставку, Ельцин «подвесил» Скокова, дав ему малозначительный пост — секретарь Совета по делам феде-

рации и территорий при президенте РСФСР. При этом Скоков имел ранг государственного советника. С начала прошлого года при Ельцине стала резко восходить звезда Геннадия Бурбулиса, который и выдвинул идею Госсовета. Отношения Скокова с Бурбулисом, по утверждению очевидцев, в те времена внешне были прекрасные и начали портиться после того, когда Бурбулис сформировал правительство, в котором не нашлось места Скокову. Впрочем, назначению Скокова вроде бы воспротивилась «Демократическая Россия», которой Ельцин был многим обязан и которая выдвинула условие: «Не Скоков и не Лобов».

Кабинеты Скокова и Бурбулиса в Белом доме до переезда на Старую площадь располагались друг против друга. Дверь у Бурбулиса практически не закрывалась — говорят, он поставил рекорд по числу посетителей. Опять-таки говорят, что, когда из этой двери выходил Скоков, покидая постоянную демократическую «тусовку» в кабинете у госсекретаря, на несколько секунд на его лице появлялось выражение брезгливости. Было видно, как ему претят «расхлябанность» и неорганизованность демократов.

Партия для Скокова?

Однако есть основания думать, что пост, который получил Скоков в Совете федерации, не был случайным. Это был трамплин к Совету безопасности. На самом деле именно тогда и вызревала идея о функциях Совета безопасности и о роли в нем лично Скокова. Мало-вразумительный Совет по делам федерации, состоявший практически из одного человека, активно налаживал связи с регионами и очень интересовался сверхценными ресурсами России — золотом, алмазами, радиоактивными материалами, цветными металлами...

В дни путча всем защитникам Белого дома бросилась в глаза распахнутая дверь пустующего кабинета Скокова. В августовские дни это вызывало недоумение, но впоследствии все пришло к выводу, что он, должно быть, находился вместе с Лобовым в Свердловске, где на всякий случай оборудовался бункер для правительства в подполье.

Осенью 1991 года, когда Государственный совет был упразднен, но госсекретари остались, Юрий Скоков выходит на финишную прямую — получает новое поручение от президента и становится секретарем комиссии по выработке статуса, порядка работы Совета безопасности. Но опять-таки все происходит как-то незаметно — на этот раз все взоры устремлены на сторону Егора Гайдара и его команды. «Мальчики» шумят с либерализацией цен, а Юрий Скоков созывает на своем объединении некое координационное совещание директоров с уча-

Рисунок Сергея Хасабова

стием Владимира Исправникова и Михаила Малей.

Владимир Исправников — человек Хасбулатова и ярый противник правительства Гайдара. Михаил Малей — не менее ярый оппонент либерального экономического курса. Оба чувствуют себя несправедливо обойденными. Через несколько дней на места отправляется телеграмма от Скокова с предложением создавать местные совещания по экономической безопасности, постоянными членами которых должны стать представители директорского корпуса, трудовых коллективов, главы администрации.

Что это — модель ГКЧП на местах, зачатки оппозиционной директорской партии?

В разосланной ориентировке весьма примечателен один пункт — решения координационного совещания, говорится в нем, предполагаются впоследствии оформлять через указы президента, а также постановления и законы Верховного Совета Российской Федерации. Откуда такая уверенность в том, что парламент будет принимать то, что угодно Скокову и его совещаниям по экономической безопасности? Очевидно, потому, что в парламенте много «наших», а Высший экономический совет при Верховном Совете возглавляет хороший друг Скокова Владимир Исправников... Кстати, сейчас Исправников занят организацией новой политической партии под названием «Консолидация». Партия для Скокова?

Самое время сказать об экономико-политических воззрениях Юрия Скокова. По отзывам тех, кто работал с ним над выработкой предложений по экономической реформе в различных парламентах и различных комиссиях, Скоков рынка не понимает, хотя вроде бы

высказывается в пользу реформы.

Рыночная система координат ему абсолютно чужда и неудобна. Он не понимает, как отношения в ходе хозяйственной деятельности могут строиться на интересе и инициативе. Он — яркий представитель авторитарного стиля руководства. Единственный метод, который он призывает, — приказ и проверка исполнения. «Как бы вам сказать? — объяснял мне один из парламентариев. — Вы много встречали полковников, которые приветствовали бы инициативу сержанта?»

Хотя все, с кем я говорила, как один, почему-то употребляли военно-уставную терминологию, рассказывая о Скокове, как я выяснила, погон у него нет. Такое предположение с ходу отверг помощник Скокова, с которым мне посчастливилось переговорить по «вертушке», хотя до этого он долго делал вид, что не знает даже, какое образование получил его патрон...

Скоков — типичный государственный. Это ему принадлежит высказывание о том, что правительство должно быть исполнительной дирекцией государственного сектора экономики.

В этом свете фигура Юрия Скокова выглядит достаточно противоречиво. Он — сторонник сохранения существующего порядка. С другой стороны, он — одна из ключевых фигур вроде бы реформаторской администрации Бориса Ельцина. Скокову удалось подписать у Ельцина указ, фактически делающий его человеком номер два в руководстве России. В отсутствие председателя Совета безопасности — президента Ельцина — работой Совета руководит секретарь, который, кстати, имеет полномочия «координировать работу исполнительных органов власти» в интересах выпол-

нения решений Совета. В принципе ему не указ ни Рудкой, ни Гайдар, ни кто-то другой. Выше Скокова есть только президент. Кстати, насколько мне известно, указ о Совете безопасности не прошел экспертную проверку главного правового управления при президенте.

Многие считают, что у Скокова нет глубокой современной концепции безопасности России — у него нет для этого ни специальных знаний, ни навыков, ни кругозора. Скорее, его сверхзадача — использование возможностей, предоставленных Советом безопасности, для реализации собственного видения управления Россией.

Гроссмейстер переставляет фигуры

Напрасно обольщается влиятельная московская пресса, считая, что вынудила Юрия Скокова дать свое пока единственное (и так будет еще долго) интервью телепрограмме «Итоги». Он дал это интервью по настоянию президента. Из недр скоковского аппарата до меня дошла фраза секретаря Совета безопасности: «Независимой прессы не существует, а с зависимой иметь дело не стоит».

На первый взгляд в такой позиции можно обнаружить лишь признаки высокомерия и капризности. Даже во время интервью с ведущим «Итогов» лицо Юрия Скокова посещало иногда некое неприязненно-надменное выражение. Конечно, лидеры новой волны в России не обладают политической культурой, им недостает знаний о том, как формируется поведение и облик политика, они не имеют понятия, как нужно строить «паблик рилейшнс», то есть связи с внешним миром. Чванство, пренебрежение к тем, кто, по их мнению, стоит ниже, вообще в крови у многих генеральных директоров. Все это можно понять и даже проявить сочувствие, но отказ дать серию биографическую справку? Это настолько иррационально и попросту нелепо, что невольно начинаешь думать о болезненной подозрительности и скрытности Скокова...

Я слышала такое мнение: Скоков смотрится невыигрывшно, поэтому избегает прессы и вообще выступлений на публике. Скрытность — его защита. Выход с открытым забралом на публику заставляет обнаружить самые сокровенные качества и вполне может обнаружиться, что король не совсем одет.

«Да, он энергичен, целеустремлен, самоуверен, даже слишком, любит поиграть в супермена, но знает, что у него есть потолок. Я этот потолок видел. А Скоков осведомлен о нем лучше нас с вами», — сказал мне один из его бывших коллег.

Попадают люди, которые о нем довольно лестного мнения: он не конъюнктурщик, не политический

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС

Служба изучения общественного мнения VP (Vox populi)
Руководитель — профессор Борис Грушин

Успехи все же есть

В чем, на ваш взгляд, заключаются главные успехи российской внешней политики?

разоружение	16%
включение России в мировое сообщество	13%
рост доверия к российским политикам	6%
признание авторитета России	5%
получение экономической помощи	5%
нормализация отношений со странами СНГ	3%

При оценке итогов внешнеполитической деятельности российского правительства мнения опрошенных резко разошлись: лишь половина признает за внешней политикой России определенные успехи и почти столько же (41 процент) заявляет, что «успехов нет». Наиболее негативно настроены активисты политических партий (63), особенно коммунистической направленности (68).

Об успехах чаще других говорят представители исполнительной власти, активисты политических партий некоммунистической направленности и публицисты.

Первой же заботой правительства России в отношениях с зарубежными государствами подавляющее большинство (82) опрошенных считает нормализацию связей со странами СНГ. В этом вопросе все лидеры проявили редкое единодушие: от 70 процентов в «нижней точке» (общественные организации) до 96 — в «высшей» (военное командование). Отношения с США считают приоритетными от 26 процентов (партии коммунистической ориентации) до 64 (законодатели) респондентов, с Германией — от 0 процентов (военное командование) до 40 (предпринимателей).

(Опрос лидеров общественного мнения. Июнь 1992 год. 500 человек)

интриган, он человек убежденный, нервический, остро реагирующий на все события, рисковый. Причем рискует он от внутренней честности своей позиции исходя из собственного понимания истины, а не ради сиюминутных личных выгод. Это фигура содержательная, крепкая, говорят они, но... совсем не предпочтительная на данном этапе судеб России — прежде всего в силу своей заурядности.

Секретарь Совета безопасности Юрий Скоков и руководитель секретариата президента Юрий Петров — единственные из окружения Бориса Ельцина, про кого не сказала до сих пор ни одного дурного слова газета духовной оппозиции «День»...

Обратная сторона военно-административного менталитета (если одна — высокомерие и пренебрежение к «низшим») — отчетливая ориентированность на начальство как на высшее существо. В багаже у Скокова — хорошие отношения с президентом. Личной харизмы у

него нет, сильной социальной базы пока тоже. Скрытым лейтмотивом его интервью «Итогам» стало — останьте, президент сам знает, с кем ему работать.

Ельцин не может не видеть, что ставка на такую противоречивую, вызывающую неоднозначное отношение фигуру, как Скоков, выглядит довольно странно. По мнению многих, президент умело балансирует между разными полюсами политического спектра, что дает ему возможность маневра. Каждая новая комбинация политических фигур создает новую ситуацию, стимулирует процесс, движение, подталкивает к новым вариантам решения. Как хороший шахматист, он иногда делает совершенно неожиданные ходы на чистой интуиции и не может объяснить, почему так поступил. Гениальное политическое чутье? Не волнуйтесь, говорят эти люди, гроссмейстерская рука скоро вновь перемешает фигуры...

Кто толкает министра Козырева в отставку?

Заявление Андрея Козырева о возможности нового путча и о том, что специальные службы России дезинформируют Бориса Ельцина, имело такой сильный резонанс еще и потому, что уж от министра иностранных дел такой смелости никто не ожидал.

Скорее всего, он и сам от себя этого не ожидал. Но, перейдя Рубикон, по свидетельству его окружения, не испугался, а почувствовал даже некоторое облегчение.

Воспитанный в духе традиционной дипломатии, Андрей Козырев неизменно повторяет, что он — лишь исполнитель воли президента. После заявления о возможности государственного переворота Андрей Козырев из дипломата сам превратился в политика.

Смена готова

Министра иностранных дел Андрея Козырева попросту недооценили.

Он никогда не считался сильной самостоятельной фигурой, какой был, скажем, Эдуард Шеварднадзе.

Когда Ельцин назначил своим советником известного дипломата Юлия Воронцова, который был первым заместителем у Шеварднадзе, многие решили, что Козыреву готовится смена.

Но наблюдатели приняли желаемое за действительное. Скорее, это был один из ловких тактических ходов, которые Ельцин явно перенял у Горбачева. Противники Козырева были довольны тем, что ему создан противовес в лице многоопытного Воронцова, но на самом деле все осталось по-прежнему. Нет оснований полагать, что Юлий Воронцов играет определяющую роль в выработке внешнеполитического курса.

В любом случае заменой Козыреву не станет дипломат старшего поколения.

Вписался ли бы, например, 63-летний Воронцов в «команду мальчиков» Гайдара?

Прощание с Андреем Козыревым преждевременно.

Президент Ельцин, похоже, понимает: отставку министра истолковали бы как знак того, что противники реформ берут верх в Кремле

«Мальчики» понимают, что они чужие в муравейнике власти, что они необходимы друг другу, что им надо держаться вместе: вокруг матерые муравьеды, которые не в состоянии примириться с мыслью, что какие-то юнцы обогнали их на лестнице власти.

Конечно, сплоченность команды не стоит переоценивать. Убрал же Ельцин после съезда, уступив давлению директорского лобби, министра топлива и энергетики Владимира Лопухина из команды Гайдара, заменив его проверенным кадром из числа бывших союзных министров.

«Мальчики» расстались с Лопухиным, что свидетельствует о том, что и их принципиальности есть пределы. Но попытку убрать Козырева, насколько можно судить, молодые министры воспримут как покушение на всю команду, как сворачивание политики реформ в целом. Тут сработает принцип домино: уронишь одну костяшку, посыпятся остальные.

Андрею Козыреву дышат в затылок не дипломатические зубры. Считается, что на пост министра могут претендовать новые политики: Лукин, Станкевич, Амбарцумов.

Медвежонок с характером

Первое впечатление обманчиво. Похожий на плюшевого медвежонка молодой человек с манерами круглого отличника, мягкий и, как положено карьерному дипломату, избегающий конфликтов, склонный к компромиссам, на самом деле обладает жестким характером.

Побывавшие с Козыревым в Нагорном

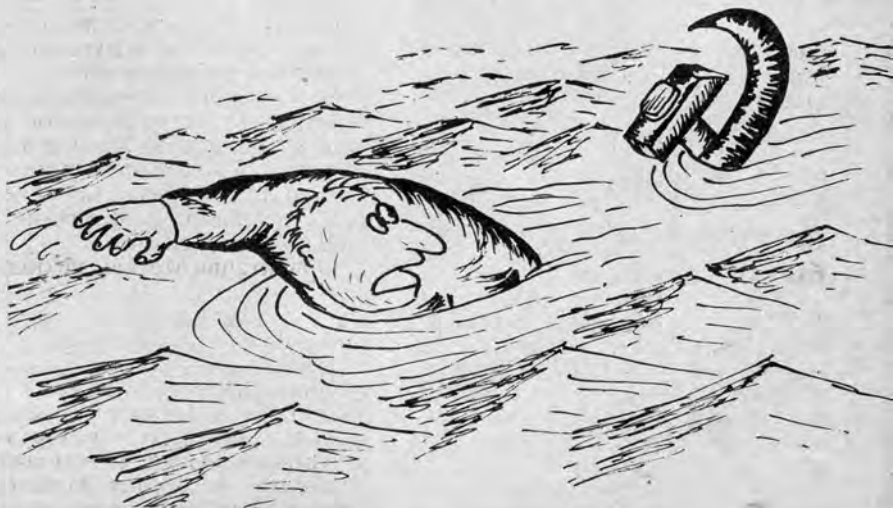

Рисунок Марата Таирова

Карабахе и в Афганистане журналисты убедились в его смелости. Он лишен и кабинетной трусости, свойственной аппаратным чиновникам.

Последнее время он испытывает сильное давление со всех сторон. Как всякий человек, он иногда поддается. Но если уверен, что прав, то твердо стоит на своем. Он бывает даже слишком упрям.

В отличие от Николая Рыжкова, который до слез обижался на публичную критику, Андрей Козырев не делает из этого вселенскую трагедию. Чем сильнее на него давят, тем крепче он упирается.

Он хладнокровно предстает перед Верховным Советом, где депутаты утверждают, что министерство иностранных дел России служит кому угодно, только не самой России.

Он с честью выдержал разбирательство в Совете безопасности, где высшее руководство страны, включая президента, недовольного вынесенным из избы сором, отчитывало его за интервью «Известиям».

Он спокойно отнесся и к газетным статьям, в которых его поспешили отправить в отставку — если не прямо сейчас, то, по крайней мере, накануне визита Бориса Ельцина в Японию.

Прощание с Андреем Козыревым, похоже, преждевременно.

Даже из суверенитета Ельцина не следовало бы убирать Козырева. Ведь путч, о котором предупреждал Шеварднадзе, состоялся. Не стоит искушать судьбу и проверять, был ли прав и Андрей Козырев...

Раньше отправить Козырева в отставку было легче: это была бы всего лишь замена одного должностного лица другим. Теперь замена Козырева выглядела бы как смена внешнеполитического курса, что для Ельцина сейчас вряд ли приемлемо.

Министр сделал ловкий ход?

Скорее это подтверждение тезиса о том, что нравственная политика надежнее и эффективнее.

Спор вокруг белых перчаток

Почему атакуют министра Козырева?

Потому что он отстаивает определенную позицию: без цивилизованного поведения в международных делах (включая отношения с бывшими советскими республиками) России путь в цивилизованный мир заказан.

Державникам, национальным со-

Министра иностранных дел не любят вице-президент, министры обороны, безопасности, многие депутаты, а также губернатор Сахалина, державники, национальные социалисты и казаки, но министр, кажется, не унывает

Фото ИТАР-ТАСС

циалистам неприятны его интеллигентные манеры, либеральные взгляды, уровень мышления, подход к проблемам.

Его либеральная линия, основанная на соблюдении норм международного права и общечеловеческих ценностей, на естественном союзе с демократическими государствами, — один из немногих твердо удерживаемых рубежей реформы. И этот рубеж противники реформы настроены взять.

Эдуарда Шеварднадзе в бытность министром тоже атаковали за «уступки Западу», за «следование в форватере США», за «отсутствие самостоятельности».

Тогда критики МИД называли себя коммунистами, теперь — патриотами, в основном это одни и те же люди, и для простоты их всех можно было бы называть национальными социалистами.

Бессмысленно объяснять им, что западные (в географическом диапазоне от Канады до Японии и от Исландии до Австралии) демократические государства не могут не быть естественными союзниками российской демократии.

Ориентация Москвы на общепринятые демократические ценности не может не приводить к единству мнений в принципиальных вопросах с Западом.

Присоединение России к санкциям против Ирака и Сербии, ускорение ядерного разоружения, стремление уладить отношения с Японией — все это необходимо, если становится демократическим государством. Честным людям не надо

предварительно и втайне сговариваться, чтобы называть негодяя негодяем.

Но для российских национальных социалистов демократия как раз и неприемлема.

Как и всякого порядочного демократа, Козырева считают скрытым евреем. Хотя расовая чистота в здании на Смоленской площади достигнута не одно десятилетие назад...

Защищать либеральную линию во внешней политике особенно некому: даже демократические политики, вроде Олега Румянцева или Сергея Станкевича, нынче доказывают, что они еще большие державники, чем национальные социалисты.

Один демократический депутат, например, уверен: с руководством бывших союзных республик нужно говорить только с позиции силы. Другой демократический депутат публично заявил: политика в белых перчатках хороша, когда

имеешь дело с цивилизованными государствами. Но соседи России, то есть бывшие союзные республики, таковы, что с ними надо попросту...

Андрей Козырев же считает, что нормальные взаимоотношения со странами — членами Содружества Независимых Государств могут быть созданы только на основе равноправия. Стоит только вернуться на позиции Старшего Брата — Россия сильнее и умнее — и четырнадцать соседей превратятся в четырнадцать врагов.

Министр проснулся

Какой главный недостаток Козырева?

Он недостаточно энергичен. Он слишком традиционен как дипломат.

Внешнеполитическая служба консервативна не только потому, что десятилетиями пропуск в здание на Смоленской площади выдавали главным образом обладателям завидных анкет, но и потому, что дипломатия вообще не терпит поспешности.

Министерство иностранных дел абсолютно не было готово к тому, что обрушилось на него после развала Советского Союза: сразу несколько локальных войн, установление отношений с четырнадцатью новыми соседями, судьба граждан России, оказавшихся за ее пределами.

Нет времени на длительную разработку политики, многое приходится решать сразу, без испытанной

Советника президента Юлия Воронцова прочили в кресло министра. Но вряд ли он впишется в команду Гайдара.

На пост министра могут претендовать новые политики:

Владимир Лукин, охотно сменявший пост председателя парламентского Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям на место посла в Вашингтоне

Сергей Станкевич, фактически уже не работающий в Моссовете, но и не нашедший себя в аппарате Ельцина. Молва уже столько раз «назначала» его на пост если не министра, то хотя бы посла в Вашингтоне, что он должен чувствовать себя несправедливо обойденным

Новый председатель парламентского Комитета по внешним делам Евгений Амбарцумов, в прошлом опальный политолог и боец с партийной номенклатурой. Он так критикует МИД, что становится ясно: он готов лично исправить ошибки нынешнего руководства российской дипломатии

циркуляции бумаг по инстанциям.

Но Козырев проснулся. В критических ситуациях он действует лучше и увереннее, чем занимаясь рутинной. Его спокойный характер, привычка к размеренности не мешают ему осваивать новый стиль работы. Он легок на подъем, сторонник личной дипломатии.

Министерство иностранных дел России — не монолит. У Козырева есть явные и скрытые противники. Последних значительно больше. О масштабах этой партизанской войны можно судить хотя бы по той регулярности, с которой секретные документы МИД утекают в газету «День».

Секретная телеграмма представителя России в ООН, судя по всему,

попала в газету не из МИД, но переписка с государственным секретарем Джорджем Бейкером и запись беседы с американцами заместителя министра Григория Берденникова, отвечающего за военно-стратегические вопросы, явно вынесли из здания на Смоленской площади подчиненные Андрея Козырева.

Непосредственное окружение Козырева, его заместители, члены коллегии, кажется, хранят верность министру. Свою команду он подобрал сам — за исключением Федора Шелова-Коведяева, которого ему прислали комиссаром после августовских событий. И Бориса Пастухова, бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ и посла в Афганистане.

У кого больше доступа к президенту?

Аппарат чувствует слабость позиций Козырева.

Прежде всего министр одинок. Вице-президент Александр Руцкой, который охотно занимается международной деятельностью, уже несколько месяцев публично заявляет, что линия Козырева никуда не годится.

Судя по всему, министр может рассчитывать лишь на некоторую поддержку Геннадия Бурбулиса. Расставшись с пышно звучащими постами, Бурбулис не утерял своего влияния на президента.

Министр безопасности России и директор Службы внешней разведки — партнеры-соперники Козырева — имеют постоянный доступ к президенту. Каждый понедельник они докладывают Борису Ельцину свою оценку происходящих событий.

Андрей Козырев, хотя он всегда может связаться с президентом и еще не было случая, чтобы ему отказали в приеме или в телефонном разговоре, постоянного фиксированного времени для доклада президенту не имеет.

А отношения между МИД, органами безопасности и военными остались прежними, то есть плохими. Разногласия касаются разоружения и конфликтов на территории бывшего СССР.

Военные жалуются президенту, что дипломаты идут на слишком большие уступки в сокращении вооружений. Поразившая всех договоренность в Вашингтоне о ликвидации целого класса ракет стала возможной только потому, что Борис Ельцин твердо высказался в пользу такого сокращения.

Органы государственной безопасности докладывают президенту, что дипломаты недооценивают враждебные намерения соседних государств — то есть бывших советских республик.

Повторяется ситуация с Горбачевым, которого КГБ и военная раз-

ведка снабжали ложной информацией из республик, подталкивая президента к применению силы. Это не должно никого удивлять, потому что в органах безопасности остались те же люди.

Мнение Козырева относительно всех внешнеполитических вопросов выслушивается первым. Потом министерства обороны и безопасности, Служба внешней разведки, а теперь и аппарат Совета безопасности стараются оспорить его точку зрения.

Пока что президент выбирает из предложенных ему вариантов самое разумное решение. Он, например, идет навстречу военным в кадровых вопросах — министр обороны Павел Грачев смог составить полностью «афганскую» команду, но в разоруженческих вопросах Ельцин принимает точку зрения МИД.

Будет ли так всегда?

Президент Ельцин занялся играми, которые любил президент Горбачев: вместо того чтобы смело и решительно вести реформы дальше, он начинает заботиться о балансе сил между сторонниками и противниками реформ, оставляя себе роль верховного арбитра.

У Горбачева это началось в тот момент, когда он как реформатор выдохся. Похоже, и Ельцин находится в растерянности, не знает, как действовать дальше. Прежде его наступательный пыл формировал настроения в обществе, теперь он начинает считаться с мнением противников реформ, думает, что им тоже надо дать место у власти.

Так появляются структуры, сразу же заявляющие о своем антиреформистском настрое.

Российский Совет безопасности создавался по образцу аналогичного американского института. Но в США руководитель внешнеполитического ведомства — государственный секретарь — входит в состав Совета национальной безопасности и вообще считается вторым, после президента, человеком в правительстве.

Можно предположить, что МИД постараются отодвинуть в сторону и разрабатывать все основные внешнеполитические документы в аппарате Совета.

Функционеры российского Совета безопасности иногда приглашают министра иностранных дел обсудить проблемы национальной безопасности. Иногда считают его присутствие излишним. Иногда Козыреву присылают заранее материалы к очередному заседанию Совета, чтобы он мог подготовиться. Иногда забывают.

Теперь Козырева самого будут стараться заставить изменить курс.

Молодой министр, естественно, дорожит своим постом — вершиной дипломатической карьеры. Надо надеяться: не настолько, чтобы ради должности менять свой курс.

Леонид Млечин

Будет ли Эстония выдвигать территориальные претензии?

Призрак российско-эстонских территориальных споров обретает все более конкретные очертания. В связи с двусторонними переговорами, где встал вопрос в том числе и о демаркации границы, заместитель министра иностранных дел Эстонии заявил о необходимости «вернуть» «эстонские» районы, включающие Ивангород и Печоры. Земли эти вошли в состав Эстонской Республики по Тартускому мирному договору 1920 года.

Никто из эстонских официальных лиц «первого ранга» территориальных претензий к России не предъявлял, но и не спешил их дезавуировать. То есть вопрос звучит пока как бы неофициально, но и официальная позиция не очевидна.

Стратегия «недоговаривания» позволяет предположить, что муссирование проблемы территорий имеет целью не реальное осуществление экспансии, а попытку давления на Россию. В самом деле, трудно поверить, что кто-то из европейских политиков всерьез допускает возможность присоединения к Эстонии территорий, населенных **исключительно** русскими. Это противоречило бы не только международному праву (и Эстония, и Россия приняты в ООН и СБСЕ в нынешних границах), но и национальным интересам самой Эстонии, так как изменило бы демографический состав населения в пользу русских

и число эстонских граждан оказалось бы в республике немногим больше граждан России.

Видимо, намекая на возможность пересмотра границ, эстонская сторона рассчитывает добиться от России большей уступчивости на переговорах, основной вопрос которых — вывод войск. Не исключено также, что эта карта разыгрывается с целью обезопасить себя от возможных будущих притязаний России на Нарвский район (благодаря эстонскому Закону о гражданстве северо-восток республики в ближайшее время окажется заселен не просто этнически русскими, но гражданами России).

К сожалению, как учит опыт последних лет, разговоры о территориальных претензиях, независимо от цели, с которой они заводятся, сами по себе чреваты серьезнейшими последствиями. Где гарантия, что население так называемых «спорных районов» не потребует дополнительных мер, ограждающих их от эстонских притязаний? Где гарантия, что эстонские национал-радикалы не используют вопрос о территориях для укрепления своих позиций? Наконец, где гарантия, что практика игнорирования заключенных договоров (речь в данном случае о Российско-эстонском договоре 1991 года, подтвердившем незыблемость границ) не получит широкое распространение? А это уже серьезная угроза не только двусторонним, но и всем межгосударственным отношениям на территории бывшего Союза.

Юрьевский договор семьдесят лет спустя

Евгений Усенко,
профессор, доктор юридических наук

Почему псковские земли вдруг оказались «спорными»?

После провозглашения своей независимости Эстонская Республика не раз давала понять, что, возможно, потребует от Российской Федерации передать ей Печорский район Псковской области и часть Кингисеппского района Ленинградской области. Данные территории, объясняет эстонская сторона, отошли к Эстонии по мирному договору между Россией и Эстонией, заключенному в Юрьеве (ныне — Тарту) 2 февраля 1920 года. Иначе говоря, не исключено, что Эстония официально потребует привести российско-эстонскую границу в соответствие с Юрьевским договором (этот договор нередко именуется «тартуским», что юридически ошибочно, ибо во время заключения договора города с таким наименованием не существовало).

Для того чтобы ответить на вопрос, насколько правомерны и правомерны ли вообще эти притязания, следует проанализировать ряд факторов и обстоятельств.

Это прежде всего **вопрос об исторической принадлежности** территории, на которую ныне претендует Эстония.

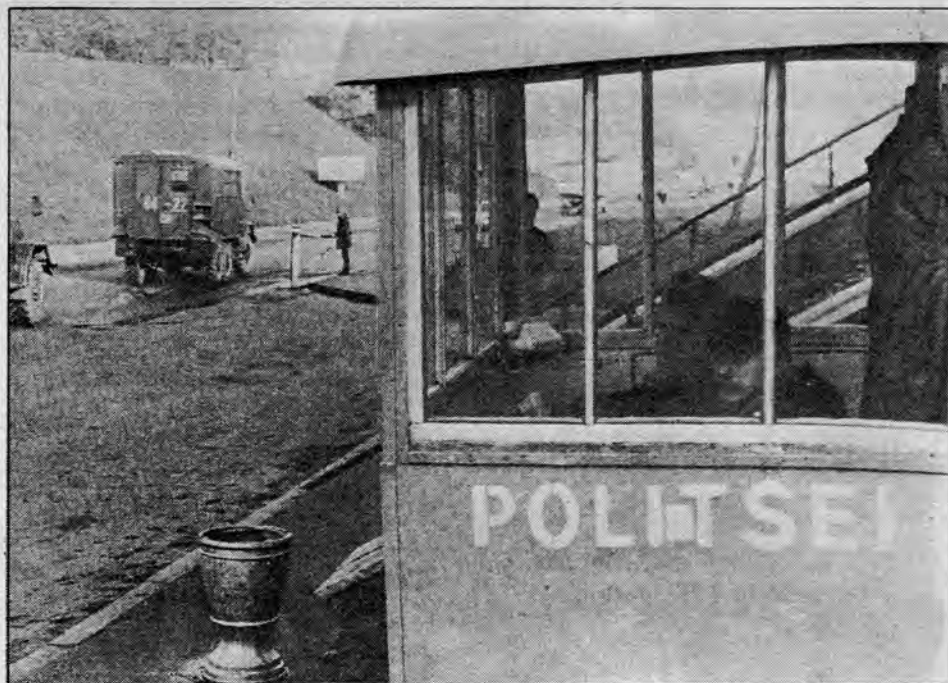
Как известно, Эстония до революции 1917 года не имела своей государственности и, следовательно, не имела государственных границ. Обе ее части (северная и южная) входили в состав Российской империи. Северная часть представляла собой Эстляндскую губернию, южная — входила в Лифляндскую губернию. Эстляндская и Лифляндская губернии согласно административно-территориальному делению России граничили на востоке соответственно с Петроградской (С.-Петербургской) и Псковской губерниями. Ознакомление с относящимися к этому региону картами Российской империи за период с начала XVIII века по октябрь 1917 года свидетельствует о том, что «спорная территория» никогда не входила в состав Эстляндской или Лифляндской губерний. Равным образом и более ранняя карта, относящаяся к периоду, когда здесь России противостояла Швеция, — шведская карта 1676 года относит эту территорию не к Эстляндии, а к Ивангородскому лену и к России. Наконец, следует также отметить, что государственная граница между Россией и первым эстонским государством, возникшим в ноябре 1918 года (Эстляндской трудовой коммуной), также проходила по исторически сложившейся линии административно-территориального разграничения упомянутых губерний России.

Другим важным критерием, используемым в международном праве при определении государственной принадлежности спорной территории, является **этнический состав** ее населения. Вплоть до XVIII века на «спорной территории» почти не было коренного эстонского населения. Миграция эстонцев в эти края, начавшаяся в XVIII веке, не привела к сколько-нибудь существенному изменению национального состава населения: эстонцы на этих землях и в начале нынешнего века продолжали составлять незначительное меньшинство.

Со всей определенностью следует отметить, что абсолютное преобладание на «спорной территории» в настоящее время русского населения — это не следствие ее «колонизации» за советский период, а, напротив, результат естественного исторического процесса, уходящего своими корнями в далекое прошлое: к временам Александра Невского, утвердившего границу по реке Нарва.

1920 год: территории — против гарантий

Третий важный фактор, который принимается во внимание при урегулировании территориальных споров, — это **фактор военно-стратегический**. Общеизвестно, что стратегическим интересам государства в наибольшей мере отвечают так называемые «естественные границы», которые проходят по горным хребтам, рекам, озерам, морскому побережью и иным естественным рубе-

Сегодня на российско-эстонской границе спокойно

жам. Такие естественные рубежи для обоих государств образуют: река Нарва, озера Чудское и Псковское и река Пимжа. Характерно, что эта линия границы в общем и целом совпадает с этнической границей русских земель.

В ходе мирных переговоров 1919–1920 годов в Юрьеве российская делегация неоднократно обращала внимание представителей Эстонии на то, что линия границы должна определяться с учетом военно-стратегических интересов России и что предложения эстонской стороны не учитывают это законное требование. Однако эстонская делегация оставалась глухой к этим аргументам. В конечном итоге и данная позиция была сдана российской делегацией.

Для советского правительства в переговорах о мире с Эстонией главным был не территориальный вопрос, а вопрос о ликвидации так называемой «Северо-Западной армии» Юденича, находившейся на территории Эстонии и представлявшей непосредственную угрозу Петрограду.

В ходе переговоров эстонское правительство проявляло категорическую неуступчивость по вопросу о границе и в то же время уходило от решения вопроса о «гарантиях» (так советская делегация именвала свое требование о ликвидации армии Юденича, ее опорных баз в Эстонии и решения других, связанных с этим проблем). Переговоры о мире, начатые еще в сентябре 1919 года в Пскове, были прерваны Эстонией с началом похода армии Деникина на Москву. Они возобновились только 5 декабря 1919 года в Юрьеве после разгрома второго похода Юденича на Петроград (октябрь–ноябрь 1919 года). Переговоры велись с проволоч-

ками, что вынудило российскую делегацию высказать предположение, что Эстония хочет просто выиграть время, необходимое для восстановления боеспособности армии Юденича, укрывшейся на территории Эстонии. Красная Армия была вынуждена возобновить военные действия против «Северо-Западной армии» и поддерживающих ее эстонских соединений.

Взятие Нарвы Красной Армией возымело свое действие: произошло резкое изменение в позиции эстонской делегации. В результате в мирном договоре между Россией и Эстонией появились статья III, определяющая линию границы так, как того хотела Эстония, и статья VII, обеспечившая гарантии, которые в то время были важны для Советской России.

Под давлением, но пожелал?

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых. Допустив пребывание (и формирование!) на своей территории армии одной из сторон, участвовавших в гражданской войне в соседнем государстве, и, более того, поддерживая своими вооруженными силами операции этой армии, Эстония нарушала действовавшее международное право, которое обязывало ее к нейтралитету и соответственно к интернированию указанной армии. Кроме того, Эстония предоставила свою территорию как опорную базу и оказывала содействие армии, которая вела борьбу за свержение правительства, признанного Эстонией в качестве единственного законного правительства России, что подтвердила самым фактом вступления с ним в переговоры о мире (следует заме-

титель, в 1933 году советское правительство добилось включения в Лондонскую конвенцию об определении агрессии положения, определявшего действия, аналогичные тем, которые совершала Эстония по отношению к России в 1919 году и начале 1920 года как агрессию).

Во-вторых. Фактически обусловив вопрос о «гарантиях» (о ликвидации «Северо-Западной армии») принятием ее территориальных претензий, Эстония стала на путь давления на Россию, которое лишило ее возможности свободно в соответствии с ее интересами решить территориальный вопрос. Эстония была лишь частью сил огромной коалиции, наступавших на Россию. Именно этот фактор давал возможность Эстонии фактически шантажировать Россию и вести переговоры в ультимативной форме.

Сказанное не означает, что соответствующие положения Юрьевского договора (положения его статьи III) можно рассматривать как юридически недействительные *ab initio* («с самого начала»), как это предусмотрено статьей 52 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, в которой речь идет о недействительности международного договора, заключенного в результате угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права. Международное право, действовавшее во время заключения Юрьевского договора, знало противоположный принцип: *kuamvis coactus volui at tamen volui* (хотя по принуждению, но все же пожелал). Но если Эстония ныне ставит вопрос фактически о «реанимации» в какой-либо правовой форме положений статьи III договора, то его решение, естественно, должно быть подчинено статье 52 Венской конвенции, в которой речь идет о недопустимости любого давления в связи с заключением договора.

Однако и старое международное право давало возможность России, а затем Советскому Союзу (как правопреемнику России по Юрьевскому договору) **оспорить** положения статьи III как несправедливо санкционирующие **аннексию** Эстонией части территории России. Это было правом России, соответственно Советского Союза, которым они не воспользовались.

Не без согласия

Юрьевский договор утратил юридическую силу в момент включения Эстонии в Союз ССР. Это следует из общеизвестного положения международного права, согласно которому государство, вступающее в федерацию, прекращает свое существование как субъект международного права и становится субъектом федерации.

После включения Эстонии в Союз ССР восстановление исторической границы между РСФСР и Эстонской ССР могло быть сделано лишь в соответствии с Конституцией СССР.

НАША СПРАВКА

В Эстонии дислоцированы следующие воинские части России:

СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА: 144-я гвардейская мотострелковая дивизия с штабом в Таллине, 254-й мотострелковый полк в Таллине, 1259-й артиллерийский полк противозвоздушной обороны и батальон связи, 228-й танковый полк в Кейле, 488-й мотострелковый полк в Клоге, 45-й артиллерийский полк, батальон разведки, инженерный и саперный батальоны.

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ ВОЙСКА: 384-я отдельная вертолетная эскадрилья в Тапе, штаб 326-й дивизии и 132-й полк тяжелых бомбардировщиков в Тарту, полк транспортной авиации в Тарту.

ВОЙСКА ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ: 14-я противовоздушная дивизия, авиаполки противовоздушной обороны — 425-й в Хаапсалу, 655-й в Пярну (сейчас уже ликвидирован), 656-й в Тапе.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ: базы в Таллине и Палдиски.

МОРСКАЯ АВИАЦИЯ: 170-й полк в Сууркюла.

ВОЙСКА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ: батальон бригады в Вильянди.

В Эстонии в Сурпеа (на берегу залива Хара) находится большой исследовательский центр военно-морского флота. Есть военные полигоны в Аэгвиду и на острове Пакри. В Палдиски находится Учебный центр экипажей подводных лодок (в нем имеются два учебных ядерных реактора).

Данные взяты из газеты «Латвияс Яунатне» (Латвия)

Статья 18 Конституции СССР 1936 года устанавливала: «Территория союзных республик не может быть изменена без их согласия», причем статья 14 этой же Конституции относилась к ведению Союза ССР «утверждение изменений границ между союзными республиками». Основываясь на этих положениях Конституции СССР, Президиум Верховного Совета СССР своими Указами от 23 августа 1944 года и 24 ноября 1944 года, ссылаясь на соответствующие ходатайства и представления Президиумов Верховных Советов РСФСР и Эстонской ССР, утвердил изменения границы между этими республиками. В этом же порядке был принят Указ ВС СССР от 31 октября 1957 года, утвердивший некоторые дополнительные изменения данной границы. В результате этих актов была конституирована ныне существующая **государственная граница** между Российской Федерацией и Эстонией.

Выход Эстонии из СССР также не может вести к автоматическому воскрешению Юрьевского договора.

И снова давление

Наконец, независимо от того, считает ли Эстония эту границу «законной» или «незаконной», она фактически существует и с момента обретения Эстонией самостоятельности стала границей между двумя европейскими государствами. В этом своем качестве она подчинена принципу нерушимости границ, провозглашенному Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки.

Требование Эстонии о пересмотре границы не может оцениваться иначе, как покушение на принцип нерушимости границ в Европе, а односторонние решения и действия эстонских государственных органов в этом направлении, предпринимаемые без предварительных консультаций с Российской Федерацией, как попытки осуществить, говоря словами Заключительного акта, «узурпацию» искони русских земель. В аспекте Хельсинкского акта необходимо оценивать и ведущуюся в Эстонии официальную пропаганду за изменение существующей границы между Эстонией и Россией. Она имеет своей целью оказывать недопустимое давление на Правительство РФ, сеет рознь между народами обеих стран, не создает условий для спокойных межгосударственных переговоров.

Все сказанное выше можно суммировать в форме следующих выводов:

Юрьевский мирный договор между Россией и Эстонией 1920 года не может служить правовой основой для решения вопроса о границе между обоими государствами, так как он утратил силу в момент включения Эстонии в состав СССР.

Если бы даже включение Эстонии в СССР не имело места, то и в таком случае положения этого договора о границе должны были бы утратить силу как противоречащие императивной норме современного международного права, установленной в статье 52 Венской конвенции, и упомянутой выше Декларации конференции ООН.

Юрьевский договор порочен не только с точки зрения обстоятельств его заключения (давление на государство), но и с точки зрения его содержания: он санкционировал аннексию Эстонией искони русских земель.

Граница между Эстонской ССР и РСФСР была изменена с их согласия в соответствии с Конституцией СССР и конституциями этих республик, то есть в соответствии с теми основными правовыми актами, которые определяли их права и обязанности как субъектов федерации.

Изменение границы, произведенное с согласия Эстонской ССР и РСФСР, имело своей целью восстановление исторически справедливой границы.

Требование Эстонской Республики об изменении границы противоречит принципу нерушимости границ в Европе, установленному Заключительным актом Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе.

ЦСУ победило ЦРУ

Самая большая ошибка ревизионистов: они поверили советской власти

Уолтер Лакер

50-е и 60-е годы были золотым веком западной советологии. Появились фонды, щедро финансировавшие эти исследования. Процветали такие научные заведения, как колледж Святого Антония в Оксфорде или Русский исследовательский центр в Гарварде. Эта тематика привлекала блестящих молодых ученых. Появились первоклассные исследования советской политики, экономики, культуры.

Естественно, в советологии никогда не было единой партийной линии, всегда существовала разница в оценках. Но в общем и целом для советологии это был период высокой продуктивности и высокого качества исследований. Звучали, разумеется, абсолютно ложные и нелепые суждения — но как редчайшее исключение.

В конце 60-х годов ситуация начала меняться по множеству причин, главная из них — смена поколений. Вьетнамская война, недовольство студенчества политической системой Соединенных Штатов и Западной Европы радикализировали университеты.

Запад плох, поэтому Восток не так уж дурен

Настроения в обществе — то, что немцы называют духом времени, — однозначно склонились в пользулевой идеологии, поддержки «третьего мира» и антиамериканизма. Совершенно неизбежно отношение к советской системе должно было стать более позитивным.

Младшее поколение советологов хотело дистанцироваться от своих предшественников. Они отвергли «тоталитарную модель», считая ее порождением пропагандистских кампаний времен «холодной войны»: да, советская система — это диктатура, но и Запад отнюдь не идеален.

В силу этого для ученого правильное считалось занять позицию равноудаленности от обеих систем, может быть, даже чуть приблизиться к советской. Они решили, что советская система — это «диктатура социальной справедливости, способная к развитию». Ее цель — сделать советских людей более свободными

и преуспевающими. А вот реакционная западная система находится в упадке.

Появились книги, в которых утверждалось, что у сталинизма были достижения, — к таковым относилась, например, культурная революция. В других книгах утверждалось, что масштабы ГУЛАГа и чисток переоценивались — лишь немногие в России жили в состоянии страха и лишь несколько десятков тысяч пострадали.

И вообще советская система значительно демократичнее (и куда менее агрессивная), чем утверждало прошлое поколение советологов. Просто в России другой вид демократии, и она отстает от Запада по уровню жизни и экономической эффективности.

Советский режим стал очень популярен: он стремительно догоняет Запад, утверждало новое поколение советологов, у него множество достижений в различных областях, и Западу следовало бы основательно поучиться на советском опыте. Критические оценки советской политики решительно отвергались как рецидивы «мышления времен «холодной войны».

Коммунизм нужно изучать изнутри

У «ревизионистской революции» было идеологическое измерение. Я писал в прошлом номере «НВ», что прежнее поколение специалистов по Советскому Союзу не принадлежало к числу чистых ученых — они занимались политикой, многие из них знали марксизм-ленинизм и коммунистические партии, что называется, изнутри. Поэтому у них был опыт и познания, которых большинство ревизионистов были почти полностью лишены.

Вся их жизнь прошла в университетских городках, они не смогли понять не только коммунизм, но и политику как таковую — за исключением, может быть, университетской политики.

Они страдали тем, что психологи называют «зеркальным воображением», то есть они так или иначе пытались происходившее в Советском Союзе интерпретировать в привычных им терминах западной жизни. И тогда у них получалось, скажем, что советское правительство функционирует почти совсем как американское, и даже коммунистическая

партия Советского Союза, отличаясь, пожалуй, некоторым своеобразием, во многом схожа с западными политическими партиями.

Нехватку опыта и способности инстинктивно понять, что происходит в СССР, «ревизионисты» старались компенсировать с помощью «социологических методов».

Вторая половина 60-х и 70-х годов — это время триумфального вторжения всех видов социологической техники, парадигм и моделей, вошедших в моду на Западе, в сферу советологии — с ужасающими последствиями.

Советологи стали оперировать такими понятиями, как «развивающаяся бюрократия», «социальная мобильность», особый советский подход к «модернизации». Все это были грандиозные идеи, но они не имели ничего общего с советской действительностью.

Историки писали книги, в которых доказывали, что большевистский переворот 1917 года вовсе не был переворотом, а неизбежным и в конечном счете благотворным социальным процессом. Столь же позитивно они оценивали и коллективизацию сельского хозяйства.

Они пришли к выводу, что советская система не является (и, возможно, никогда не была) тоталитарной. Они называли ее авторитарной, не пояснив, что они имеют в виду. И де Голль был авторитарным лидером. Авторитарные системы существуют в Марокко и Иордании. Не хотели же «ревизионисты» сказать, что советская система близка к французской или марокканской?

Сталин и Гитлер как Гамлеты наших дней

«Ревизионизм» привел к ужасным и часто гротескным искажениям реального положения вещей. Но будет только справедливо добавить, что эта болезнь поразила не одну советологию. Ее следы заметны в конце 70-х и в трудах исследователей, занимавшихся нацистской Германией.

Внезапно появились книги, из которых следовало, что на самом деле Гитлер не был таким уж могущественным, что нацизм тоже не был тоталитарным режимом, а был «диктатурой, способной к развитию» и так далее.

Авторы этих трудов вовсе не принадлежали к числу ультраправых (прямых поклонников нацизма), напротив, они были левыми, поклонниками современных методов со-

циологии с примесью марксизма.

Гитлер и Сталин превратились в гамлетовские фигуры, заложников бюрократии, которые в половине случаев даже не знали, что происходит вокруг них.

А германисты стали упирать на тот факт, что им не удалось найти в архивах ни одного документа, подтверждающего, что Гитлер отдал приказ об уничтожении всех евреев.

Простая мысль о том, что чем ужаснее преступление, тем менее вероятно, что в Москве или в Берлине сохраняют соответствующий письменный приказ, совершенно не приходила им в голову.

Исследованиями советской экономики на Западе занимались преемственные ученые, возможно даже, что здесь научный уровень был выше, чем в какой-либо другой сфере советологии.

Но, к сожалению, в таких основополагающих вопросах, как величина советского валового национального дохода, качество и количество промышленного производства, доля военных расходов в бюджете, ведущие советологи-экономисты были абсолютно неправы. Причем ошибались не только академические ученые, но и эксперты

ЦРУ и других государственных учреждений.

Экономисты, которых погубила их доверчивость

Они постоянно переоценивали экономические успехи СССР, в основном потому, что принимали всерьез цифры советской официальной статистики. Конечно, они не верили им полностью, но наивно полагали, что должна же быть какая-то связь между официальной статистикой и реальностью.

Они отказывались верить, что многие цифры были просто придуманы и что даже сами советские лидеры (особенно при Брежневле) так же плохо представляли себе реальное положение экономики страны, как и западные советологи, поскольку их дезинформировали собственные подчиненные, в свою очередь введенные в заблуждение

ложными сообщениями с мест.

Парадоксальным образом эта пропагандистская ложь нанесла Советскому Союзу много вреда. Для западных правительств вывод о том, что советская экономика на самом деле сильнее, означал, что и на военные цели Москва тратит значительно больше, чем она тратила в реальности. Следовательно, и Западу нужно увеличить военные ассигнования.

Иначе говоря, в результате советской дезинформации гонка вооружений превратилась в жестокое соревнование, в котором Советский Союз победить не мог и которое на самом деле ослабляло его экономику в той степени, в какой сокращались ассигнования на гражданские отрасли экономики.

Разумеется, среди западных советологов никогда не было полнейшего единодушия. Хотя в 70-е и в начале 80-х благожелательное отношение к советской системе и советскому руководству было модой, находились и диссиденты — и не только среди исследователей старшего поколения.

Так, на Западе еще до Горбачева установили, что где-то в 70-е годы произошел серьезный сдвиг в настроениях советского общества — от оптимизма к пессимизму. Но этот вывод, в свою очередь, требовал ответа на вопрос, что послужило причиной такой серьезной перемены: ухудшение экономики, падение уровня жизни, понимание того, что старые лидеры просто выдохлись, или страна потеряла управление?

Конечно, это были ключевые вопросы и, когда в 1989–1990 годах в России разразился настоящий кризис, для многих ведущих западных экспертов это не было полной неожиданностью.

Оглядываясь, следует признать, что провал советологии был естественным следствием провала целого поколения ученых (не всех, конечно, но абсолютного большинства из них), которые занялись советологией в конце 60-х, испытывая симпатии к социализму и полагая, что Советский Союз — это и есть социалистическое государство!

То, что произошло в Советском Союзе в последние годы, повергло их в шок. Они чувствуют себя преданными, когда русские говорят и пишут о тоталитаризме, который, как утверждали западные советологи, просто не существует...

Признавать ошибки всегда непросто, люди находят себе сотни оправданий только чтобы не сказать, что они были неправы. Неудивительно, что «ревизионизм» так и не признал своего банкротства.

Впрочем, это, наверное, не имеет особого значения. Уже появилось новое поколение ученых, более реалистически относящееся к тому, что происходило и происходит на одной шестой земной суши.

ЛОНДОН

Экс-министр. Мечтатель. Диссидент

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Переступив порог просторного продолговатого фойе образцово-показательной школы имени Мартина Лютера Кинга, я как бы одним движением машины времени оказался в знакомой атмосфере десяти-пятнадцатилетней давности. Тогда на такие довольно однообразные действия, далекие от фокуса политической жизни, приходилось ходить по заданию редакции (до лета 1984 года я работал в «Правде»). Сейчас я пришел сам. Из любопытства.

Надо сказать, левые идеологические друзья-соперники бывшей советской партийно-государственной машины мало изменились. Они так же бойко и вдохновенно рекламировали брошюры, видеокассеты и митинги на темы: «Руки прочь от Кубы!», «Агрессия США против Панамы», «Остановим израильские поселения на оккупированных территориях!» (что сейчас практически совпадает с позицией Белого дома) и «Да здравствует независимое палестинское государство!» (что не входит в планы администрации). Появилось и нечто сравнительно свежее: осенний выпуск брошюры партии Мира рабочих призывал сказать: «Нет бушевско-ельцинско-горбачевской контрреволюции в СССР». Борис Ельцин в этом опусе назван «главным архитектором капиталистической контрреволюции в СССР», а Михаил Горбачев — его «партнером по преступлению», то есть по нашим понятиям — «подельщиком».

Гвоздем программы был проходивший в громадном школьном зале, напоминающем московский кинотеатр «Октябрь», международный народный трибунал над военными преступлениями в Ираке. Вся оригинальность замысла его устроителей состояла в том, что на воображаемой скамье подсудимых оказался не Саддам Хусейн, а Джордж Буш, Джеймс Бейкер, Норман Шварцкопф и другие «отцы» операции «Буря в пустыне».

**Человек, «предавший»
истэблшмент**

При всей левой ортодоксальности и даже

**Американская
политическая
система — это
плутократия,
а Джордж Буш
— военный
преступник —
такова точка
зрения
человека из
ближайшего
окружения
Джона
Кеннеди**

твердолобости многих американских радикалов я отношусь к ним с уважением. Хотя здесь и не сажают в психушки, непримиримой оппозиции в Америке тоже приходится нелегко. Среди «революционеров», очевидно, есть активисты, подкармливаемые в порядке «международной солидарности» оставшимися очагами борьбы за «светлое будущее человечества». Но большинство — искренние люди, по-своему пытающиеся выразить протест против социальных язв Америки. На собрании в краснокирпичной современной школе имени Мартина Лютера Кинга было много цветных и испаноязычающих американцев. Задолго до бунта в Лос-Анджелесе, который почему-то стал откровением для многих зарубежных политиков и обозревателей, здесь звучали призывы против расизма и жестокости полицейских, высказывалась прекрасная — хотя, увы, прекраснотушная — идея оплачивать женщинам их работу по своему домашнему хозяйству...

Среди этого разношерстного племени был один человек, не вмещавшийся в привычные рамки. Худощавый, скуластый, в костюме песчаного цвета, он внешне мало выделялся даже на сцене, где заседал довольно многочисленный трибунал. Но именно он был «звездой».

Не каждому, даже сугубо «благопристойному», собранию удастся заполучить своей душой и мозгом человека, достаточно прочно вошедшего в историю. Сын министра юстиции администрации Гарри Трумэна, составлявшего «черные списки», он с первых дней президентства Джона Кеннеди занимал крупные посты в администрации, работал в теснейшем контакте с Робертом Кеннеди, которого сменил пойдя по стопам своего отца.

Рамсей Кларк сыграл заметную роль в принятии ряда законов, положивших юридический конец расовой дискриминации и сегрегации в США. После отставки Линдона Джонсона Кларк вернулся к частной адвокатской практике и, по его словам, посвятил себя защите гражданских свобод и прав человека.

«Бойня в пустыне»?

Удивительное дело, в отличие от других американцев, год назад устроивших восторженный прием победителям войны в Персидском заливе, а сейчас почти забывшим о ней, Кларк переживает события тех дней,

как будто они произошли вчера.

«Новое время». Простые иракцы, несомненно, страдали и страдают от войны и ее последствий, как страдали немцы и японцы во время второй мировой войны. Но разве можно забыть о страданиях жителей Кувейта, ставшего жертвой агрессии саддамовского Ирака.

Рамсей Кларк. Мысль о том, что можно устроить резню 200 тысяч людей, включая женщин, детей и стариков, только по причине возмущения тем, что Саддам Хусейн оккупировал Кувейт, — верх кровожадности. Войны как таковой не было. Мы потеряли всего 148 человек, из них — 37 от огня своих. Американских самолетов было сбито меньше, чем их теряли на маневрах НАТО.

Конечно, Ираку не следовало прибегать к силе против Кувейта. Я не одобрял действия США во Вьетнаме или Советского Союза в Афганистане. Но разве это повод для уничтожения миллионов американцев или русских?

«НВ». Недавно рассекреченные материалы Пентагона показывают, что американские генералы опасались крупных потерь...

Р.К. Не было никакой необходимости выводить систему водоснабжения в Мосуле, в тысяче километров от Кувейта, для того, чтобы уменьшить потери в живой силе. Мы бомбили иракцев столько, сколько хотели. Летчики сравнивали эти воздушные удары с охотой на индюшек. «Передавай привет Аллаху!» — кричали они, а их противники даже не могли увидеть, откуда их обстреливают. Это была просто бойня.

«НВ». Такова, похоже, «высокотехнологичная» война...

Р.К. Она показала, что перед американским военным потенциалом, по сути, беззащитна любая, за небольшим исключением, страна. Первые удары по Ираку были нанесены с трех сторон: стратегические бомбардировщики «Б-52», совершив беспосадочный перелет с авиабазы в штате Лу-

«Сияющий град на холме» — реалия сегодняшнего дня или отдаленного будущего?

изиана в Турцию, выстрелили оттуда крылатыми ракетами, морские «крылатки» были запущены с подводных лодок в Восточном Средиземноморье и в Индийском океане. За полчаса было выведено из строя 95 процентов всей электросистемы страны. Потом началось методическое разрушение системы снабжения водой и питанием. Я знаю, что это такое: провел восемь дней в Ираке, наблюдая за бомбардировками с земли и с крыши. Ты сидишь без воды, без еды, не имея никакого понятия, что происходит вокруг, и ждешь, пока на тебя обрушатся бомбы.

«НВ». В войне в Персидском заливе США действовали в составе многонациональных сил, по мандату международного сообщества в лице Совета Безопасности ООН. Американский конгресс тоже поддержал Буша.

Р.К. Буш хотел разгромить Ирак, и он добился своего. Конгресс не мог остановить его. Ранее Советскому Союзу было по силам защитить своего союзника. Но на этот раз он оказался бессильным. Конгресс попал почти в безвыходное положение. Он не успел

оглянуться — в августе были каникулы, в ноябре выборы, — как Белый дом напавил несколько сот военнослужащих и добился принятия резолюции 678 Совета Безопасности ООН. Поймите избирателя, поймите его конгрессмена. И тот и другой были против войны. Но если сын уже находится на поле боя, где он может потерять жизнь, как отказать ему в поддержке? Все же, на удивление, многие законодатели проголосовали «против», законопроекты о поддержке администрации прошли с небольшим перевесом голосов.

«НВ». Разве была возможность заставить Саддама Хусейна уйти из Кувейта, не прибегая к военной силе?

Р.К. Уверен в этом. Хусейн еще 12 августа заявил о готовности к компромиссу, к переговорам по любому вопросу, включая вывод войск из Кувейта. В ноябре 1990 года, когда мы встретились в Багдаде, он без всяких оговорок подтвердил эту позицию.

«НВ». У Багдада было достаточно времени и возможностей для переговоров, не говоря уже о прекращении оккупации Кувейта — почти полгода.

Р.К. Саддам Хусейн понимал, что Ирак подвергнется атаке. Я сказал ему, что он несет ответственность перед детьми своей страны, что он должен помнить о Хирошиме, о семистах ядерных боеголовках, нацеленных на Ирак. Указав на то, что Ирак беспомощен против этой силы, я посоветовал Хусейну найти выход из сложившегося положения. Он ответил: «Я пытаюсь, но если я просто выведу войска, американцы нападут на них под предлогом, что я начал военные действия». На первый взгляд звучит абсурдно, но вспомним инцидент в Тонкинском заливе. США нанесли удар по Северному Вьетнаму под вымышленным предлогом. А в прошлом веке под надуманными предлогами США начали войну против Мексики, захватив Техас, Калифорнию, Аризону и другие земли, а через полвека — против Испании, прибрав к рукам Кубу и Филиппины.

Как пестовали Хусейна

«Искренние» заверения багдадского диктатора о том, что, мол, он рад был бы вывести войска из Кувейта, да вот американцы мешают, меня никак не убедили.

В его «искренности» безошибочно можно определить до боли знакомую сталинскую демагогию. Сколько раз высоким иностранным гостям с сахарной улыбкой подсовывалась ложь в красивой упаковке!

Кларк — опытный политический деятель. Но, думаю, даже ему как предельно честному и цельному человеку, выросшему не в самой совершенной, но, к счастью, не прошедшей школу тоталитаризма стране, просто трудно представить, до какой степени низости могут опуститься лицемеры типа Саддама Хусейна.

Тем не менее суждения Кларка, выраженные в резкой до предела форме, высвечивают многие оставшиеся в тени стороны политики Вашингтона в Персидском заливе и создают более объемную картину операций «Щит» и «Буря в пустыне».

В составленном в мае прошлого года первоначальном обвинительном приговоре Международного трибунала Рамсей Кларк в перечне «грехов» Вашингтона на первое место ставит следующий:

«Начиная с 1989 года или ранее, Соединенные Штаты действовали способом, умышленно подталкивающим Ирак к провокациям, которые оправдали бы американскую военную акцию против Ирака и постоянное военное господство США в районе Персидского залива».

Насчет «умышленности» вопрос спорный. Но в последнее время и демократы, и независимый кандидат Росс Перо в один голос говорили о том, что Белый дом помог взрастить багдадское чудовище, потакавая его аппетитам. Со свойственной ему прямолинейностью острый на язык текасский миллиардер заявил, что накануне вторжения Ирака в Кувейт

администрация «пестовала и ублажала» Хусейна.

В принципе ставка администраций Рейгана и Буша на Ирак была оправдана с точки зрения интересов США в первой половине 80-х годов. Тогда главную региональную угрозу представлял собой воинствующий шиитский Иран, и согласно испытанному на протяжении тысячелетий принципу равновесия сил (или срамливания противников) Багдад использовался как противовес Тегерану, пытавшемуся силой распространить идеи «исламской революции» на Среднем и Ближнем Востоке.

Однако Вашингтон настолько увлекся, что допустил грубейший стратегический просчет, не оценив вовремя, насколько угрожающе возросли аппетиты и амбиции до зубов вооруженного Саддама Хусейна, особенно после фактического поражения Тегерана в ирако-иранской войне.

Несмотря на полученные еще в 1985 году разведывательные донесения о разработке Багдадом ядерного и химического оружия и ракет дальнего радиуса действия (тех самых усовершенствованных «СКАДов», которые доставили во время войны в Персидском заливе столько хлопот), несмотря на превращение Ирака в главного возмутителя спокойствия в регионе, Джордж Буш подписал 2 октября 1989 года директиву по национальной безопасности номер 26, которая заморозила политику США в отношении Ирака. Она предусматривала содействие в «восстановлении иракской экономики, особенно в сфере энергетики, если это не противоречит нашим целям в области нераспространения и других важных сферах».

Фактически это означало предоставление правительственных гарантий кредитам на закупку сельскохозяйственной продукции, которые с 1983 по 1990 год составили пять с половиной миллиардов долларов и которые, как теперь утверждают, частично использовались Багдадом для закупок вооружений (в частности, за счет незаконных кредитов, которые перекачивались в Ирак через отделение итальянского «Банка национале дел Лаворо» в Атланте). Это означало разрешение на экспорт в Ирак в 1985–1990 годах высокотехнологичной американской техники двойного назначения на полтора миллиарда долларов. Это означало предоставление багдадскому диктатору американской разведывательной информации об Иране вплоть до февраля 1990 года, когда от услуг американцев отказались сами иракцы. Это означало предоставление технологии, которая, хотя и косвенно, способствовала усилению ядерного, химического и ракетного потенциала Багдада. Так, еще при Рейгане иракцам был продан компьютер, нужный для ракетного комплекса «Саад-16» в районе Мосула (во время войны ставшего для авиации союзников одной из важнейших целей).

Сейчас даже Буш признает, что были допущены просчеты в оценке ситуации в районе Персидского залива: «Мы пытались вовлечь Саддама Хусейна в семью наций. Эта политика не увенчалась успехом».

Кстати, это весьма показательный пример того, какими тяжелыми последствиями может обернуться для любой страны ошибка в прочтении какой-то вроде бы периферийной проблемы, затрагивающей ее интересы. России и другим молодым государствам СНГ особенно дорогую цену придется заплатить за просчеты в «ближнем зарубежье»: эмоции и национальные амбиции нередко берут верх над более или менее хладнокровным анализом ситуации и пониманием норм международного права, которые независимо от судьбы Содружества становятся наиболее прочным фундаментом нормальных отношений между бывшими советскими республиками.

«Новый мировой порядок? Безумие!»

«НВ». Похоже, вы не испытываете особого энтузиазма по поводу провозглашенной Белым домом идеи «нового мирового порядка».

Р.К. Это безумие. «Новый мировой порядок» приведет только к расширению масштабов применения силы. Более того, если проявить неосмотрительность, такая идея может повлечь новую гонку вооружений — на этот раз с Германией и Японией.

Прежняя гонка вооружений подорвала и Советский Союз, и Соединенные Штаты. Ваша страна обанкротилась. В экономике США не в состоянии конкурировать с Японией и Германией. Мы же продолжаем содержать огромную военную машину и наращивать ядерный арсенал. Вашингтон собирается израсходовать в следующие четыре года полтора триллиона долларов на военные нужды, с тем чтобы сохранить статус единственной сверхдержавы. Мы не в состоянии справиться с положением в Лос-Анджелесе. Как же Америка может брать на себя ответственность за весь мир? Она никогда не была способна на это. Возьмите такие американские колонии, как Либерия и Филиппины. Либерия была создана с помощью США в 20-е годы прошлого века. Все в ней было завезено из Америки, начиная от наименования названной в честь президента США Джеймса Монро столицы и кончая правящей верхушкой из числа бывших американских рабов. По сей день это — нищая безграмотная страна. А на Филиппинах годовой доход на душу населения в пять раз меньше, чем в Малайзии...

«НВ». Какой вы хотели бы видеть внешнюю политику США?

Р.К. Прежде всего США должны освободиться от своего господства Организацию Объединенных Наций, прекратить давление, угрозы и подкуп в отношении тех, кто стремится превратить эту организацию в подлинное мировое правительство, действующее по

воле и в интересах всех народов.

Мы должны добиваться широкого перераспределения богатства в пользу неимущих не только в Америке, но в мировом масштабе — в пользу развивающихся стран. Мы должны тратить усилия не на соперничество с Японией и Германией в том, кто произведет более мощные и роскошные автомашины, а думать о том, как помочь всем людям на земле накормить себя, дать детям образование. Мы должны сократить военные расходы на 90 процентов и вывести все свои войска из зарубежных стран.

«Соединенные Штаты — плутократия»

«НВ». Нынешняя предвыборная президентская кампания стала одной из самых непредсказуемых в этом веке. Впервые с 1912 года реальным стал сценарий борьбы за место в Белом доме не двух, а трех кандидатов — республиканца Джорджа Буша, демократа Билла Клинтона и независимого Росса Перо...

Р.К. По моему, нынешняя кампания свидетельствует о дальнейшем банкротстве американской политической системы. По существу, Америку нельзя считать демократической страной. Это самая настоящая плутократия. Да, у нас выборная система. Но на выборах господствуют деньги. Безраздельно. Нужна уйма денег не только для того, чтобы победить, но и даже для того, чтобы участвовать в выборной гонке. За редким исключением кандидатов обеих партий определяют стоящие за ними деньги. Если отбросить различия личностного характера и различия мнений по отдельным проблемам типа права на аборт, разница между ними малосущественна.

Поэтому мы сталкиваемся с таким явлением, как неудовлетворенность избирателей всеми кандидатами. Многие из них получают больше отрицательных оценок, чем положительных. Претенденты на выборные должности больше всего борются со своими негативными оценками, то есть фактически сами с собой. Этот феномен говорит о банкротстве политической системы.

Ее эрозия достигла такой степени, что человек вроде Росса Перо, не связанный с двумя ведущими партиями и не участвовавший раньше в политике, по популярности среди избирателей в какой-то момент сравнялся с Бушем и Клинтон. А кто такой Перо? Личность, воплощающая собой прямое участие плутократии в политике. Соединенные Штаты — это плутократия, правление богатства. Верхний один процент населения владеет большей частью всей собственности, будь то

финансы или средства массовой информации. Он определяет повестку дня политической жизни, определяет кандидатов на выборные должности.

В конечном счете это подмочило репутацию политических партий. Конгресс почти парализован. На моей памяти не было такого недоверия к нему. Да и в самом конгрессе почти семь десятков членов палаты представителей полностью разочаровались и отказались от переизбрания. Они пришли к выводу о том, что их деятельность в качестве законодателей потеряла всякий смысл, что они ничего не могут изменить, не имеют никакой власти, но подвергаются осмеянию и

Пожалуй, больше всего Кларку запомнился борец за независимость Украины Олекса Тихий: «Судебный процесс был перенесен из Донецка в небольшой городишко, подальше от людей, — рассказывает мой собеседник. — Это было очень жесткое судилище, и Тихий проявил огромное мужество. Он остался без адвоката и сам выступил с вдохновенной речью. Судья грубо пытался оборвать Олексу, но безуспешно. Его выступление было замечательным документом силы человеческого духа. Как жаль, что такой человек погиб в лагерях...» Я спросил бывшего министра, как он себя чувствует в роли аутсайдера, ко-

торого не жалует истеблишмент.

Р.К. По моему мнению, Америка сама в определенном смысле находится на пути к собственному освобождению. Частично это связано с необходимостью избавиться от засилья денег, от того, что деньги правят политическими партиями и печатью. Пробыть голосом диссидента крайне трудно несмотря на то, что меня знают в стране с начала 60-х, что все эти годы я являюсь фигурой общенационального масштаба, пусть и не первой величины. Но и мне почти невозможно поделиться своими мыслями об антигуманной политике Вашингтона в отношении Ирака, Вьетнама, Кубы. Далеко не все идеально во Вьетнаме, да и страна сейчас еще беднее, чем в 1975 году, когда американские войска покинули ее. Но мы несем ответственность за гибель нескольких миллионов вьетнамцев и наш долг — помочь в экономическом восстановлении страны. Или взять попытки умиротворить кубинцев голодом...

«НВ». То есть тоталитарный характер режима Кастро — не оправдание такой политики?..

Р.К. Безусловно. Политика изоляции Кубы может стоить многих человеческих жизней.

...Кларк принадлежит к яркой плеяде американских идеалистов. Как это ни оскорбительно может прозвучать и для него, и для его антипода — Рональда Рейгана, между ними есть общее. Это общее — вера в Америку как «сияющий град на холме». Только Рейган верил, что она таковой уже является, а Кларк — что должна стать, и предъявляет своей родине гораздо более высокие нравственные требования, чем другим странам, многое им прощая.

В постсоветский период Америка вновь переосмысливает свою миссию «светоча человечества» применительно и к внутренним делам, и к международной политике.

НЬЮ-ЙОРК

По мнению карикатуриста немецкой газеты «Зюддойче цайтунг», связанному по рукам и ногам внутри- и внешнеполитическими проблемами президенту Бушу трудно принять вызов Хусейна

лишаются права на частную жизнь. Американский истеблишмент любви к Кларку не питает. Он сливается «чужаком».

...Первый раз он попытался сбегать на фронт сразу после Перл-Харбора, когда ему было тринадцать лет. В конце войны семнадцатилетний юноша становится морским пехотинцем. Тогда он впервые побывал в Советском Союзе, и юношеские впечатления о героическом народе-союзнике, перенесшем столько испытаний, глубоко запали в его душу.

Но Кларк отнюдь не принадлежал к числу людей, которые смотрели на Советский Союз сквозь розовые очки. Он был одним из основателей «Международной амнистии» в США и является членом ее совета директоров более полутора десятка лет. Много раз приезжал в нашу страну, чтобы оказать адвокатскую помощь диссидентам. Власти морщились, но вынуждены были считаться с мнением человека, носящего громкий титул бывшего министра юстиции США.

Первым его подзащитным был Эдуард Кузнецов. Стремясь эмигрировать в Израиль, он участвовал в неудачной групповой попытке угона самолета. Кларк встречался по «ленинградскому делу» с генеральным прокурором СССР Руденко, другими влиятельными людьми, и, судя по всему, его усилия сыграли полезную роль.

Прости, оружие!

Почему Югославская народная армия не выполнила завещание Тито и не совершила военный переворот «ради спасения страны»?

Геннадий Сысоев,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Говорят, что покойный Иосип Броз Тито из всех своих регалий и званий больше всего ценил маршалские. Вышитый золотом мундир был его любимой одеждой, а созданная и выпестованная им Югославская народная армия — любимым детищем.

ЮНА создавалась как мощная армия для защиты от внешнего агрессора. Понятие «агрессор» трактовалось достаточно широко. В документах Генштаба в этой роли фигурируют то НАТО, то Варшавский договор в зависимости от международной ситуации и заинтересованности Югославии в получении экономической помощи от Востока или Запада. Часть высших армейских офицеров обучалась в СССР, часть — в США: гибкий подход позволял ЮНА не испытывать финансовых затруднений и, кроме того, не портить серьезно отношений ни с одним из блоков. Причем Советский Союз даже имел преимущества по объему военных поставок: подавляющая часть вооружений ЮНА советского производства.

Тито любил повторять, что ЮНА сильна не только оружием, но и единством, должна хранить и защищать нерушимую дружбу югославских народов, бороться против национализма и прочих проявлений «чуждой идеологии». Но после раскола югославских коммунистов по национальному признаку армейский верх не понял, что сохранить страну на базе прежних теоретических постулатов невозможно. ЮНА не сумела быстро отказаться от идеологии, и ей пришлось отказаться от Югославии. Одна за другой республики стали выталкивать ее со своей территории. Но ушла ЮНА через три гражданские войны — словенскую, хорватскую, боснийскую.

«Война была глупостью»

Справедливости ради замечу, ЮНА войн не начинала, она оказывалась в них втянутой. Причем парадоксально и то, что Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, которые «повоевали» с ЮНА, довольно быстро получили международное признание. Македония же, полюбо-

вовно расставшаяся с югославской армией, проводив ее без выстрелов, до сих пор признания ждет.

Шестидневная война в Словении была для ЮНА короткой и бесславной. Армия не достигла ни одной своей цели, потеряв сорок солдат и офицеров. Стало ясно, что танками политические проблемы решить трудно. Признает это и генерал Благое Аджич, до недавнего времени самый влиятельный человек в армейском руководстве. «Война в Словении была глупостью. Тогда мы еще тешили себя иллюзией, что обеспечением внешних границ можно создать условия для мирного договора о будущем страны».

В Словении стал рушиться и миф о единстве ЮНА. Почти все словенцы,

находившиеся в ее рядах, перешли на другую сторону баррикад. Позже это назовут изменой. Но можно ли ожидать от солдата, что он будет стрелять в своих земляков? Можно ли провозгласить предателем офицера, который перешел на сторону своего народа, не пожелавшего оставаться в Югославии?

В хорватской войне ЮНА завязла серьезно. Полностью выйти из нее она не может до сих пор. Выполняя на первом этапе функции разделения между иррегулярными формированиями местных сербов и хорватов, армия по мере разрастания конфликта все более становилась на сербскую сторону. Во-первых, потому что хорваты априорно считали ЮНА агрессором, а во-вторых — и это было отражением новых реалий, ЮНА действительно становилась сербской армией, так как хорваты, вслед за словенцами покидали ее ряды.

Военные верхи полагают, что в Хорватии ЮНА, выйдя на сербские этнические границы, свою задачу выполнила. Тем не менее «сербский вопрос» в Хорватии нельзя считать

Боец боснийского иррегулярного отряда присел отдохнуть на кладбище госпиталя в многие его земляки...

решенным. Хотя бы потому, что вне «освобожденных» территорий живет немало сербов. Только в Загребе, к примеру, более ста тысяч. Чувствуют они себя сегодня неуютно: и из-за косых взглядов соседей-хорватов, и из-за дискриминационной политики хорватских властей, которые видят в сербах «пятую колонну».

Наиболее ошутимый удар по ЮНА нанесла боснийская война, продолжающаяся и по сей день. В стратегических разработках Генштаба бывшей Югославии Боснии и Герцеговине принадлежала особая роль. Эта республика, расположенная в центре страны, была хребтом ее обороны. Здесь размещались резервные командные пункты, крупнейшие танкодромы, аэродромы, ракетодомы.

Республика считалась неприступной для любого противника. На ее территории сосредоточивалось 65 процентов военной индустрии Югославии. Заводы по производству реактивных установок, танков, артиллерийских орудий, самолетов, снарядов — все это находилось в Боснии. Тем не менее ЮНА пришлось в спешном порядке покинуть ее всего через два месяца после начала гражданской войны.

Можно представить, что испыты-

вало руководство ЮНА, оставляя в Боснии свое «добро». Но армейскому верху было не до того. В Боснии гибли солдаты. В Белграде родители военнослужащих блокировали улицы, требуя вернуть детей с бессмысленной войны. О военной технике размышлять было некогда. В Боснии и Герцеговине ЮНА оставила полсотни самолетов и вертолетов, 530 танков, почти тысячу орудий, сотни тысяч автоматов и винтовок. Все это стало прекрасным горючим материалом для разгоревшихся углей межнационального конфликта.

Впрочем, утверждение о полном выходе ЮНА из Боснии носит относительный характер. Из ста тысяч человек, насчитывавшихся в частях ЮНА в Боснии и Герцеговине, там осталось около 80 тысяч. Из республики ушли только граждане Сербии и Черногории — местные остались. Подавляющее большинство оставшихся — сербы, так как живущие в Боснии мусульмане и хорваты в последние годы уклонялись от военной службы. В результате в республике возникло мощное военное формирование — вооруженные силы боснийских сербов. Эти силы, возглавляемые генералом Ратко Младичем, стали самостоятельным фактором, не подчинявшимся ни командованию ЮНА, ни гражданским властям в Белграде.

Потенциальных путчистов — в отставку

Итак, после трех войн против бывших граждан своего бывшего государства остатки ЮНА оказались отнесенными на территорию новой Союзной Республики Югославии, в которой остались лишь Сербия и Черногория. Но могла ли армия что-либо изменить, действуя она по-иному?

Надо сразу сказать, что армейское руководство тщательно прорабатывало и иные варианты действий. Казалось, шансы на успех имела бы вооруженная ликвидация новых националистических властей в республиках. Но, во-первых, смущало количество жертв (во всяком случае, среди мирного населения, которое явно не захотело бы «отдавать» своих лидеров). А во-вторых, то, что в этом случае президиум СФРЮ должен был ввести в стране военное положение. В марте 1991 года на закрытом заседании президиума военные внесли такое предложение. Но голосование в президиуме завершилось со счетом 4:4. Представители Сербии, Черногории, Воеводины, Косово высказались «за», словенец, хорват, македонец и босниец — «против». Решение принято не было.

Вторым вариантом мог стать чисто военный переворот и введение военного правления. Генерал Аджич недавно признал, что и такую возможность командование рассматривало. Однако возобладало мнение, что вооруженный захват власти в Югославии обречен на провал. Опыт удавшихся путчей говорил, что для

успеха требуется — пусть не явная — поддержка мощной внешней силы. За Югославией образца 1991 года уже не стоял никто. Обернись в России августовские события иначе, югославские генералы, очевидно, решились бы на захват власти. А так — и от этой идеи отказались.

После отчисления ЮНА в Сербии и Черногорию ее трансформация стала неизбежной. Население требовало ответа на вопросы: во имя чего велась война, кто виноват? Ответом политического руководства Югославии стала чистка в армии. Несколько десяткам генералов вручено оружие пенсионеров — удочки для рыбной ловли.

Новоявленные пенсионеры недоброжелательно ворчат: мол, кашу заваривали вместе, а расхлебываем мы одни. В том, что политики элегантно перебрали ответственность за просчеты на военных, состоит одно из объяснений чистки. Но была и другая причина. Накануне перемен в армейском руководстве в западных столицах стали раздаваться голоса, что, дескать, сербский лидер Слободан Милошевич утратил контроль над ситуацией в стране и на первые позиции выдвигается военный верх. Запад задавал прямой вопрос: кто хозяин в стране? Ответ последовал.

Новый югославский премьер Милан Панич намерен реформировать армию так, чтобы она не представляла опасности для соседей. Как воспримут эти планы военные, покажет будущее. А тем временем у берегов СРЮ появились военные корабли ЗЕС и НАТО, начавшие операцию по контролю за соблюдением торгового эмбарго. По оценкам местных и зарубежных обозревателей, начавшаяся операция особого практического значения не имеет, поскольку военные корабли Запада не вправе останавливать и досматривать движущиеся в этом районе суда. Для проведения подобных действий нужна соответствующая резолюция Совета Безопасности ООН. Кроме того, по признанию экспертов, большинство нарушений торгового эмбарго, как и введенного год назад эмбарго на поставки оружия в республику бывшей СФРЮ, происходит на сухопутных, а не морских границах. Таким образом, речь идет о явной демонстрации военной силы. А это, несмотря на символический характер военно-морской операции НАТО и ЗЕС, весьма опасно и рискованно. Патрулирование проводится перед входом в Которский залив, где сейчас находится главная база судов ВМС Югославии, перебазировавшихся из хорватских портов. Поэтому соседство 18 иностранных кораблей с полусотней единиц югославского флота, которые также выходят в море на боевое дежурство, не сулит стабильности и спокойствия. А пока ЮНА заливает раны и обиды. В гражданской войне она сегодня не участвует. Участвуют люди, прошедшие ее школу и научившиеся обращаться с оружием.

БЕЛГРАД

Сараево, где уже нашли вечный покой
Фото из газеты «Интернэшнл геральд трибюн»

Пустой стол

Совместное арабо-израильское государство невозможно. Но как прийти к цивилизованному разводу?

Маркс Тартаковский

Как-то меня и моего оппонента в споре на страницах «Независимой газеты» по поводу арабо-израильского конфликта пригласили в посольство Палестины в Москве, вероятно, для того чтобы убедить нас (двух евреев) в том, что мы оба не правы. Я подумал — и не пошел. Конечно, я — гражданин свободной России, но ссориться с землей предков при нынешних обстоятельствах мне тоже не с руки. В Израиле принят закон, по которому контакт с палестинцами на официальном уровне является преступлением. Едва делегация Израиля на переговорах в Вашингтоне в начале этого года пошла на невиннейший контакт с палестинскими визави, как тут же подали в отставку члены кабинета Шамира от партий «Техия» («Возрождение») и «Моледет» («Родина»). Развалилось шаткое правительство большинства в кнессете.

Трансфер! Трансфер!

Пожалуй, еще больше рисковали палестинцы, пошедшие на встречу с израильтянами. Их «пораженчество» решительно осудила арабская террористическая организация «ХА-МАС», что для отступников может обернуться не просто потерей мандатов, но и самой жизни. В нашей прес-

се еще недавно смаковали цифры погибших палестинцев в результате «интифады»; умалчивали, что не менее половины убитых — жертвы «своих же», фундаменталистов.

Чего хотят израильские крайние правые? Лидер движения «Моледет» Рехаваам Зеэви первый же арабо-израильский контакт в Мадриде, еще вполне формальный, тут же окрестил «новым Мюнхеном». Никаких переговоров где бы то ни было с кем бы то ни было! «Судьба Израиля будет начертана в Иерусалиме самими евреями». То есть, как решим, так и будет.

А как же быть с таким объективным фактором, как палестинцы, составляющими более трети населения Израиля в его нынешних фактических границах? «Моледет» предлагает «окончательное решение» вопроса: «Трансфер!» Трансфер — это депортация, разве что относительно мягким способом: в автобусах, с вещами, возможно, с выплатой компенсации.

«Моледет»: «Израиль принадлежит народу Израиля, и только ему. Мир между Израилем и арабскими странами будет достигнут только в результате раздельного существования еврейского и арабского народов. Необходима наиболее полная репатриация евреев в Израиль, а арабов Иудеи, Самарии и Газы — в арабские страны». Как осуществить это?

Вероятно, наиболее радикальный способ предлагается в рисунке тут же, на обороте манифеста. На вздер-

нутый конец доски приземляется еврей в шубе и с чемоданами (за его спиной кремлевская башня со звездой) — с другого конца слетает палестинец в мешковатой галабее...

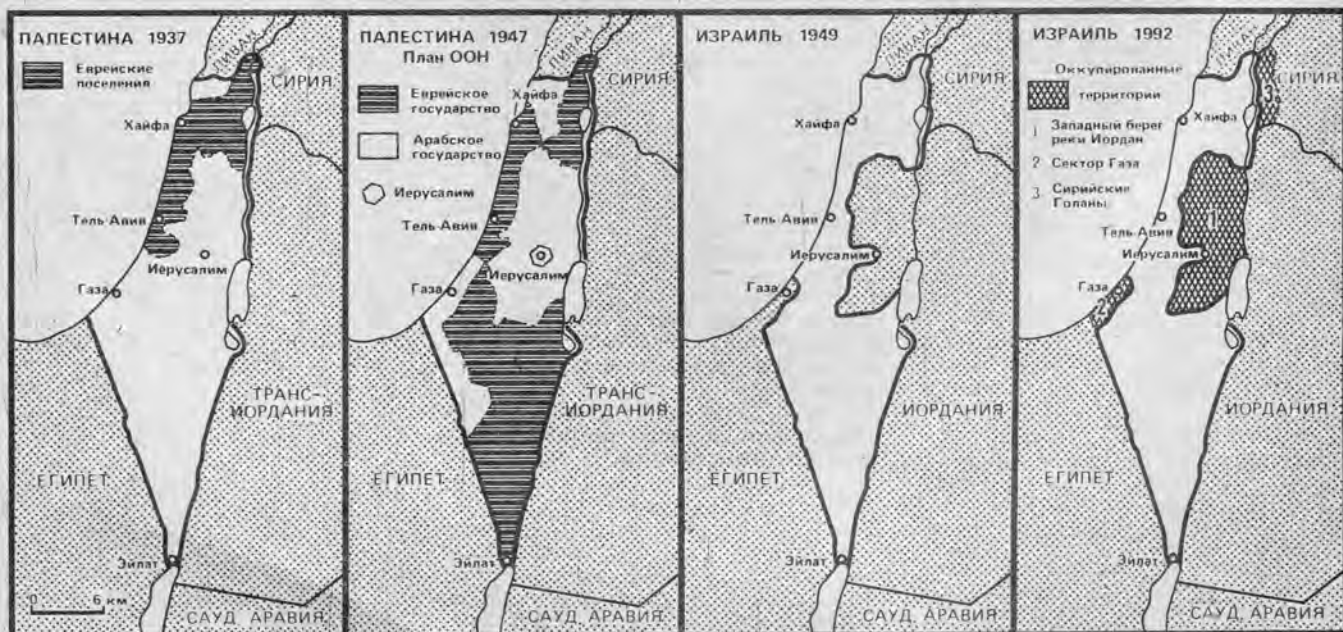
Перед ним купол с минаретами — арабская страна, но какая?.. «Мы скажем миру, что жаждем мира... на стоящего, основанного на безопасности. Мира с Иорданией вдоль реки Иордан». Таково заявление лидера «Моледета».

Но уже через страницу в официальном вестнике движения крупным шрифтом на голубом фоне в синей рамке, на манер объявления: «Эрец-Исраэль (земля Израиля) — это вполне определенное понятие. Река Иордан не является ее границей, она рассекает ее посередине». Что, кстати, не согласуется даже со священной для иудея Торой, где сам Господь определил границы Израиля (Числа, 34.1–12).

Так куда же лететь палестинцу? Где приземлиться? Попробуем встать на точку зрения «Моледета» — бесспорно, циничную, но, быть может, практичную: нам, евреям, не все ли равно, куда им лететь?

...В ряду исторических наук есть и возникшая недавно **историософия**. Название старое, но содержание новое. Предмет историософского исследования — уроки мировой истории, ставшие фактором общественного сознания. Самый близкий и вместе с тем простой пример: Жириновского все мы восприняли бы лишь как человека, страдающего маниакально-депрессивным психозом, достойного сочувствия, — не будь в новейшей истории примера возвышения Гитлера.

Так вот, можно вспомнить, что многие гитлеровцы — отнюдь не зоологические юдофобы — рассматривали «окончательное решение ев-

рейского вопроса» лишь с точки зрения пользы «для немецкого дела». Так сказать, есть народ — есть проблема, нет народа — нет проблемы; кстати, и еврейский магазин тут же освобождается для нового арийского владельца...

Последствия немцы расхлебывают до сих пор. Япония, развязавшая войну на Дальнем Востоке, потребовала обратно свою Окинаву, оккупированную победителями, и вернула ее, тогда как Германия даже не заикается насчет Померании, Силезии, бывшей Восточной Пруссии, самого Кенигсберга, родины Канта, боясь ворошить прошлое.

Хотят ли евреи, столь малочисленные и одинокие в этом мире, оказаться в подобном положении? И во что превратится народ, изгнавший другой — братский?.. Ведь, согласно Торе, арабы и евреи — «сводные братья», у них общий праотец Авраам. Сам я подозреваю, что нынешние палестинцы — те же евреи «по крови», что и я сам, что они-то и есть «исчезнувшие колена израильтян», доставившие историкам столько хлопот.

А чего хотят палестинцы-хамасовцы? Того же трансфера, но уже на звериный лад: «Евреев — в море! Арабское государство на всей территории Палестины!»

Считается, что эти взгляды разделяют не менее половины арабов Газы и Западного берега. И в это можно поверить, если вспомнить, что благодаря высокой рождаемости (и современной израильской педиатрии!) каждый третий палестинец — подросток либо юноша. А молодежь склонна более к эмоциям, чем к политическому реализму. Террор хамасовцев вынуждает к безгласию наиболее умеренных палестинцев.

«Заноза» в арабском мире

Ах, как славно было бы, если б все помнили, что мы — только люди, а не арабы и не евреи, не мусульмане, иудеи, христиане, не православные, католики или униаты. Но уже само это перечисление напоминает о сложности мира и о том, что даже самое ретивое прекраснодушие ничего в нем не решает.

Ах, как славно было бы, если б люди не только по обе стороны стола переговоров, но и баррикад, подчас реальных, из бульбжников, протянули друг другу руки и создали единое, пусть двуязычное государство — бесспорно, современное, светское, где религиозные различия были бы что называется «тыфу, не более того»!..

Но отложим до лучших времен в истории человечества этот розовый вариант; представим пока что более реальную, на первый взгляд, федерацию разноплеменных земель — арабских и еврейских — на манер этаккой Швейцарии или «ближневосточной Канады» с ее англо- и франкоязычными гражданами, католиками и протестантами.

Представим еврейско-арабскую ситуацию (как, скажем, и армяно-

-азербайджанскую) как бы новорожденной, вне аналогий и прецедентов, — и попытаемся понять ее запутанность и трагичность.

И дело тут не в упрямстве сторон. В демократическом европеизированном обществе, во многом космополитичном, человек традиционной культуры, тем более исламской, остро ощущает свою второсортность. Как алжирец во Франции, турок в Германии... Как араб в Израиле. И чаемое равенство сторон здесь тут же обернется неравенством, потому что крохотный Израиль, как и соизмеримая с ним Армения, лишь щепка в исламском мире, с которым палестинец (как и азербайджанец) вот уже сотни лет ощущает органическую связь — языковую, религиозную, культурную, историческую...

Вот уже четверть века Западный берег Иордана и сектор Газа неопределенно именуются в Израиле «контролируемыми территориями». Что мешает попросту включить их в состав государства, объявить его гражданами проживающих там палестинцев?

Мешает, как ни странно звучит это, подлинный демократический статус Израиля. Депутаты в кнессете от примерно 800 с лишком тысяч арабов, уже сегодня являющихся полноправными гражданами Израиля, — куда бы ни шло. Тогда как более равного соотношения депутатов (с тенденцией к росту арабской доли из-за перевеса рождаемости) израильская демократия не вынесет. И не потому, что это какая-то неполноценная демократия, а потому, что Израиль еще десятилетия, если не века, будет восприниматься арабским миром как досадная «заноза».

Вспомним также, что практически ни одна из двух дюжин арабских стран все еще не является демократической. И все свои внутренние и внешние болячки арабы долго еще будут оправдывать вот этой крохотной «занозой», Израилем, — как наши «профессиональные патриоты» винят во всех бедах России «0,67 процента» ее населения — евреев, не понимая даже, как унижают этим собственный великий народ...

Кто в «арабо-израильской Канаде», гипотетической, конечно, станет держать оборону (а если придется, то и воевать) против могущественного арабского окружения — объединенная еврейско-палестинская армия?.. А ведь федеративность (и даже конфедеративность) предполагает единую армию, единую разведку, единый генштаб — точно так же, как и единый парламент всей страны.

Иначе говоря, Израиль — не только как специфично еврейское, но и просто как современное демократическое государство западного типа — сможет выстоять, лишь оставаясь самим собой, — государством национальным. То есть еврейским в той же мере, в какой русским — каким же еще! — остается нынешняя Российская Федерация (Россия), без-

относительно к тому, что включает она десятки автономий, сотни народов. Ведь все вместе они не составляют и пятой доли населения огромной страны, все еще обнимающей одну восьмую суши. В Израиле, кстати, соотношение это куда менее в пользу евреев.

В прежних границах Израиля, до «шестидневной войны» 1967 года, на которых настаивают сравнительно умеренные арабские политики, прочие геополитические факторы выглядели еще более удручающе. Фактор «щит» (соотношение между площадью государства и его границами) подтверждает, что каждый километр границы как бы прикрывал собой лишь 14 квадратных километров территории Израиля. В соизмеримой по размерам Армении это соотношение вдвое благоприятнее...

Возьмем другой геополитический фактор. Ширина наиболее населенной части страны (фактор «крыша») для Армении составляет примерно полторы сотни километров, тогда как для Израиля (в прежних границах) — не более полутора десятков!..

Словом, все говорит в пользу размежевания, разумеется, добровольного, с уступками с обеих сторон — евреев и арабов. Надо добавить, что в условиях немислимой стратегической тесноты в пределах исторической Палестины даже проблема Голанских высот разрастается в критическую. С высот Голана тракторист в долине Иордана оказывается в зоне не только минометного, но и ружейного обстрела... Высоты эти прикрывают подступы к кряжу Хермон, откуда берет начало все тот же Иордан, едва ли не единственная водная артерия Израиля... Как ни хотелось бы заключить с Сирией договор по типу египетско-израильского, проще, кажется, было отдать весь Синай, чем Голаны — в полтора раза меньшие по площади...

И вот когда — наконец-то! — арабы и евреи уйдут сядуть за стол переговоров, стараясь разглядеть: а что же на самом столе? Пока что — ничегошеньки. И так как поверхность стола бывает обычно отполирована, в ней отражаются лишь настороженные лица людей, не знающих даже, с чего начать.

А начать бы надо с того, чтобы положить перед собой карту исторической Палестины с линией, разделяющей ее протейшим образом, — поперек, от средиземноморского побережья до Мертвого моря. Эта возможная граница Израиля и государства палестинцев помимо геополитического смысла заключает в себе и историческую традицию. Южнее была древняя Идумея, управлявшаяся царями «прежде царствования царей у сынов Израилевых» (Бытие, 36/31) до покорения ее Давидом. Тогда как полоса Газы, тоже остающаяся к югу от предлагаемой линии раздела, — древнейшая «земля Филистимская». Филистимляне, собственно, и дали имя стране — Палестина...

Какая свадьба без драки

Эта русская присказка вспомнилась в городе Улунди, где 44-летний король зулусов Гудвил Звелитхини в конце июля решил сыграть очередную свадьбу

Король воспылал страстью к прекрасной Нопумелело в прошлом году, когда приглядел ее среди участниц традиционного танца девственниц во время народного обрядового праздника. Девушка без колебаний согласилась стать королевой.

На бракосочетании присутствовали все супруги короля, кроме последней — четвертой, которой обычай запрещает являться на такую церемонию. Данное событие в жизни Гудвила Звелитхини достаточно рядовое — он женится уже в пятый раз. И на это вряд ли бы кто обратил внимание, если бы не одно обстоятельство. Очередная жена монарха — 19-летняя Нопумелело Мчиги — принадлежит к народу коса, племени, с которым зулусы никак не могут прийти к согласию, несмотря на подписанный в сентябре прошлого года мирный договор.

Количество жертв становится угрожающим. Выступая на заседании Совета Безопасности ООН по проблемам Южной Африки, глава зулусского движения «Инката» М.Бутелези привел такие данные: в результате столкновений представителей коса и зулу только с февраля 1990 года погибло около пяти тысяч человек.

Ненависть, подозрительность, стремление нанести взаимный урон разделили некогда живущие в мире народы. Причиной тому не только трайбалистские раздоры, как это зачастую пытаются представить руководители «Инкаты» и Африканского национального конгресса (АНК), который поддерживает коса. Заметно влияние политических факторов. В первую очередь, связанных с тем, что лидеры двух наиболее влиятельных племен, еще не получив власти, стали активно отстаивать свои приоритеты в будущей безрасовой демократической Южной Африке.

Президент АНК Н.Мандела — умный, тонкий политик, в ООН представил дело так, что конгресс и его сторонники являются беззащитными

жертвами террора, а «Инката» вкуче с правительством — вероломными агрессорами. М.Бутелези же высказал прямо противоположную точку зрения. Он утверждал, что если АНК все так же жадно будет рваться к власти, не считаясь с интересами других партий, движений, групп, то в стране может разразиться гражданская война. Зулусы не допустят, чтобы кто-то доминировал над ними.

Правительство старается тушить

Вместо «обещанных» АНК сотен тысяч демонстрантов с протестами вышли не более десятка человек...

Фото из газеты «Гардиан» (Великобритания)

пожар, но не всегда успешно. В конце июля Ф.де Клерк в очередной раз вынужден был пойти на чрезвычайные меры. Он потребовал сдачи оружия всех видов, хранящегося у населения нелегально. За ношение оружия без специального разрешения теперь грозит 25-летний тюремный срок.

Правительство рассчитывает, что жесткие меры должны способствовать пресечению насилия, словно огонь в буше, распространяющегося по стране. Но будет ли достаточно одних этих мер?

Новое обострение сулил призыв АНК провести в начале августа всеобщую двухдневную забастовку с требованием скорейшей передачи власти черному большинству. Массовые акции протеста, стачки, митинги, шествия, которые в большинстве слу-

чаев проходят в рабочее время, больно бьют по хозяйству страны. В результате экономический рост, который обычно составлял 2-3 процента, едва ли в этом году дотянет до отметки 0,5.

Призывы правительства, Совета церковью, деятелей культуры остановить забастовку не дали результатов. Н.Мандела и его сторонники стоят на своем: начавшиеся забастовки — мирный путь к решению проблем Южной Африки.

Лидер зулусов Менгосуту Бутелези выступает против подобных акций. Он считает, что, действуя такими методами, черные усугубляют свои же собственные проблемы, плодят безработицу, нищету, другие социальные

беды. Однозначную позицию на этот счет заняли руководители бизнеса ЮАР. Они подсчитали, что урон от всеобщей забастовки может составить около 9 миллиардов рандов (порядка 3 миллиардов долларов), что для экономики просто губительно.

Судите сами: страна переживает тяжелейшую за последние 50 лет депрессию; от 2 до 3 миллионов человек не имеют работы или заняты в производственной сфере только часть времени; намеченная экономическая программа оздоровления ничего не дает в условиях политической нестабильности и постоянных столкновений. Барьер, которым люди бизнеса хотят остановить бастующих, выражен в формулировке: «Без работы нет оплаты». Только что прошедшая в одну из суббот «генеральная репетиция» забастовки показала, что в среде бастующих произошел серьезный раскол. Вопреки планам вместо сотен тысяч людей, которые должны были выйти на улицы с требованиями скорейшего созыва конституционной ассамблеи и проведения всеобщих демократических выборов, вышли едва ли десятки человек. Родилась горькая шутка: сыщутся ли желающие бастовать по выходным дням? Вот в рабочее время — другое дело.

Что ж, август покажет.

А пока совершенно очевидно, что свадьбы монарха недостаточно для того, чтобы подружить два народа. Явно нужны и другие шаги.

Николай Решетняк,
собр. корр. «Нового времени»
ПРЕТОРИЯ

Кто же в России хочет быть прагматиком?

Катастрофа, обещанная прошедшей зимой, к счастью, не произошла, не было и объявленного голода. Таким образом, европейцы сделали вывод, что российское правительство преувеличивает опасность с целью вытянуть у них помощь. Мы также сделали вывод, что Россия вполне способна прокормить себя сама, что это все же не страна «третьего мира» и довольно нам переживать бесконечную тему якобы имеющейся угрозы чуть ли не самому существованию русского народа. Скепсис на Западе подогревается так же тем, как российское правительство проводит так называемые экономические реформы.

Когда мы слышим, что российский народ страдает от быстроты якобы проводимых реформ и что, следовательно, нужно замедлить их темп, мы широко раскрываем глаза и спрашиваем себя: о чем идет речь? Как замедлить реформы, которые продвигаются со скоростью улитки? Старая структура бюрократической экономики осталась практически нетронутой; страдает же российская экономика не от либерализации, а от ее отсутствия.

Рассмотрим либерализацию цен. Это фикция. Правильнее было бы говорить о повышении цен, а не о либерализации. На самом деле множество цен остались фиксированными. Также, как и коммерческая надбавка. Таким образом, невозможно говорить ни о свободном рынке, ни о конкуренции между розничными торговцами; монополия сохраняется, как правило, и на уровне производителей, и на уровне продавцов. Эта монополия тем более жесткая, что, в отличие от Польши, например, импорт почти запрещен. Потребитель же никак не выигрывает от такой либерализации цен; напротив, он несет на себе бремя дороговизны, а производители-монополисты получают барыши.

Международная конкуренция остается невозможной, но конкуренция точно так же невозможна и внутри страны. В самом деле, создание новых российских предприятий силами частной российской инициативы почти исключено. Бюрократические препятствия практически непреодолимы для честного и независимого предпринимателя, а отсутствие сети частных банков приводит к тому, что финансировать новую экономическую деятельность можно лишь с помощью иностранного капитала. Я знаю, конечно, что в России появилось некоторое количество нуворишей, но они или тесно связаны с номенклатурой, или их деятельность носит лишь спекулятивный характер и никак не способствует поднятию уровня производства.

Рассмотрим теперь приватизацию. И она существует скорее в речах, чем в действительности. Не было приватизировано ни одно предприятие, земля по-прежнему

остается во власти колхозной администрации.

А где настоящие предприниматели? Отсутствие приватизации делает крайне трудным экономическое сотрудничество.

Какие же выводы сделать из этого? Помоему, подозревать правительство в отсутствии политической воли, плакаться по поводу сопротивления бюрократического аппарата — пустая трата времени. Лучше исходить из фактов, из реально существующего состояния общества в России и подумать о стратегии, полностью отличающейся от существующей или рекомендованной Международным валютным фондом.

Я убежден, что в России невозможна массовая приватизация. Нет объективных условий. Нет финансового рынка, способного поглотить государственный сектор; нет достаточного количества предпринимателей, которые были бы в состоянии выкупить что-либо. Нет никаких причин распевать: «Приватизация, приватизация!» Не будет никакой приватизации, если, конечно, не произойдет кровавая революция, что, разумеется, крайне нежелательно.

Можно и должно пойти по другому пути, который я называю «методом постепенного истощения государственного сектора». То есть, не вступая в конфронтацию с номенклатурой на местах, лишить ее государственных кредитов. Все национальные и иностранные инвестиции должны вкладываться в новые предприятия; и наоборот, все существующие государственные предприятия должны быть лишены всех кредитов. Таким образом, государственные предприятия будут вынуждены или приспособиться к новым условиям, или зачахнуть. Появится новый слой общества — предприниматели, которые сменят старый правящий класс, или, по крайней мере, смогут составить ему конкуренцию. Мне кажется, что именно так лучше всего использовать международную помощь. Увеличить производство и сократить монополии — вот главные требования для экономики России. Парадоксально, но мне кажется, что ни одно из этих требований не принимается в расчет в настоящее время ни российским правительством, ни его советниками из МВФ.

Путь, за который я ратую, помог бы почувствовать выгоду реальной либерализации экономики не только старой и новой номенклатуре, но всему российскому народу; этот путь позволил бы также завязать деловые отношения между западными и российскими предприятиями, основанные на выгодных контрактах, а не на выпрашивании милостыни и помощи. В моем плане я вижу лишь один недостаток: он слишком прагматичен.

А кто же в России хочет быть прагматиком?..

Ги
Сорман

Кредит портит отношения — но только в государственном секторе!

Маршал Маннергейм

Елена Каменская

История жизни этого человека способна порадовать многими счастливыми находками того, кто, по-набоковски, имеет вкус к разглядыванию узоров судьбы, ее хитросплетений и хитроумных ходов...

Прадед Маннергейма ратовал за включение Финляндии в состав Российской империи на правах автономии, был за это приговорен к смертной казни шведским королем Густавом III, но потом помилован. Правнук воевал за независимость Финляндии, отстоял ее и едва избег суда после 1945 года как «лицо, ответственное за развязывание войны».

Дед, энтомолог с мировым именем, оставил Хельсинкскому университету богатейшую коллекцию насекомых, главным образом жесткокрылых, предмет особой его любви.

Внуку припиленных булавами жуков заменили столбики нанизанных квадратных букв в древнем монгольском памятнике, найденном Маннергеймом во время путешествия по Центральной Азии. Там же была собрана уникальная тибетская коллекция, разнообразный этнографический материал и даже составлен словарь уйгурского языка...

«Буен, непоседлив и предприимчив»

Предок Маннергеймов по имени Генрих Мархайн (или Мархейн) осел в шведском городе Евле в 1645 году, заявив себя купцом. Через восемь лет мы находим его в Стокгольме ведущим счетные книги в первом шведском банке. Его младший сын Август служил управляющим в графском имении в Эстляндии, когда шведский король Карл XI начал «большую редукцию» — изъятие у аристократии коронных земель. За беспорочную деятельность в одной из конфискационных комиссий Август Мархейн был произведен в дворяне. Он перебрался в Швецию и взял себе более звучное имя — Маннерхейм (в русской традиционной транскрипции Маннергейм).

Все сыновья первого Маннергейма пошли на военную службу, а одному из них, полковнику Йохану Августу, был пожалован титул барона. Это был прапрадед героя.

Его сын — русофил Карл-Эрик был губернатором, вице-председателем сената, действительным тайным советником и первым в роду графом. Графский титул унаследовал, разумеется, и его старший сын Карл Густаф, юрист по образованию, председатель надворного суда в Виипури (нынешний Выборг), но

История человека, который хотел служить России и стал злейшим врагом Советской России

1887 год. Перед поступлением в Николаевское кавалерийское училище

прославившийся не этой деятельностью, а научными трудами, — тот самый дед-энтомолог. Он был не чужд изящной словесности, состоял членом Финского литературного общества и писал по-французски и на латыни. Его сын и наследник — граф Карл Роберт. Он мог исполнить на премьере оперы партию заболевшего солиста. Писал сам и переводил стихи с английского, французского и немецкого. Был атеистом и радикалом в политике. Он женился на девушке из богатой семьи, Элен фон Юлин, которая родила ему четырех сыновей и трех дочерей, промотал все свое и ее состояния, обанкротился и самым пошлым образом сбежал от кредиторов и семьи в Париж с фрейлиной императрицы. Все это совершил отец героя. Кое-что потом повторилось в жизни сына — долги, продажа жениных имений, наконец разъезд с женой.

В чопорной и напряженной обстановке родительского дома, где забавы и шумное веселье не позволялись, Густафу, будущему маршалу, была отведена роль *enfant terrible*, с которой он справлялся как нельзя лучше: он был буен, непоседлив и предприимчив, порой с ним случались припадки бешеной ярости, он кричал, визжал и тиранил уступчивого брата Карла, который, будучи образцовым ребенком, не мог поднять руку на младшего.

В семь лет Густафа отправили в Хельсинки и поместили в лицей. Оттуда его отчислили — за драки, разбитые стекла (стекла били три дня подряд, и третий день переполнил чашу директорского терпения). Густафа отправили к родственникам в город Хамина (Фредриксхав), где он проучился два года в реаль-

ном училище, чтобы подготовиться к поступлению в кадетский корпус.

Три удара

С отцом у Густафа сложились очень дружеские, даже, скорее, приятельские отношения, и в письмах к отцу он будет по-свойски сплетничать о дамах, кадетских потасовках и пьянстве офицеров.

Густаф Маннергейм выбрал военную карьеру первым, как он с гордостью написал в воспоминаниях, после трех поколений «штатских» Маннергеймов (в XVII веке почти все мужчины их семьи становились военными). У него было неплохо с успеваемостью и куда хуже с поведением. Он старался обузывать себя, потому что хотел получить отличную аттестацию — он думал о поступлении в Пажеский корпус. Когда стало ясно, что начальник училища не отпустит подающего надежды кадета в Петербург, Густаф стал дерзить, нарушать дисциплину и отлучаться из казармы по ночам (куда — история умалчивает). Одна из таких ночных отлучек была обнаружена дежурным, и Маннергейма немедленно исключили из корпуса.

В воспоминаниях Маннергейм признавался, что испытал в жизни три сильных удара: исключение из кадетского корпуса, отставку с поста главнокомандующего в мае 1918 года и поражение на президентских выборах 1919 года. Все три были ударами по самолюбию, по честолюбивым замыслам, но первый был, пожалуй, самым болезненным.

Провинциальная Финляндия конца прошлого века была жива крепнувшим духом финского национализма, краеугольным камнем которого был финский язык.

Маннергейм с его родным шведским не только не знал финского (кое-как он овладел им только к пятидесяти годам), но он и не считал нужным тратить время на изучение «языка чуди» — в его системе ценностей финская нация не занимала высшую ступень. Еще в 16 лет он написал: «Я с радостью жду мгновения, когда навсегда смогу распрощаться с Финляндией и уехать — Бог весть куда, но по крайней мере я буду сам себе господин». Он был космополит, и дорога в Петербург представлялась ему дорогой в широкий мир.

Венгерская кобыла

В Николаевском кавалерийском училище, которое выбрал Маннергейм и ради поступления в которое приложил немало усилий, юнкера изучали в течение двух лет общеобразовательные и специальные предметы, ели скудно, по четыре часа в день занимались физическими упражнениями. Училище сла-

вилось своей приверженностью подтяжке, или «цуку» — говоря современным языком, неуставным отношениям. Младшие юнкера именовались «зверями», старшие — «корнетами», вторгольники — «майорами». Старшие издевались над младшими.

Маннергейм был прилежен. Правда, он много болел, из-за этого отстал и закончил училище корнетом. Он страдал от постоянного чувства голода. По выходным ходил отъедаться к родственникам и знакомым, заодно таким образом поддерживая нужные связи, ибо связи в армии были важнее отличных аттестаций — это он уже понял.

Честолюбивый Маннергейм хотел после окончания училища попасть в гвардию. Самые блестящие возможности для дальнейшей карьеры предоставлял Кавалергардский полк, шефом которого была императрица Мария Федоровна, знавшая всех офицеров полка по именам. Кавалергарды несли службу во дворе, были любимцами и баловнями петербургского общества. Служба в полку была сплошной чередой праздников и увеселений и открывала доступ в Академию Генерального штаба (а оттуда — в сам Генштаб). Правда, для службы в гвардейских кавалерийских частях нужны были средства и связи. Маннергейм просил крестную, баронессу Скалон де Колинье, составить ему протекцию, используя свою дружбу с императрицей.

Вакансия в Кавалергардском полку открылась не сразу, и Маннергейм после окончания училища прослужил год в 15-м драгунском Александровском полку, стоявшем в польском городке Калише близ немецкой границы. В конце 1890 года он получил перевод в Кавалергардский полк и отправился в Петербург, ведя на повод венгерскую кобылу, дешево купленную в Бреслау. Кобылу он продал в Петербурге в два раза дороже.

Так Маннергейм положил начало своим занятиям барышничеством, чем промышлял с выгодой для себя многие годы — жалованья на блестящую кавалергардскую жизнь решительно не хватало.

Небезызвестный «красный генерал» граф А.А.Игнатьев, служивший в полку под началом Маннергейма, вспоминал о нем как о добросовестном, любящем свое дело служаке, далеком от политики и

Маннергейм во Франции. Покупка лошадей — любимое занятие

равнодушным к вечным вопросам, волновавшим умы пылкой молодежи. Может быть, Маннергейму было просто некогда: все вечера у него были расписаны на две недели вперед — «там будет бал, там детский праздник...» Он был одним из самых блестящих офицеров полка, за что и был удостоен чести вместе с еще тремя кавалергардами участвовать в церемонии коронации Николая II в 1896 году, которую он вспоминал через пятьдесят лет как самую великолепную церемонию из всех, в каких ему довелось участвовать.

В ту пору ему было двадцать девять, и он был четыре года как женат на Анастасии Араповой, дочери генерала свиты.

Сбежавшая жена

Первое время супружеская жизнь складывалась не так уж плохо. Молодые супруги ездили по Европе — в Германию, Францию, Австро-Венгрию: в обязанности Маннергейма входила закупка лошадей для пополнения царских конюшен и знакомство с лучшими конскими заводами Европы. Он был берейтором, жокеем, барышником, коневодом. Весной 1898 года Маннергейм сломал ногу. В императорских конюшнях в Берлине его лягнула норовистая лошадь и сломала ему коленную чашечку в пяти местах. Два месяца, проведенные на больничной постели, были употреблены на изучение немецкого языка и роман с хорошенькой сестрой милосердия по имени Адель, шведкой, чье сердце Маннергейм покорил, разговаривая с ней на родном языке.

В 1901 году жена вдруг пропала, сбежав неизвестно куда и зачем. Через Красный Крест Маннергейму удалось узнать, что она отправилась в Хабаровск, оттуда в Читу, а затем в Харбин и Цицикар, где работала в госпитале. Через год Анастасия вернулась и неправдоподобно рас-

«В раю!» — так подписал Маннергейм этот снимок

Маннергейм уже полковник

сказывала о злключениях на обратном пути — сани перевернулись, поезд сошел с рельсов.

Прожив год в Петербурге, Анастасия подхватила детей и уехала от мужа насовсем. До самой смерти, то есть еще тридцать лет, она прожила в Париже. Их старшая дочь постриглась в монахини и объездила весь свет. Об отце она как-то с удивлением заметила: как он может быть народным героем — он только и умел, что волочиться за женщинами! И еще: его все боялись — все, кроме лошадей и собак.

Официальный развод Маннергейм оформил весной 1919 года. Он торопился. Перед президентскими выборами он хотел избавиться от возможных осложнений — числящейся за ним русской жены.

Его патриотически настроенный брат Карл Маннергейм входил в партию «Пассивного сопротивления», выступавшую за конституционные методы борьбы с государственной политикой русификации, проводившейся в Финляндии генерал-губернатором Н.И. Бобриковым.

После издания в 1903 году указа о чрезвычайных полномочиях генерал-губернатора в Финляндии, который получил право запрещать публичные и частные собрания, закрывать частные общества, из страны выслали группу оппозиционеров; среди них был и Карл Маннергейм.

В «годы угнетения», как принято называть в Финляндии это время, Россия словно задалась целью вырастить в Великом княжестве поколение несгибаемых шовинистов и русофобов.

Финский национализм расцвел пышным цветом, щедро питаемый бессмысленными мерами русского правительства. Государственный секретарь А.А. Половцев в 1902 году записывал в дневнике: «Этот дикий, грязный во всех отношениях

унтер-офицер (имелся в виду Бобриков. — Е.К.) на несчастье Финляндии сделался ее мучителем; вероятно, ненадолго». Он оказался прав: через два года Бобриков был убит сторонником партии «Активного сопротивления».

Маннергейму, писавшему, что «Россия — это наша большая Отчизна», все это было более чем чуждо. Финляндии, по его мнению, следовало, напротив, продемонстрировать свою преданность и оказать России существенную услугу, чтобы затем в награду получить обратно прежние права и привилегии. Подобное экстравагантное, чтобы не сказать, скандальное предложение не только не могло рассчитывать на благосклонный прием у финнов, его и высказать было немислимо. Во время русско-японской войны даже самые уверенные финны с сочувствием следили за успехами противника, а самые неумеренные активно покупали оружие на полученные от японцев деньги. Что касается Маннергейма, то он как раз отправлялся на эту войну, несмотря на протесты брата Карла. Но он уже принял решение — он хотел изменить свою жизнь, испытать себя и приобрести военный опыт.

Война: там слишком много пили

«Там очень много пили, — писал он в воспоминаниях. — Вялость, безразличие и неорганизованность были повсеместно. Я был исполнен жажды деятельности и благих намерений и твердо решил изменить существующее положение, насколько это было в моих силах. Несмотря на общую апатию, царившую в части, мне удалось заинтересовать более молодых офицеров в полевых испытаниях, которые хотя бы на время занимали их и отвлекали от пьянства». Деятельный и приверженный порядку, Маннергейм изнывал на фронте от отсутствия дела, бестолочи и грязи.

Маннергейм вернулся в Петербург в чине подполковника. Он был раздражен хаосом, царившим в армии, своим отставанием в продвижении по службе (писал, что пойдут служить в жандармское ведомство, чтобы быстрее продвинуться), но главное — тем беспорядком, который захлестнул все кругом.

Предложение Генштаба отправиться в длительную экспедицию в глубь Центральной Азии не только позволяло уехать на два года, но и было новым вызовом, проверкой его возможностей и способностей.

Задание заключалось в следующем: проехать на лошадях по центральным областям Китая (маршрут Маннергейм разработал сам), составляя карты, оценивая дороги с точки зрения их военной пригодности, отмечая плотность населения, природные ресурсы. Следовало также выяснять настроения не китайских народностей, участвовавших в восстании против центральных и местных властей, их готовность принять православие (!) и вести совместные действия с русской армией.

Военные цели экспедиции должны были остаться тайной: предполагалось, что Маннергейм отправится в составе французской научной экспедиции как шведский ученый, почта на его имя будет идти через Швецию (там ее перекладывали в другие конверты и клеили шведские марки), а свои рапорты он будет посылать «вписанными» в письма к отцу; тот должен был вычлнять и переправлять в Генштаб высокопоставленному лицу, скрывавшемуся под кличкой «Федя» (имелся в виду Федор Палицын). Все эти хитрости предназначались для китайских чиновников.

Увы, инкогнито Маннергейм сохранил только для попадавших на пути англичан да собственных казаков, что создавало дополнительные дисциплинарные трудности — они не знали, что он офицер. Китайским

На учениях в Варшаве

властям сразу стало известно, что русский фотографировал мосты и переправы.

В экспедиции Маннергейм вел дневник, куда заносил все или почти все: путевые наблюдения, события, впечатления, чувства. Простой, но очень выразительный и живой слог, образные и скрупулезно-точные описания событий, мест, встреч, свободное владение словом (он без труда передает самые тонкие оттенки чувств и ощущений) — все это сделало дневник литературным явлением, хотя его автор отнюдь не был любителем изящной словесности, художественную литературу он просто не читал.

Аудиенция у императора

Результатами экспедиции Маннергейм мог гордиться: он не только выполнил возложенное на него дело, не только собрал уникальные материалы и коллекции, но и подтвердил свои способности — волю, выдержку, силу духа, остроту ума, умение принимать решения и подчинять себе окружающих. И все же в конце всех испытаний он чувствовал только усталость и облегчение от того, что все позади.

После возвращения Маннергейму была дана аудиенция у императора. Вместо положенных двадцати минут Николай II, увлекшись рассказом, продержал его час с лишком.

В начале 1914 года Маннергейм получил под свое командование кавалерийскую бригаду. Летом он ездил в Висбаден — лечить ревматизм, мучивший его многие годы. В Варшаву вернулся 22 июля, а 29-го ужинал в клубе.

Во время ужина Маннергейму подали пакет, содержащий приказ явиться в штаб бригады. Это было начало мобилизации. И это было концом Европы, которую так любил Маннергейм.

Следующие три года была война — фронт с редкими отлучками по бо-

лезни и в отпуск, участие в брусилловском прорыве...

В феврале 1917 года Маннергейм получил короткий отпуск и встретился в Финляндии со старыми товарищами по кадетскому корпусу. Рассказы

Маннергейма об операциях, в которых он участвовал, оживленно обсуждались за столом, но ни слова не было сказано о двух тысячах финских добровольцев, егерях, проходивших обучение в германских войсках и воевавших на стороне кайзера.

В Петроград Маннергейм возвратился 10 марта и следующий вечер, несмотря ни на что, провел в опере. Наутро в гостиницу, где он остановился, ворвалась толпа «восставших» — они арестовывали офицеров и искали его. Маннергейм сумел уйти по служебной лестнице. Так началась серия «ускользаний», счастливо закончившаяся отъездом в Москву, а оттуда — на фронт, который был для него куда более безопасным местом, чем столица. По пути Маннергейм посетил генерала Сахарова, командовавшего русскими войсками в Румынии, и предложил ему возглавить контрреволюционное движение. Сахаров отвечал, что это «преждевременно».

Все кончено. Или все только начинается?

Убежденный монархист, Маннергейм не сомневался в возможности и необходимости немедленного отстранения от власти «кучки доктринеров». Летом он снова обсуждал с генералами Врангелем и Крымовым возможность свержения Временного правительства.

В середине декабря он умудряется добраться до Петрограда и с отвращением наблюдает на вокзале, как генералы собственноручно переносят свой багаж. Сам Маннергейм, разумеется, легко «находит» двух солдат, охотно вызвавшихся донести его чемоданы.

В Петрограде он проводит неделю и констатирует: «Не было даже намека на одушевление решимостью выступить против нового режима». На обеде в клубе, где он оказался между двумя великими князьями, разговор шел об арестах и безнадежности сопротивления. «Я высказал мнение, — вспоминал Маннергейм, — что, если бы один из великих князей поднял знамя борьбы с большевизмом, множество людей объединились бы вокруг него; я

добавил, что в любом случае предпочтительнее погибнуть с мечом в руке, чем получить пулю в спину или быть резанным». Ему никто не ответил.

Маннергейм отправился в Финляндию. В стране, только что провозгласившей независимость, вовсе не жалели о рухнувшей монархии и больше были озабочены внутренними проблемами.

После Рождества Маннергейм предпринял еще одну рискованную поездку в Петроград — последнюю в его жизни. Наверное, он сознавал, что не будет больше прежней Европы, которая задохнулась на Ипском канале, погибла на Галлиполийских полях, затонула у берегов Ютландии. Но что следом за Европой закончилась и Россия, он знать не хотел. Может быть, инстинкт самосохранения, прикинувшийся трезвым расчетом, твердил ему, что все поправимо и нужно только осознать — русским, финнам, англичанам, французам, даже немцам — тотальность угрозы большевизма. И противостоять ей. Это было так просто.

Он во всяком случае понял это как дело своей жизни — не только отстаивать маленькую Финляндию, но и стать освободителем и спасителем великой России. По иронии судьбы единственным, кто увидел в Маннергейме достойного главу контрреволюционного движения, был кайзер Вильгельм. Что касается русских, то генералу Юденичу, проводившему порядочно времени в Хельсинки, адмирал Колчак запретил заключать с Маннергеймом какие-либо соглашения — в частности, потому, что русская белая гвардия отказывалась признавать независимость Финляндии. По этой же причине финский парламент, с подозрением относившийся и к красным, и к белым, все же предпочитал, как, например, Ю.К.Паасикиви, иметь дело с большевиками, первыми признавшими суверенитет Финляндии.

Маннергейм не оставлял надежды начать интервенцию в Россию до самого конца 1919 года. Уже потерпев поражение на президентских выборах и решив уйти из политики, он прислал из Парижа открытое письмо первому президенту Финляндии Стольбергу, в котором настаивал на необходимости военного участия Финляндии в захвате Петрограда. Он до конца жизни был уверен в правильности своей позиции и незадолго до смерти писал: «Европе и всему миру пришлось дорого заплатить за попустительское большевизм в 1919 году».

Маннергейм вернулся в Финляндию пятидесятилетним генералом несуществующей армии исчезнувшей страны. Он был, по счастливому выражению биографа, «пришельцем из канувшего в небытие мира», за его спиной лежали руины. Ему предстояло начать все заново.

(Окончание следует)

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

Финал большой охоты

Молодежный функционер Э. Хонеккер был убежден: ГДР — замечательная страна, из нее не должны убегать

Два с половиной года германские правоохранительные органы добивались бывшего руководителя ГДР Эриха Хонеккера. Наконец он выдан Германии. Судный день назначен на осень

1935 год. Заключенный гестапо антифашист Э. Хонеккер

Константин Исаков

После победы октябрьской революции в Германии в 1989 году и смещения прежнего коммунистического руководства Хонеккер укрылся в берлинском госпитале «Шарите». Не успел он из него выйти, как был арестован. Содержание под стражей длилось недолго — полтора дня. После чего бездомного и гонимого немецкого коммуниста на несколько месяцев приютил евангелический священник. В

обеих частях тогда еще разделенной Германии все настойчивее раздавались призывы предать Хонеккера и его бывших сподвижников суду.

В апреле 1990 года Хонеккеру дали убежище в советском военном госпитале в Белице. После торжеств по случаю окончательного объединения Западной и Восточной Германии Берлинский суд выдал ордер на арест коммунистического лидера. Но в марте 1991 года Эриха Хонеккера вместе с женой на советском военном самолете тайно вывезли в СССР. Официальная версия

бегства — необходимость лучшего медицинского ухода за его ухудшившимся здоровьем. Маргот Хонеккер добавила, что при всем внимании и заботе в советском военном госпитале отсутствовало необходимое компьютерное оборудование.

Вывоз Хонеккера из суверенной Германии противоречил всем нормам международного права и советско-германским договоренностям. Но Хонеккер пользовался особым покровительством президента Михаила Горбачева. Он — его «личный гость». Сначала восточногерманский лидер отдыхал на правительственной даче Горки-П. Его видели также на партийных дачах в Серебряном бору. Затем он лечился в санаторийской клинике 4-го Главного управления Минздрава СССР. Его местонахождение, правда, держалось в строжайшем секрете, доступ к нему блокировали сотрудники КГБ.

В мае 1991 года он прерывает полугодовое молчание и дает интервью бывшему государственному агентству ГДР—АДН, затем германское телевидение записывает многочасовую беседу с ним, которая вызывает в Германии взрыв возмущения: Хонеккер здоров и ни в чем не раскаялся.

10 декабря 1991 года Эриху Хонеккеру объявили решение российского правительства о том, что в течение трех дней он должен покинуть пределы республики. В противном случае будет выдворен принудительно. Однако 11 декабря бывший лидер ГДР появился в резиденции чилийского посла и попросил у правительства Чили политического убежища.

Посол Чили в Москве Клодомиро Альмейда, бывший руководитель чилийской социалпартии, сам несколько лет укрывался в ГДР и теперь счел «моральным долгом» помочь Хонеккеру.

Благородный жест чилийского посла стоил ему досрочной отставки и возвращения на родину. В консервативных кругах Германии зазвучало требование отказать Чили в предоставлении обещанной многомиллионной экономической помощи.

Судьба Хонеккера была бесмен-

ной темой всех российско-германских встреч, но формально российский МИД был «чист»: Хонеккер находился на территории чилийского посольства. «Делом Хонеккера» в российском МИД ведал заместитель министра Борис Колоколов. Он хранил гордое молчание, не вступая ни в какие переговоры с журналистами. Отмалчивались и чилийские дипломаты.

Завеса секретности еще больше раззадоривала охотников за Хонеккером. Германская общественность требовала возмездия.

Застреленных беглецов из социализма хоронили у рейхстага

Как только Хонеккер поселился в чилийском посольстве в Кускове, туда стали регулярно наведываться немецкие журналисты. За несколько недель до его отъезда у посольства был установлен круглосуточный наблюдательный пункт журналистов, разбиты палатки. Гамбургский еженедельник «Штерн» бронировал места для своих корреспондентов в каждом самолете «Люфтваганзы» из Москвы.

Выезда «Вольво» с Хонеккером в сторону аэропорта Внуково-II ждали с не меньшим волнением, чем звука охотничьего рога. Но все оказалось чрезвычайно скоротечно и тривиально: сжатая в кулак рука пассажира на заднем сиденье — «рот

фронт», гонки по Москве, перевернувшаяся от усердия машина охраны и в завершении марафона — двухместная камера в берлинской тюрьме Моабит, где Эрих Хонеккер уже сидел более полувека назад.

Хонеккера обвиняют в злоупотреблении властью, хищении государственной собственности и непредумышленном убийстве 49 человек, пытавшихся бежать из ГДР на Запад. Но скоро дважды узнику Моабита исполнится 80 лет. По немецкому законодательству это возраст, который позволяет рассчитывать на значительные поблажки.

Власти заверяют, что суд над бывшим лидером ГДР не выйдет за рамки уголовного процесса, не коснется политических аспектов.

Бюргерам западных земель Германии проще выносить общественный приговор Эриху Хонеккеру. Он хоть и родился на Западе — в Саарской области, но никогда не был «их» лидером. Ему оказывали в ФРГ почести, достойные главы суверенного государства. Но при этом никто не забывал о тоталитарном строе Восточной Германии, о циничной торговле в ней инакомыслящими. На вырученные деньги правительство ГДР закупало бананы и апельсины для поддержания мифа о благоденствии социализма.

Восточным немцам сложнее определиться со своими чувствами. И

они не забыли режим, лишивший их на 40 лет свободы. А потому для одних суд над Хонеккером — это легкая возможность самоочищения. В попытке все свалить на одного человека некоторым видится короткий путь к интеграции с большим и богатым западным братом.

Для других (а таких, пожалуй, большинство) Хонеккер — часть их собственной истории и судьбы. Сложно вычеркнуть из жизни все то, что они строили, за что боролись, во что верили. После бывшего благополучия они остались в положении бедного и презираемого родственника. Суд над Хонеккером — еще одно унижение для них.

Судить будут не просто пенсио-

нера Эриха Хонеккера. Судить будут бывшего лидера «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян». Хонеккер нужен Германии, чтобы поставить последнюю точку в 40-летней истории социализма на немецкой земле, чтобы вбить осиновый кол в то, что еще два года назад называлось Германской Демократической Республикой.

Последовательность, с которой правосудие демократического государства борется с остатками социалистического зла, напоминает решимость, с которой послевоенная Германия избавлялась от наследия национал-социализма. Однако насколько суд над Хонеккером будет справедлив в правовом отношении?

С лидерами бывших социалистических стран не принято ныне обращаться хорошо. Без суда был расстрелян президент Румынии Николае Чаушеску. Вот уже много месяцев длится процесс над Тодором Живковым. Болгары собираются судить и своего бывшего премьер-министра Луканова. Чехи будут вершить правосудие над Биляком. Судить бывших лидеров за преступления возглавлявшихся ими режимов кажется очевидно. Однако все эти процессы идут в чрезвычайной степени тяжело, вызывая массу противоречивых возражений: нет правовой базы для таких разбирательств. Каждый из них действовал по законам социалистического государства. Как теперь судить их по другим законам? Быть может, уж тогда обратиться к опыту Международного трибунала в Нюрнберге, отменившего все законы нацистской Германии?..

Логика окончательного очищения от идей социализма может привести германских законодников к очевидному факту: ГДР никогда не была независимым государством. То есть формально она, конечно, имела конституцию, герб и флаг, членство в ООН.

Но это советские войска подавляли восстание берлинских рабочих в 1953 году. Это советский КГБ натаскивал восточногерманское «Штази» на борьбу с инакомыслием. С Москвой сверяли свой шаг коммунисты ГДР. В Москве учились и консультировались их лидеры. Представитель ЦК КПСС присутствовал на заседаниях политбюро ЦК СЕПГ. ГДР была витриной и передовым рубежом мировой социалистической системы. И защищали эту витрину общепринятыми в ней методами.

На возникновение ГДР и исчезновение этого государства с политической карты мира — была воля Москвы. И то, что последние месяцы свободы Хонеккер провел в Москве, — тоже символ.

Фото автора, из журнала «Шпигель» (Германия) и Музея Берлинской стены

Демократия под вопросом

Есть ли при демократии свобода?

Симон
Соловейчик

Глава
третья

Сейчас стали говорить, что частная собственность, свободный рынок, свободные цены — это и есть демократия. Но это, конечно, не так. Частная собственность — необходимое условие демократии, но недостаточное. Без частной собственности тотализм неизбежен, и надо ли объяснять, почему? Нечастное предприятие, как было показано выше, само по себе нежизненно — система таких предприятий держится только силой.

Однако сама по себе частная собственность вовсе не ведет с неизбежностью к демократии. При частной собственности тотализм, автократия, диктатура вполне возможны, таких примеров немало даже в истории двадцатого века.

Этим обстоятельством всю пользуются нынешние наши демагоги. Кричат: «Рынок — это не все, рынок ничего не дает, рынок не демократия», — утверждение совершенно верное, но вывод из него делают абсурдный: вот и не надо рынка.

Итак, свобода частной собственности — лишь одна из свобод, составляющих свободное общество, а природа демократии требует полного набора свобод без единого исключения. Сущность демократии можно выразить формулой $N-1$ равно 0, где N — набор свобод, необходимых для самоуправления. Чтобы убить человека, не надо лишать его всего — достаточно лишить его воздуха или воды, или пищи, или тепла. Так и с живым организмом демократии: если нет хотя бы одной какой-ни-

будь из жизненных свобод, например свободы мысли, вероисповедания, слова, печати, выборов, передвижения, собраний, — демократия гибнет. Отметим относительно недавнюю перемену в языке: слово «свобода» теперь стали употреблять во множественном числе, пишут: «Права и свободы».

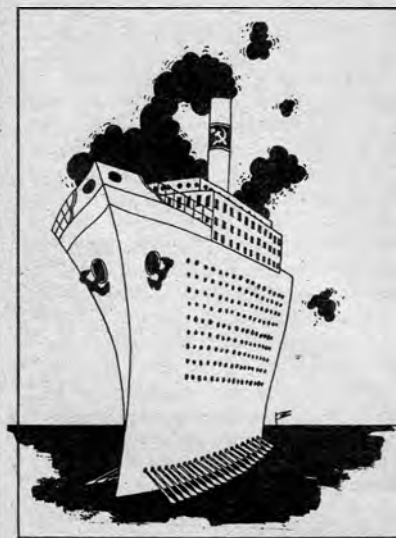
Но часто бывает, что множественное число затемняет отсутствие единственного. Обычное дело: людей много, а человека не найдешь. Так и в нашем случае: свободы при демократии есть, но есть ли свобода? Свободен ли народ в свободном мире? Можно ли, наконец, раскавычить выражение «свободный мир»? Ведь иначе, как в кавычках, в нашей печати оно не употреблялось.

Чтобы ответить на этот вопрос, придется поискать определение свободы. Нельзя же так: демократия, свобода, а что такое свобода — никто не знает.

В нашей публицистике стало традицией, произнеся слово «свобода», тут же испуганно указывать на ее границы: свобода кончается там, где начинается чужая свобода. Свобода, торопливо предупреждают, не означает, что можно делать что угодно. Свобода — но, конечно же, и ответственность. Свобода в нашей стране все еще вызывает лишь одно чувство, и это чувство — страх: как бы люди не распустились. Препятствие эпоха оставила в наследство чудовищное неверие в людей, в людскую совесть и надежность.

Содержание предыдущих глав:

Демократия — это прежде всего самоуправление, но оно невозможно без частной собственности. Если хозяйство без хозяина, то насилие неминуемо. Поэтому демократия и социализм несовместимы.

Другой пласт определений свободы, более современный, связывают с возможностью выбора: свобода — это выбор. Правильно ли? Разумеется, правильно: нет выбора — нет свободы, тут и спорить не о чем. Но если этим утверждением ограничиться, то самая суть свободы от нас ускользнет. Ведь в действительности свободный человек не выбирает из предъявленных ему вариантов, а сам создает новые пути. Свобода как выбор — очень скучная свобода, потому что редкий выбор бывает безграничным. К тому же никогда, ни при каком общественном устройстве не будет так, чтобы у всех людей были одинаковые возможности для выбора. Возможности эти зависят не только от мира, но и от самого человека.

Выбор — это еще не свобода. Свобода начинается с созидания. Высшая свобода — в созидании своей жизни. Коротко можно сказать так: **свобода — это возможность самоуправления.** Самоуправление требует и определенных внешних обстоятельств, и культуры, и высокой нравственности, и, главное, творческих способностей. Самоуправление — и выбор, и созидание нового.

Свобода — демократия — самоуправление по сути одно и то же, это разные стороны одного явления. Но корень здесь — самоуправление. Оно является целью. Для него-то и нужна свобода личности и демократическое общественное устройство.

Принято упрекать людей в том, что они не любят свободы, бегут от нее, — об этом Достоевский писал в прошлом веке, Фромм — в нынешнем.

Бегут. Несвобода ужасна, свобода невыносима — сегодня об этом прочитаешь в любом номере любой газеты, злободневные мысли всегда превращаются в клише. Но всем ли тяжела свобода?

Не раз это было замечено, что люди разнятся в своем стремлении к свободе. Быть может, это самое кардинальное разделение людей: не по талантам, не по имуществу и по-

ложению, а по отношению к свободе. Одним она счастье, другим — обуза. Одни стремятся к свободе, другие бегут от нее. По отношению к свободе люди не делятся на лучших и худших, просто они разные.

Чтобы понять, в чем тут секрет, заметим, что в слове «свобода» два смысла: «свобода-от» и «свобода-для». Такое разделение было проведено давно, тут ничего нового нет.

«Свободы-от» хотят все или почти все: это независимость, безопасность, отсутствие ограничений, угнетения, дискриминации, унижений, преследований — словом, свобода от насилия любого рода. Свободная жизнь — жизнь без принуждения. Это минимум.

Однако в сущности «свобода-от» — лишь условие свободы, а не сама свобода.

На другой день после любого освобождения с тоскливой неизбежностью возникает вопрос: а для чего свобода? Что с ней делать? За что боролись?

Все надежды — на освобождение, все разочарования — после освобождения. Потому что подлинная свобода, трудная «свобода-для» доступна далеко не всем.

В борьбе за «свободу-от» достаточно злости и храбрости. Для свободной жизни нужно еще нечто — одного мужества не хватает.

Мы опять приходим к тому же: свобода — не выбор, свобода — творчество. Подлинная свобода — это свобода для творчества, для сотворения своей жизни, для экспериментирования со своей жизнью. Свобода открывать, придумывать, изобретать, предпринимать, создавать, выражать себя, творить, рисковать — эта свобода не нуждается в границах, она сама в себе ограничена, потому что творчество требует формы.

«Свободу-от» определяют внешние, окружающие нас обстоятельства, «свобода-для» зависит от природных данных человека, от

его воспитания, — но и от его собственной воли, потому что люди в состоянии развить в себе творческое начало. «Свободу-от» может дать человеку общество, «свободу-для» он, если не получил этот дар от рождения, должен добывать себе сам — общество может лишь содействовать ему. «Свободу-от» иной раз даруют свыше, манифестом или революцией, «свобода-для» приходит изнутри.

Демократия не берет на себя ответственность за качество людей и, в отличие от социализма, не занимается воспитанием их, не переделяет их. Она стремится всем дать «свободу-от», предоставляя каждому распоряжаться «свободой-для» по своему разумению, по своим способностям.

Свобода, таким образом, коренится в человеке. Общество или охраняет, или подавляет ее в зависимости от того, насколько необходимо ему свобода личности.

Тоталитарная система **вынуждена** подавлять стремление человека к свободе, к самоуправлению, к свободомыслию, иначе он не поддается управлению.

Демократия — самоуправление, которого не может быть, если человек не свободен. Демократия **вынуждена** поощрять и развивать свободу личности хотя бы потому, что не обладает средствами принуждения к самоуправлению.

Считается, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Однако это правило верно лишь отчасти и лишь до тех пор, пока идет борьба за свободу. А в нормальном, цивилизованном обществе можно быть и свободным от него. Демократия — это общество, в котором человек свободен от общества.

Так есть ли свобода при демократии?

Демократия дает больше свободы, чем всякий другой строй, но абсолютной воли для всех она дать не может. Абсолютной воли для всех не существует.

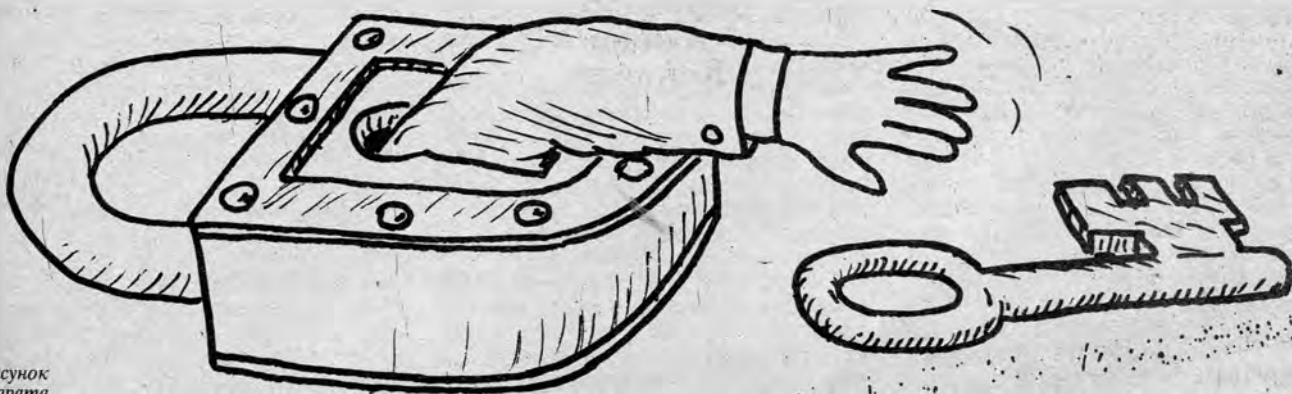

Рисунок
Марата
Таирова

Есть ли при демократии равенство?

Но коль скоро демократия не дает абсолютной свободы, то, может быть, она приносит равенство? Ведь слово «демократичный» означает, в частности, «равно относящийся к людям разных классов».

Однако подобно тому, как освобождение само по себе не дает ни процветания, ни изобилия, точно так же установление демократии не дает полного равенства.

Давно было замечено, что свобода и равенство противостоят друг другу.

Чем больше свободы, тем меньше равенства, и наоборот. Стремление к свободе и стремление к равенству — две силы, направленные одна против другой. Свободный человек не может стараться быть «как все», он не может не быть другим, непохожим. Свобода предоставляет возможности, но внутренние ресурсы людей разные, и чем больше разница возможностей, тем есть чем больше свободы, тем сильнее проявляется неравенство. Чтобы достичь равенства, необходимо ограничить возможности наиболее способных, развитых и воспитанных, — но тогда исчезает свобода. Социализм прельщал равенством, однако равенство возможно лишь за счет свободы.

В этом трагедия социалистической идеи. Если бы равенство было совместимо со свободой, мир цвел бы и процветал тысячами. «Научный социализм» объявил, что он нашел решение и соединил свободу с равенством, но это неправда. Свобода совмещается с равенством только среди нищих. Буржуазное демократическое общество тоже не может дать полной свободы и абсолютного равенства, но может поддерживать эти ценности на довольно высоком уровне, тогда как социализм сводит их практически к нулю именно тем, что пытается совместить.

Утверждают, будто бывает хорошее казарменное равенство, «уравниловка», против которой выступали классики марксизма, и другое, хорошее, «подлинное», социалистическое равенство. Но при ближайшем рассмотрении оно сводилось к мифическому равенству на мифическом общестественном предприятии. Имущественного равенства, как уже говорилось, быть не может, потому что оно гасит энергию борьбы с бесхозом и неминуемо ведет к нищете общества.

Неравенство людей по характерам, способностям и стремлению к свободе — вот та причина, по которой необходимо государство и

закон. Все общества, сколько их было, стремились или закрепить это неравенство, или разрушить его — уравнивать людей. Но из одной и той же первопричины — неравенство людей — вырастает и зло, и добро. Неравенство порождает зависть, ненависть, злобу; оно же вызывает к жизни мощные человеческие силы и позволяет обществу лучше использовать таланты и предприимчивость. Если бы все люди были одинаковы, людской род не развивался бы.

Поэтому стремление к полному равенству не уменьшает, а лишь увеличивает зло. Установка на равенство поощряет зависть и ненависть, общество начинает гнать богатых и талантливых, общественное богатство уменьшается, потому что оно попадает в руки не самых способных людей. Народ беднеет.

Итак, нельзя ждать от демократии того, чего она дать не может. Демократия вовсе не свобода для всех и отнюдь не абсолютное равенство. Демократия — максимально доступная свобода, максимальное равенство, а лучше сказать — подвижное равновесие между свободой и равенством.

Замечено, что свободы и равенства жуют и требуют не одни и те же люди.

Имущим нужна свобода.

Неимущим — равенство.

Если вдуматься в это разделение, то станет понятнее история многих революций, их побед и поражений. Революции обычно начинаются с призывов к свободе и равенству, заканчиваются победой свободы, — но лишь для тех, кто может ею воспользоваться. Остальные же тщетно требуют равенства, которого быть не может, и если общество плохо сбалансировано, то в нем зреет новая революция. Стремление к равенству — источник борьбы за свободу, свобода побуждает стремление к равенству.

Пожалуй, можно сказать, что одно из самых великих открытий двадцатого века — хотя бы частичное решение проблемы свободы и равенства. Это решение было найдено демократией, а не социализмом.

Недавно была опубликована у нас «Дорога к рабству», выдающаяся работа Фридриха Хайека, доктора права, доктора политических наук, лауреата Нобелевской премии по экономике. По этой книге можно вычислить и обратный путь — дорогу из рабства.

Существует представление, что в капиталистическом или, как говорит Хайек, конкурентном обществе рабочий не уверен в завтрашнем дне, а при социализме человек застрахован от всех неожидан-

ностей, у него обеспеченная заработная плата и он может не беспокоиться о будущем.

Все не так. Хайек пишет:

«В конкурентном обществе у бедных гораздо более ограниченные возможности, чем у богатых, тем не менее бедняк в таком обществе намного свободнее человека с гораздо лучшим материальным положением в обществе другого типа... Низкооплачиваемый неквалифицированный рабочий в Англии — практически в гораздо большей степени хозяин своей судьбы, чем... высокооплачиваемый инженер или директор в России...»

Ученый устанавливает, что предположение, будто коллективный разум достиг таких высот, что мы можем заменить саморегулирующийся процесс сознательным руководством, оказалось на поверку всего лишь иллюзией. Свобода индивидуума решать, на что направить имеющиеся в его распоряжении средства, оказалась более эффективным способом реализации потенциальных возможностей человека. Экономическая свобода, пишет Хайек, была непреднамеренным и непредусмотренным побочным продуктом свободы политической. Величайшим результатом высвобождения индивидуальной энергии был поразительный рост науки. «После того, как стало возможно пробовать все что угодно... наука сделала гигантские шаги, изменившие за последние сто пятьдесят лет облик мира». Всюду, где барьеры перестали сдерживать свободное применение изобретательности, «человек быстро получил возможность удовлетворения все расширяющегося круга своих желаний». «Успех превзошел самые необузданные человеческие мечты, и... к началу двадцатого века западный рабочий достиг такого уровня материального комфорта, уверенности в завтрашнем дне и личной независимости, какой сто лет назад казался недостижимым».

Вот путь демократии: она обещает свободу и равенство, она не дает и не может дать ни свободы, ни равенства, но, освобождая энергию хозяйствования и самоуправления, поднимает уровень жизни и дает человеку чувство свободы и равенства.

Развитие демократии показало, что невозможно добиться имущественного равенства и не надо к нему стремиться; что очень трудно добиться равенства в правах, хотя к нему необходимо стремиться; но вот что реально возможно и что дает людям чувство удовлетворения — равенство в достоинстве, в цене личности. Равенство такого рода демократия дает в наибольшей степени.

Суд удаляется на голодовку

Вячеслав Басков

**Если бы
представи-
телей
третьей власти
лучше
кормили,
меньше было
бы суровых
приговоров**

Я сэкономил управлению юстиции Москвы, наверное, тысячу рублей:

— Поедьте посмотреть наши суды! — уговаривала меня первый заместитель начальника этого управления Галина Петровна Вавилова. — Вы посмотрите, в каких жутких, просто жутких условиях приходится работать нашим судьям!

Но я не поехал: мне стало жаль бензина. В Москве 34 народных суда, их не объехать и за неделю.

Ключик от заповедной дверки

На эту тысячу можно починить женскую уборную в Гагаринском народном суде (все суды в Москве пока еще носят названия районов). Или мужскую, где бачок урчит и не хватает каких-то деталей. Или даже построить отдельную уборную для женщин в Ленинском!

Так, как понимают удобства в Ленинском народном суде, тысячи даже будет много. Там в укромной комнате стоят два унитаза. И каждый огорожен деревянными стенками с дощатой дверкой. Получились две кабинки по разным краям комнаты. В одну дощатую дверку врезали замок. Причем деревянного материала на кабинке пошло меньше, чем нужно: стенки ниже потолка, чуть выше человеческого роста. Подсудимые, свидетели, истцы и ответчики, прокуроры и адвокаты

— все разнополые посетители едва ли догадываются, что народные судьи Ленинского района вместе с серьезными лицами выносят на судейское кресло в кармашке пиджака или юбки маленький ключик от заповедной дверки: ключик индивидуального пользования.

Но моей жертвенной тысяче, конечно, не хватит на то, чтобы излечить наши народные суды от телефонного права. В управлении юстиции не знают, сколько телефонных номеров в народных судах, но то, что в каждой совещательной комнате стоит по отдельному номеру, — точно.

В Москве по штатному расписанию 392 судьи, из которых 61 еще не набрали (судей теперь не избирают, а нанимают). Следовательно, у судей 331 телефон. Больше — возможно, меньше — вряд ли. За май 1992 года судебные телефоны обошлись московскому бюджету в 59 212 рублей 30 копеек. Но цены тянутся к солнцу. Главный бухгалтер управления Светлана Ильинична Ермолаева предполагает, что теперь за год придется уплатить примерно 243 000 рублей. И это еще не много, потому, что суды — учреждения бюджетные. Вообще городской бюджет благоволит к народным судам: постановлением № 340 от 2 июня 1992 года правительство Москвы освободило народные суды от арендной платы за помещения.

Звонок в совещательную комнату

Таким образом, телефонное право в Москве стоит примерно 243 000 рублей. И, казалось бы, нет ничего проще, чем избавиться от этой позорной обузы: снять все телефоны в совещательных комнатах, а на сэкономленные деньги вымыть окна в судах, подмести там полы, построить капитальные кафельные уборные, починить фаянс, смазать двери, которые все, как одна, противно скрипят... У председателя Совета председателей народных судов Геннадия Леонидовича Егорова появилась даже своя теория о скрипучих дверях: петли не смазывают, чтобы было слышно, когда кто входит.

Можно еще заделать столы, склеить судейские кресла, повысить оклад судьям, секретарям, судебным исполнителям... Многого можно было бы сделать на деньги от телефонного

процедуру совещания. И ни слова — о телефоне.

Об этом тайном устройстве в совещательной комнате с гневом, презрением, насмешкой шепчутся подсудимые, их родственники, истцы, ответчики, адвокаты, прокуроры — весь честной народ. Только не законодатель. Не молчали и журналисты, которые в самые застойные годы осуждали телефонное право. Они-то, кажется, и придумали этот ехидный термин.

Теперь мы вступили в такую стадию гласности, что можем без страха назвать точную цену судебного беззакония в Москве — 243 000 рублей. И что же?

Юрий Артемьевич Костанов, начальник Галины Петровны Вавиловой, доказывал мне, что будто бы народный судья без телефона обходиться не может. Начальник управления юстиции не против телефона!

Во-первых, говорил он, не всякий судья настолько хорошо знает законы и не настолько опытен, чтобы всегда принимать решения самосто-

раздо важнее телефонного права. Ответчики не являются на вызов месяцами, и дела лежат нерассмотренными сверх всяких возможных сроков.

По телефону судья может выделить в голосе угрозу. Простую фразу: «Звонит судья!» можно произнести мягко, сурово, холодно, сухо... Ответчик испугается — и прибежит судиться.

В-третьих, без телефонной трубки судья не в состоянии, оказывается, проследить за тем, чтобы решение суда было исполнено. Судья не полагается на судебного исполнителя, а лично звонит приговоренному и требует исполнения закона с помощью тех же голосовых оттенков.

И наконец, в-четвертых, по телефону судья звонит в милицию. Скажем, преступника в зале суда требуется взять под стражу — нужна милиция? Ей нужно позвонить.

Народные по недоразумению

Словом, телефон в руках судьи горит! А все наши обывательские суждения о телефонном праве в управлении юстиции кажутся наивными. Кто думает сейчас о телефонном праве? Кто станет звонить судье и влиять? Кому это теперь нужно?.. Если уж говорить о тайне совещания судей, наставляли меня руководители третьей власти Москвы, то важнее, чтобы эти совещательные комнаты в судах элементарно были. Но в Москве нет совещательных комнат — судьи совещаются в комнатке при зале. Это, собственно, кабинет судьи. А совещательная комната — это какая-то отдельная зала с удобствами: диваном, на который можно прилечь, буфетом, холодильником...

— Поедьте смотреть наши суды! — страстно уговаривала меня Галина Петровна Вавилова. — Вот сейчас сядем в машину и я вас повезу в Перовский суд! В Краснопресненский!.. Вы увидите весь ужас нашего положения! В Перовском судьи совещаются в зале, прямо в зале, там нет даже кабинета! Просят публику выйти из зала — и совещаются!..

Она меня хотела поразить, но, признаюсь, не поразила, и дело кончилось экономией бензина. Она хотела вызвать сочувствие к нашим безжалостным судьям, но, думаю, читатели меня бы не поняли.

Наши суды называются народными по недоразумению. Им приклеили этот красивый ярлык отдельным декретом в 1917 году. Стой поры именем народа засудили столько народу, что жалко погибших, искалеченных, изуродованных, а не судей.

Впрочем, легкая управляемость судей несколько не улучшила положения третьей власти. Отсутствие

права! Но главное — очень хотелось бы достичь правового идеала.

О тайне совещания судей говорит 302-я статья Уголовно-процессуального кодекса России. В ней совсем не много слов, но все они — о тайне. Законодатель дал себе волю в особом комментарии к этой статье, где развернуто, многословно описал процедуру тайного совещания. Там говорится о том, что следует исключить какое-либо влияние на ход и

ятельно. Телефон судье требуется для того, чтобы именно в момент совещания позвонить более опытному товарищу — посоветоваться.

Во-вторых, судья уже давно не рассылает истцу и ответчику повестки: почта по Москве идет две недели. Судья вызывает противоборствующие стороны по телефону. Вызов в суд Юрий Артемьевич назвал одной из самых серьезных проблем нашего правосудия, го-

совещательных комнат и вообще пригодных зданий пришло к нам как раз из вчерашнего дня, такого благополучного для судей и бедственного для народа. Да что говорить! Наверное, и года-то не прошло с того дня как впервые во весь голос заговорили о том, что судьи обязаны с обвинительного уклона склониться на оправдательный. Телефон в совещательной комнате — пережиток народного суда. В новых законодательных актах словечко «народный» опустили, у нас будут мировые судьи. Можно переназывать суд, но до тех пор, пока под рукой у судьи телефон, — телефонное право никуда не делось. Не выполняется требование статьи 302-й о тайне совещания! Следовательно, телефонное право действует.

Для технической работы с телефоном в судах существует штат технических работников. Их низкая квалификация — не вина правосудия в высоком значении этого слова. Народ не должен больше расплачиваться за это беззаконием.

Но народ все-таки расплачивается не только беззаконием. В здании почти каждого суда любого человека прямо с порога ждет унижение его достоинства. Если мировые судьи мирятся с тем, что у них на работе некуда, сходить в уборную, то в конце концов это их личное дело. Но при чем тут женщины и мужчины, которые ищут справедливости?

Суп для подсудимой

И — голод. Судьи сидят голодными и приносят еду с собой из дома в свертке. Но за что голодают в судах свидетели, пострадавшие?.. Да и подсудимые, кстати, вместе с работниками милиции? Ни в одном народном суде Москвы нет не то что столовой, но даже буфета. Если бы в суде была столовая или буфет, оправдательный уклон в судопроизводстве не требовалось бы вводить отдельным распоряжением свыше: на сытый желудок и судится не так строго.

Голодный судья — это, пожалуй, только наше отечественное явление. Я сам видел, как судьи в перерыве между слушанием дела ели всухомятку: разворачивали бутерброд с хлебом и запивали чем-то молочным. Я сам слышал, как подсудимая со своей скамьи вдруг тихо промолвила:

— Я не могу больше отвечать на вопросы.

— Почему это? — спросила судья, приготовившись к бою.

— Потому что я голодная. Сестра принесла мне супа в кастрюльке, а взять от нее не разрешают. Я есть хочу. У меня голова кружится.

Руководители управления юстиции скажут, что вот я и сам ушел в сторону от телефонного права. Нет, я к нему приблизился: независимость судебной власти начинается с отсутствия телефонной зависимости. Телефон — это такое чудесное удобство в работе, ради которого можно поступиться всем на свете. И судьи поступились. Судья, присягая, обещает выносить вердикт наедине со своей совестью и законом. На самом деле у него всегда на проводе тот, кто в нужный момент посоветует: больше обвинять на данном историческом этапе или, наоборот, чаще миловать. А тут еще аренду платить не надо — тоже, знаете, благо не из последних. За него можно отблагодарить молчанием: не требовать человеческих условий.

Народ недоволен судьями не из-за тесноты судебных залов. В Москве есть суды с огромными залами. Дело всего лишь в зависимости судей от телефона, аренды, платы за милиционную охрану, которая раньше стоила почти три миллиона рублей в год, а теперь не стоит ни копейки, — московское правительство само ведет расчеты с главным управлением внутренних дел... В зависимости от вещей мелких и глобальных, приятных и отвратительных.

В больнице врач только в экстренном случае положит больного на стол и в ходе операции изучит его реакции на лекарства. Обычно больного долго и нудно готовят к операции. В суде же судья нисколько не озабочен состоянием человека, чью судьбу вот-вот решит.

Я видел камеры, в которых сидят обвиняемые, привезенные на суд из тюрьмы. Мало того что эти камеры в основном самодельные, но там вместе содержатся туберкулезные больные со здоровыми. И ни разу не слышал, чтобы судья заинтересовался у подозреваемого его самочувствием, спросил бы его, готов ли тот к слушанию, к осуждению его жизни и рокового поступка.

В суде заранее висит атмосфера осуждения. Суд для подсудимого — продолжение предварительной камеры заключения, первый этап настоящей тюрьмы. Из мрачной тюремной камеры он едет не на свет, не во Дворец Правосудия, где представитель государства разберется в его деле, проникнет в его душу и, скрепя сердце, осудит его на дальнейшее заточение или тут же отпустит на свободу. Суд для подсудимого начинается с ужасающих камер, многочасовых ожиданий, голода. Это все уже сразу отбивает всякую надежду на лучшую участь.

«Мы свет экономим»

Даже само слово «камера» к иным камерам не подходит: мышеловки метр на полтора, стены которых обляпаны серым цементом, без доступа воздуха. И в этой мышеловке я своими глазами видел двоих мужчин. И с ними заодно, в подвале же, маются часами без света, воздуха и в сырости конвойные милиционеры, которым теперь платят из бюджета.

Разумеется, я спросил председателя одного суда: почему в помещении все так не устроено — ни судьям, ни людям? Но что мне мог ответить человек, у которого у самого в кабинете дверь скрипит?

— А я что могу сделать? — говорил он.

Я спросил председателя другого суда:

— Почему у вас в коридорах темно?

— Мы свет экономим, — был внятный ответ.

О какой же третьей власти у нас речь? Мы имеем дело, с одной стороны, с анемичными людьми без властных признаков, которые годами спокойно работают в помещениях без туалета, а с другой стороны, — с агрессивными, потому что все статьи законов в их полном и безраздельном распоряжении, а они питаются всухомятку. Захотят — приговорят к расстрелу невиновного. Разве история судопроизводства не знает таких случаев? Захотят — отпустят на волю злодея. Общась с некоторыми народными судьями, я убедился в том, что это все еще возможно.

А вот мой разговор с председателем еще одного суда, когда мы с ним остались в его кабинете с глазу на глаз. Мне показалось, что суд совещался в присутствии секретаря и практикантки юридического факультета.

— Вы собираетесь об этом написать? — спросил меня председатель в своем кабинете.

— Да, — ответил я.

— А я на вас в суд подам, — быстро сказал он.

— В какой?

— В городской.

Конечно, и Юрий Артемьевич Костанов с Галиной Петровной Вавиловой могут воспользоваться тем, что я был без диктофона, и затаскать меня по своим судам. Поэтому я заранее отрекаюсь от всего написанного: в судах у нас полный порядок, ослепительный свет и запах оранж, судьи у нас не висят на проводах, и никто ничего не говорил, и ничего не было, и вообще у нас все хорошо. А что, разве у нас что-нибудь не так?..

Рисунки Виктора Богорада

Первым приплывает Ноев ковчег

Седа Пумпянская,
Александр Пумпянский,
специальные корреспонденты «НВ»

Возмущенный читатель позвонил в редакцию и спросил: «Чем там у вас занимаются корреспонденты в Барселоне? Судя по оде барам, которой они разразились, они все свое время проводят вовсе не на стадионах...» Мы воспитаны в трепетной вере, что читатель всегда прав. Но в данном случае он прав наполовину, ибо стадионы и спортзалы хороши днем, а бары ночью. Бары — вовсе не барство. Иначе разве позволили бы себе барселонцы разложить имя своего любимого города на три равные составляющие — БАР-СЕЛ-ОНА, добавив при этом на тысячах плакатов: «Будь, как дома!» По-каталонски «сел» — небо, «она» — волна. Ну а что такое бар для испанцев, мы и попытались объяснить в своем предыдущем репортаже из БАР-СЕЛ-ОНЫ.

Объяснительная записка о шалостях художников

Некоторым зрителям — нашим соотечественникам не очень понравилась церемония открытия Барселонской Олимпиады. По-видимому, образы феерии, пленившей стадион, показались им сложными или чужими. Искренне жаль. Придется продолжить жанр объяснительной записки.

Амулетом Барселонской Олимпиады стал Коби. В реальной жизни это мастиф — любимая собака испанских пастухов и аристократов. Огромная, добродушная и мохнатая — похожая на нашу московскую сторожевую, — она одинаково хорошо пасет овец, гоняет волков и играет с детьми, превращая любого ребенка в дофина или инфанту... Какое, однако, отношение имеет к Коби сине-желто-красный знак Олимпиады, скорее похожий на улыбку средиземноморского неба? Это тоже портрет собаки. И еще какой!

В 1656 году первый художник испанского королевского двора пишет престранный заказной портрет. Это парный портрет короля и королевы, но ни короля, ни королевы на нем нет. Есть сам художник в момент работы — он пристально вглядывается в свои модели. Есть юная инфанта Маргарита Мария, смотрящая на родителей. Есть придворные дамы (по-ис-

БАР-СЕЛ-ОНА:
заказной
портрет с
«Менинами»,
королевским
псом и
рекордами,
которые
ставятся
навсегда

пански «менины»), застывшие в разных позах. Есть карлица и придворный — их взгляды тоже прикованы к августейшей чете. Сами же король с королевой «за кадром», впрочем, они тоже здесь и не только незримо — их лица отражаются в зеркале на задней стене залы.

Но как же мы забыли в этой сложной многофигурной композиции еще один царственный персонаж! Вот он, огромный и невозмутимый мастиф, лежит на переднем плане, не обращая ровным счетом никакого внимания на шалуна, который его яростно тербит ножкой. Пес тоже смотрит на тех, кого нет.

Картина Веласкеса «Менины» выставлена в мадридском «Прадо» и считается самой гениальной картиной испанской живописи. Ее копировали, у нее брали уроки поколения художников. Среди них был и молодой барселонец Пабло Пикассо.

В возрасте 76 лет — уже классик XX века — он вновь возвращается к ней. Пикассо пишет свои «Менины».

Музей «Прадо» Пикассо посетил в последний раз, скорее всего, в 1934 году.

При Франко нога автора «Герники» не ступала на землю Испании. Так что и в буквальном смысле о подражании или рисовании с натуры не могло быть и речи. Со старшим на три века Мастером Пикассо обращался так же, как и с самим Творцом, — он разложил созданное им на первоэлементы и пересотворил его заново...

В 44 версиях на тему веласковских «Менин» (ныне они выставлены в барселонском музее Пикассо) есть и портрет королевского пса — почти шуточный росчерк в три цвета, которому было суждено стать знаком Барселонской Олимпиады. Неисповедимы пути твои, Господи!

Неверие и неверию

Славный 1492 год, когда в Испании произошло столько событий, почти перевернувших мир, ознаменовался еще одним, о котором сегодня предпочитают умалчивать. Королевский указ изгонял из страны евреев. Поразительна все-таки и неискоренима убежденность, что даже и в пору расцвета виновному следует быть, и кому же быть этим виновным, если не человеку иной нации, крови, веры, а проще — еврею. Поэтому их надо выискивать и линчевать, чем и занимались с завидным постоянством с тех пор — и не только в Испании.

В тоталитарной системе, где нет ничего превыше «идеи фикс» вождя, национальный пункт нередко обретал характер пунк-

тика диктатора. Не обошелся без «прогрессивной национальной политики» и франкизм, одной из своих жертв избрав именно Каталонию. Старшему поколению трудно забыть еще совсем недавнее время, когда в компании боялись говорить по-каталонски. Язык был запрещен не только к официальному пользованию, но и в быту, искусство же стука было развито, как и положено в строгом режиме. Поэтому сегодня при полном двуязычии здесь преувеличенно предпочитают говорить по-каталонски, а устроителям Олимпийских игр было особенно важно подчеркнуть, что у Олимпиады-92 четыре официальных языка — английский, французский, испанский и каталонский.

Была запрещена при Франко и сардана. И потому, когда на центральном стадионе в день открытия появилось 300 пар в белых платьях и белых костюмах и, образовав пять больших кругов-колец, мерно покачиваясь в такт музыки, исполнили национальный танец, для многих каталонцев это стало самым трогательным моментом.

А кстати, очаровательно волнуемое и волнующее плиссе на юбках девушек испанской делегации, да и элегантные узкие полоски мужских галстуков, не напоминают ли они чуть больше желто-красную зебру флага Каталонии, чем такой же красно-желтый испанский флаг, на котором всего три полосы?

Ну что ж, признаем за национализмом свои естественные, законные, даже сентиментальные проявления. Пока он не становится вконец назойливым, нетерпимым к чужому и готовым на все. Открытому и доброжелательному характеру хозяев Олимпиады явно контрастировали своей тотальностью изощренные меры безопасности — с электронным ощупыванием, коннополицейскими маневрами и вертолетным барражированием. Увы, это не плод полицейского азарта, но, по видимому, необходимый ответ на угрозу со стороны ЭТА — националистической террористической организации из соседней Страны Басков.

Вселенский праздник спорта — не место для грустных назиданий и мрачных заклинаний. И все же, что делать с бесами национализма и се-

паратизма, которые по-своему и весьма агрессивно используют новую свободу? Людям с опытом нашей страны это может показаться странным, но сегодня в Испании мало кто всерьез предложил бы вернуться к проверенным методам Франко. Назад в страну, где все испанцы жили под безоблачным небом, пути нет. Есть только дорога вперед — к новому благосостоянию, к более широкой и реальной демократии, к слитности с Европой и миром.

Лозунги независимой Каталонии, не говоря уже о Стране Басков, эмоционально близки многим, но кто реально готов запереться пусть и в трижды родных провинциальных стенах?! Это только кажется парадоксом, но чем стремительней Испания становится частью единой Европы и чем больше граждане Испании имеют оснований ощущать себя европейцами, тем больше шансов, что каталонцы не будут настаивать на том, что они не испанцы.

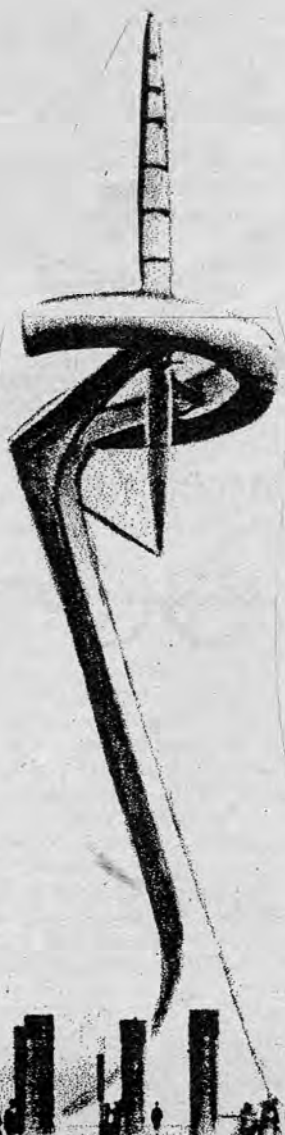
...А что это за колючие буквы на стенах домов — «Карселона»? Просто описка? Или же серьезное обвинение городу в том, что на самом деле он «тюрьма» (от испанского «carcel»)?

В другом месте мы наткнулись на целую программу действий из четырех пунктов. Первый горделиво гласил: «Прилагай усилий как можно меньше!». А также: «Наслаждайся трудовым абсентизмом!» (то есть, попросту говоря, прогуливай!). «Практикуй саботаж!». И «Не дешеви, продавая свою рабочую силу!». Ибо «даже если (любопытное допущение) ты будешь работать хорошо, все равно все присвоит себе богачи».

Знакомые мотивы, привычная лексика... Сегодня и здесь, однако, они выглядели явно самоиронично. Ну конечно же, нетрудно угадать и за ними определенную реальность и невыдуманные проблемы. И все же этот неприкрытый посыл маргиналов «Ты пария, и потому возведи халтуру в закон и живи нахалству» окончательно добил инстинктивное ностальгическое желание более пожилого из ваших корреспондентов привнести в репортаж об Олимпиаде немножко эстетики классовой борьбы. В Барселоне, известной своими революционными и антифашистскими традициями, и сегодня есть площадь Карла Маркса, но от того, что у нас, и не только у нас, еще недавно всерьез исповедовали как «марксизм», остались лишь уличные граффити сомнительной ценности.

2000 памятников модернизма

Один из крупнейших городов Средиземноморья, древняя столица каталано-арагонского королевства, Барселона никогда не знала упадка, но в конце XIX века пережила истинное возрождение. Можно задуматься в очередной раз над вопросом о том, что здесь первично — искусство или жизнь, но факт, что по скорости и великолению урбанистического преобразования Барселона практически не имеет себе равных. Разве что Париж или Петербург, да и те строились значительно дольше. Идеальное сочетание открытости страны, спокойствия и благополу-

чия стало той благодатной почвой, которая позволила Барселоне в очень сжатые сроки превратиться в мировую столицу стиля, который под разными названиями в разных странах («Ар нуво» во Франции и Бельгии, «Сецессион» в Австрии, «Югендстиль» в Германии, наконец, наш родной шехтельевский московский модерн), вычурно изогнув и искорежив линию, преобразил и освободил современную архитектуру.

В Барселоне, где только каталогизировано около 2000 памятников модернизма, возможны самые неожиданные встречи. На одном маленьком отрезке лицом к бульвару Грасия повернуты три знаменитых дома — «дом Батльо», ощерившийся зубастыми балконами, со своим высоко вздыбленным мозаичным гребнем, постройка Антонио Гауди; неоготически-строгий золотистобурый «дом Аматлер» (архитектор Жозеп Пуиг-и-Кадафалк) и цветастый, извилисто текучий, как и положено в новой романтике модернизма, «дом Лео» (его выстроил Льюис Доменч-и-Монтанер). Три великих архитектора модернизма случайно повстречались в одном квартале (по-испански квартал — «manzana» и его же омоним «яблоко»), не менее случайно «manzana» называлась «Дискордия» («раздор»). Велик же город, который умеет себе позволять такие яблоки и такие раздоры!

У каждого из знаменитых домов еще и своя судьба. Поговаривают, что на «дом Батльо» (кстати, имена их обычно — имена заказчиков) давно положили глаз японцы — они были готовы купить дом за любые деньги и даже вывезти. К счастью, такое национальное достояние на вывоз не продается. Напоминающий яркую шахматную доску «дом Висея» (а все здания Антонио Гауди в 1984 году объявлены ООН культурным достоянием мира) продолжает оставаться частной собственностью. К знаменитому доходному «дому Мила», построенному в 20-е годы (кстати, именно в этом доме происходит большая часть действия фильма Антониони «Профессия: репортер»), давно присматривается крупнейший каталонский банк «Ла Кайша». Пока им удалось получить один этаж, где в рамках Культурной Олимпиады — программы, рассчитанной на четыре года с целой серией выставок, спектаклей, гастролей и разного рода действий открыта замечательная экспозиция «Каталонский авангард. 1906–1939 годы».

Первая мировая заставила многих эмигрировать из воюющих стран Европы, а Испания, и в особенности Барселона, в начале века представлялась идеальной гаванью и прибежищем в бурях войны. В итоге Барселона стала еще и столицей мирового авангарда. Такие разные ге-

нии, как Пикассо, Миро и Дали, — одинаково выходцы из каталонского всплеска, из этого нового Возрождения, продлившегося вплоть до 36-го или, если хотите, 37-го года, когда выставленный на Парижской выставке павильон Испанской республики с картинами Миро и пикассовской «Герникой» — манифестом духовных исканий первой половины XX века, оказался одновременно и его реквиемом.

Ну а «дом Мила» все так же стоит, и все так же живут в нем люди. В это удивительно устроенное законодательство западных стран, где бывшему советскому человеку ничего не понять, странно вмонтирована как бы еще и моральная норма. Вот пример. При постоянном росте цен домовладелец не имеет права повышать размера однажды оговоренной квартплаты. Так, рассказывают, в самом гениальном доме Барселоны до сих пор проживает женщина, которая платит всего четыреста песет в месяц (четыре доллара). Ей посчастливилось поселиться здесь и подписать контракт много десятилетий назад. И эта смешотворная сумма квартплаты, и эта женщина — сильнее могучей «Кайши».

Ноев ковчег

Когда в 1984 году стало известно, что летняя Олимпиада-92 пройдет в Барселоне, испанцы, бурно отметив решение Олимпийского комитета, впервые задумались, что в городе и стране придется построить, что приспособить, а что изменить, чтобы быть на уровне. И как выясняется теперь, удивительно точно уловили залог своего будущего успеха, особенно в тех странах, где история после трагически резких разрывов наконец-то начинает возвращаться к восояси. Главное и первое — это суметь перекинуть мостик между прошлым и будущим, оборванным и начинаемым. Поэтому-то и красуется на одной из четырех новых олимпийских территорий восстановленный заново парижский павильон Испании 37-го года. И даже «Гернику» хотели туда повесить, пусть на время. Правда, тут заупрямились мадридцы, дав каталонцам очередной повод обидеться на себя, — и внутри павильона расположилась экспозиция «Барселона будущего». Быстро чередующиеся слайды рассказывают об истории тех мест, где сегодня красуются стадионы, гостиницы, парки и ультрасовременные здания. На большинстве из этих мест еще год, три года или пять лет назад был пустырь или помойка.

Так растет и заново открывается миру город, который был одним из самых космополитичных городов мира в начале XX века. Кстати, новейший, с иголки, Дворец спорта

на горе Монжуик подарен Барселоне японцем, а сама иголка телебашни Калсерола спроектирована англичанином.

И даже собор Святого Семейства снова достраивается. Среди существующих сегодня восьми башен-свечек (всега Гауди замыслил 18, при его жизни было начато четыре и завершена одна) девятой — цайлей-надсмотрщиком — непременно торчит кран. В храме без крыши под навесом служат мессу. Табличка о столетнем юбилее стройки болтается где-то на углу. И хотя противоположный фасад, достроенный в 72-м году, уже успел состариться, истинное священнодействие творится не внутри, а вовне. Там, где застывшие люди безмолвно разглядывают тот, созданный самим Гауди, фасад Рождества, который один уже больше любого Храма — огромный Ноев ковчег, устремленный ввысь, где каждой твари по паре и где каждому есть место. Там, где на площади шумит ярмарка, играет музыка, бурлит и беснуется жизнь.

И еще кое-что о барах

Да простит нас требовательный читатель, но этот поход по Олимпийской Барселоне мы завершим все же в баре. Напоследок еще одна пикантная история на этот нескончаемый сюжет.

Несколько лет назад одна юная московская испанистка, юркнув под приподнятый железный занавес, очутилась в стране своих грез. И что же она увидела на улице цветущего испанского города! Чудовищную вывеску: «Бар Берия». Да как они могут! Обуреваемая жаждой справедливости, наша героиня решительно открыла дверь...

К счастью, все оказалось не столь трагично. Отец нынешнего владельца бара был брадобреем (по-испански парикмахерская «barberia»). Сын же, задумав открыть на том месте бар, чтобы не менять лишней раз вывеску, просто разделил ее на два слова — «бар берия». И между прочим, совсем не испугался, узнав о мрачном каламбуре. Пусть останется, а мы уж придумаем, как завлечь побольше посетителей...

Когда кровавые, трагические, нелепые, бездарные и какие угодно другие эпизоды истории отправятся в архив исторической памяти, где им и положено храниться, а время отодвинет воспоминание о них если не далеко, то во всяком случае прочно — так, чтобы вы не пускались в паническое бегство и не спотыкались о ступени бара с каким-нибудь эдаким названием, это и станет доказательством того, что жизнь пришла в норму.

После гражданской войны, диктатуры и всеведущего вожда жизнь в Испании пришла в норму. Чего мы, дорогой читатель, и нам желаем.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Какое определение можно подобрать для государства, оказывающегося не способным осуществить реформы и удовлетворить потребности общественного развития, не прибегая при этом к насилию и террору против подданных? Достаточно ли квалифицировать его как деспотическое или «полицейское»? Завершено ли в этом случае государственное строительство?..

Иногда создается впечатление, что существо российской государственности традиционно состояло как раз в том, что империя так и осталась таким незавершенным государством. Феномен незавершенного государства возникает, как правило, в эпоху перехода от сословного общества к гражданскому. Ста-

рое, замкнутое в себе феодальное государство не способно удовлетворять потребностям развития по пути к открытому обществу. Оно не обладает для этого необходимыми политическими и юридическими механизмами. В этом и сказывается незавершенность государственных структур по отношению к новым историческим целям и задачам. Все европейские страны прошли через этот этап. Россия не успела.

Несовершенство своих государственных институтов — в условиях растущего многообразия социально-политических интересов — российское государство компенсировало политикой подавления этих интересов. Незавершенное государство становилось «полицейским» государством.

Но в чем причины незавершенности российского государства? Они в том, что в действительности существовало

как бы не одно, а два государства. Одно государство — самодержавное. Другое — бюрократическое. Первое управлялось государевым двором и опиралось на плечи правящей столичной элиты. Второе принадлежало всецело произволу провинциальной бюрократии, местных административных властей.

Реформаторство, исходившее из центра, как правило, наталкивалось на сопротивление провинциальной бюрократии и угасало. Контрреформаторство же столичной элиты обыкновенно находило поддержку у местных элит и принимало форму административного произвола. Именно об этом — публикуемая нами статья В.Д. Набокова.

Коротко об авторе. Владимир Дмитриевич Набоков (отец знаменитого писателя) принадлежал к старинному дворянскому роду. Закончил Петербургский университет.

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

Преподавал в Училище правоведения. В 1904–1905 годах был заместителем председателя ЦК конституционно-демократической партии. В 1906 году стал членом 1-й Государственной думы. Сотрудничал в кадетской газете «Речь», публиковался в «Вестнике Европы». В 1917 году он был управляющим делами Временного правительства, депутатом Учредительного собрания. В эмиграции обосновался в Берлине, где 28 марта 1922 года был убит черносотенцами.

Законность и власть

Владимир Набоков (1869–1922)

Одним из любимейших коньков бюрократической фразеологии доконституционного времени было «начало законности», незыблемость его, великое и плодотворное его значение. Невольно по этому поводу приходит в голову такая аналогия: во всех христианских странах, где сохранилась смертная казнь, последнему «акту земного правосудия» неизменно предшествует духовное напутствие — слова любви и всепрощения, слова учения Христова оказываются необходимым придатком, как бы увертюрой к драме кровавого насилия. И, подобно этому, «самодержавная бюрократия» начала восьмидесятых годов, вводя в наше законодательство институт усиленных и чрезвычайных охран, упраздняющих действие общих законов, с лицемерным благоговением провозглашала, что эти упраздняемые общие законы «составляют залог благоденствия и преспеяния, упраздняются же они только в силу печальной необходимости» и ради вящего водворения общественного спокойствия и искоренения крамолы. Почти четверть века спустя поколение, выросшее при действии исключительного положения, «не выдавшее иного порядка поддержания общественного благоустройства» и «лишь по книгам знающее об общих законах Российской империи», узнает, что для упрочения правильного хода государственной и общественной жизни в первую очередь признано неотложным «принять действительные меры к охранению полной силы закона, дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью всех подчиненных властей и мест, неисполнение же его неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность».

Четверть века господствует на огромных пространствах России система бесконтрольного административного усмотрения, практикуются всевозможные внесудебные меры обуздания не только крамольных, не

только «инакомыслящих», но всех вообще, кого захватит колесо административной машины: расцветают высылка и ссылка в административном порядке, аресты, обыски; применяется экстраординарная судимость; всевозможные административные скорпионы обрушиваются на печать; политическая свобода превращается в безнадежную утопию; развивается своеобразное местное законодательство в виде обязательных постановлений, издаваемых местными администраторами и сопровождаемых суровыми санкциями, — законность превратилась фактически в иллюзию, а между тем пышный стиль официальных актов признает ее «важнейшей в самодержавном государстве опорой Престола»... Так продолжается и в переживаемое нами время...

...Вопрос о праве продления в порядке Верховного управления действия усиленных и чрезвычайных охран уже так часто и так обстоятельно подвергался обсуждению и в печати, и в Государственной думе, что здесь, казалось бы, нет надобности на нем особо останавливаться. Именной Высочайший указ правительствующему сенату от 1 сентября 1911 года, которым еще на один год был нормирован в порядке Верховного управления вопрос об исключительных положениях, не ограничился даже механическим продлением ранее существовавших норм, а произвел некоторую своеобразную комбинацию, благодаря которой получился обширный территориальный район, состоящий из одной области, 37 губерний, 21 уезда, 1 округа и 1 градоначальства, формально как будто освобожденных от действия охраны, но на деле отданных произволу администрации. Ибо благодаря этой комбинации в указанных местностях за административными органами разных рангов — от местных начальников полиции до министра внутренних дел — сохранено и право издания обязательных постановлений с наложением административных взысканий за нарушение их, и право ареста лиц, политически подозрительных, с производством у них обысков и выемок, и надзор за личным составом губернского управления и само-

управления, и право передачи судебных дел известного рода на рассмотрение военных судов.

В конце концов единственный аргумент, якобы оправдывающий такое продление и притом видоизменение положения об охране в порядке Верховного управления, сводится к тому, что нельзя оставлять правительство безоружным на случай всегда возможных волнений, нельзя прекращать действия положения об охране, пока не проведен через все инстанции законопроект об исключительных положениях. Мы не будем говорить о лицемерии этого аргумента, в особенности в устах представителей большинства Государственной думы, от которого зависит осуществление указанного законопроекта; не будем касаться и того, что именно это осуществление свелось бы к узаконению на долгие годы возможности такого произвола, от которого мы теперь страдаем; оставим в стороне и то явное возмущение, что в случае действительного наступления каких-либо волнений правительство нашло бы в Государственной думе заранее готовую поддержку для проведения всяких исключительных положений. Все это возражения по существу. С формальной точки зрения, которая при разрешении вопроса о законности должна преобладать, совершенно очевидно, что даже наличие действительной необходимости исключительных положений не может оправдывать установления их в порядке незакономерном.

То огромное зло, которое вносится в русскую жизнь существованием этих исключительных положений, рассчитанных при своем первоначальном издании на борьбу с распространившейся по всей России смутой, с революционным движением, проявившимся в ряде террористических актов и закончившимся царевубийством, не подлежит сомнению ни с чьей стороны. Оно и создало ту развращенную сознанием своего всевластия администрацию, то длящееся общественное недовольство, хроническое враждебное к правительству настроение, которые являются источниками революционных потрясений. В свое время это было признано самой властью, и возвращение к нормальной жизни под действием общих законов было признано одной из насущнейших потребностей русской жизни. Любят ссылаться на то, что именно движение 1905—1906 годов замедлило такое возвращение. Но чем же объясняется, что в настоящее время, когда и в официальных и неофициальных некрологах покойного Столыпина констатируется в виде главной и несомненной его заслуги подавление смуты, восстановление порядка и спокойствия, когда общественная жизнь почти что задавлена и общественное настроение упало до низшей степени, — чем объясняется упорное сохранение узаконенного произвола?

Наиболее общим результатом такого положения является то неуважение к закону, при готовности устами славословить его, которым проникнута вся администрация снизу и доверху. Именно самые последние годы характеризуются каким-то возведением этого неуважения в принцип, им как-то щеголяют, открыто подчеркивая, что законы и законность всегда и бесспорно должны отступать перед требованиями «государственной целесообразности». Психологически такое явление коренится в том настроении, которое создалось у бюрократии после «удачного» роспуска 1-й Государственной думы и не менее удачного нарушения основных законов, последовавшего после роспуска 2-й Думы в 1907 году. Питалось оно далее всех характером политики покойного главы правительства, государственные воззрения которого получили наиболее яркое выражение как в этих двух актах, так и в истории проведения закона о

западном земстве. Уже давно было сказано крылатое слово, что стало предметом вожделений каждого, даже незначительного, администратора прослыть «маленьким Столыпиным», и это «стольпинское» настроение от отдельных администраторов переходило к целым учреждениям...

...Тщетно чтут устами законность, попирая ее на деле. В русской жизни это поправление — всем язвам язва. Она заражает весь государственный организм, ежеминутно давая о себе знать, развращая и властвующих и подвластных. Такое явление не укладывается, конечно, в рамки календарного года. Но все же именно минувший 1911 год дает ряд особенно ярких и красноречивых иллюстраций, в своей совокупности рисующих жуткую картину. Чтобы вызвать ее перед глазами, достаточно пробежать газетную хронику — в особенности провинциальную — за этот год. И если припомнить, что эта хроника отражает едва сотую — если не меньшую — долю действительности, что она складывается из случайных

наблюдений отдельных лиц, с ограниченным кругозором, захватывающим сравнительно ничтожный район административной деятельности, то жуткое ощущение растет, получает огромную силу...

Зло начинается у самого корня. Чтобы говорить о законности, нужно, прежде всего, прочно и неизбежно установить само понятие закона. Мы знаем, как плохо и

сомнительно разрешалась эта задача в доконституционную эпоху. Очевидно, с созданием законодательных установлений вопрос приобретает еще большую важность. Согласно основным законам 23 апреля 1906 года никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной думы, а за верховной властью остается право издания, в порядке Верховного управления и в соответствии с законами, указов для устройства и приведения в действие различных частей управления; совет же министров, министры и главноуправляющие отдельными частями, а также другие на то законом уполномоченные учреждения могут издавать обязательные постановления, инструкции и распоряжения, не противоречащие закону. Наука государственного права разбирается в этих категориях, проводя между ними границу по существу. И так как только одной из них обеспечена гарантия рассмотрения законодательными палатами, ясно, что от правильного проведения указанной границы зависит действительное осуществление конституционного принципа. Он будет подорван, если власть управления — верховного или подчиненного — станет вторгаться в область, по существу принадлежащую власти законодательной. И тем самым будет нанесен тягчайший удар идее законности...

...Иркутский генерал-губернатор, входя в сенат с рапортом об отмене постановлений иркутского и енисейского губернских присутствий, коими разрешены были общества избирателей и обывателей в Иркутске и Красноярске, откровенно писал, что существование такого общества наряду с городской думой не только излишне, но и вредно, так как оно самим фактом своего существования как бы указывает на неурядицы и несовершенства действующего закона, почему и потребовалось в дополнение к нему создать особый орган. Но одним из излюбленных приемов в отношении вновь учреждаемых обществ и союзов, приемов, ставшим общераспространенным в 1911 году и несомненно являющимся плодом какой-то директивы — это разрешение обществ и союзов при условии, что из числа учредителей будут исключены лица, почему-либо не угодные администрации. Так, в Вологодской губернии учредители, подавшие заявление об образовании просветительного

общества имени Л.Н.Толстого, получили уведомление, что заявлению их не будет дано хода, пока из числа учредителей не выйдут поименованные губернатором лица. Такая же участь постигла общество помощи недостаточным студентам-вологжанам, а также общество тюремного патроната, которое предполагалось учредить по образцу (подобного совета) учрежденного министром юстиции. Мало того, в той же Вологодской губернии был случай исключения из числа должностных лиц законно существующего общества на основании резолюции губернского правления, утвержденной губернатором. Ставропольский губернатор, утверждая устав предполагаемого к открытию сельского общества потребителей, объявляет учредителям, что вошедшие в состав их отдельно поименованные лица, по имеющимся у губернатора сведениям, неблагонадежны в нравственном и политическом отношениях и не могут не только быть учредителями общества, но даже и принимать какое-либо участие в его деятельности, почему и подлежат исключению.

**Стоит ли административным
скорпионам обрушиваться на печать,
когда и в своем-то бюрократическом
доме не могут они навести
обыкновеннейшего порядка**

Здесь, таким образом, губернаторское распоряжение в административном порядке лишает определенных лиц законно принадлежащих им прав. Но можно ли этому удивляться, если киевский губернатор циркулярно воспрещает обществам потребителей выписывание газет, журналов, брошюр (и тому подобного), причем мотивирует это запрещением тем, что хотя этим обществам и представляется организовывать учреждения, имеющие целью различными средствами и способами улучшить материальные и нравственные условия жизни своих членов, но из этого нельзя заключить, чтобы они имели право выписывать газеты и журналы... Губернатор благосклонно прибавляет, что «настоящее распоряжение не распространяется на отдельных членов общества, которым, конечно, не должно быть возбраняемо выписывание газет, журналов и т.п.». Итак, в 1911 году потребовалось циркулярно разъяснить, что российские граждане, населяющие Киевскую губернию, не лишены права выписывать газеты, но если они объединяются в определенную общественную организацию, то они этого права лишаются.

К этому же разряду мероприятий, ничего общего с законами не имеющих и открыто нарушающих пределы административной власти, принадлежит все чаще и чаще практикуемое отбирание подписок о непринадлежности к нелегальным партиям или к антиправительственным организациям. В этом отношении рекорд побил нижегородский губернатор Хвостов, бравший эту подписку с каждого лектора, читающего лекции в Нижнем и обратившегося с этой подпиской в суд, причем председатель суда согласился на собрание подписей, и был случай истребования подписи от помощника присяжного поверенного, выправлявшего свидетельство на ходатайства по частным делам.

...Среди российского населения существует целая категория лиц, среди которой под влиянием событий последних лет все чаще и чаще проявляется сознание, что и для них закон не писан, и что особенность их положения заключается не в том, что они призваны в военное время с оружием в руках защищать родину, а в том, что они какие-то привилегированные лица, перед которыми должны неметь и закон, и его исполнители. Напомним самые яркие эпизоды в этой области. В Царицыне весной минувшего года конторщик Поляков в пьяном виде грубо оскорбляет жену поручика Кугатова. Последний стреляет в него несколько раз, а затем, после того как Поляков отведен в участок, поручик туда является, требует, чтобы к нему был приведен Поляков; требование это немедленно исполняется, и поручик Кугатов вновь трижды стреляет в безоружного, простреливает ему левую руку, затем обнажает пашку и в при-

сутствии околоточного и полицейского наносит Полякову ряд ударов по чем попало, раскроив череп одним из ударов. Приведенный случай, конечно, является исключительным по своей тяжести, но в течение 1911 года периодическая печать отметила целый ряд случаев, аналогичных если не по тяжести, то по проявленному в них неуважению к закону и к правам «обыкновенных» граждан. В вагоне поезда между студентом и капитаном происходит спор на политической почве; спор закончился тем, что капитан разрубил студенту голову. Сообщая этот факт, газетная телеграмма гласила: «Рана угрожает жизни. Студент помещен в больницу. Офицер проследовал дальше». По этому поводу «Вестник Европы» спрашивал: «Проследовал ли бы дальше студент, если бы не капитан ему, а он капитану разрубил голову?» «Всеобщая газета» в № 662 сообщает факт столкновения пассажира-офицера в вагоне трамвая со стариком-купцом, который, собираясь выйти из вагона, вынул папиросу. Офицер с бранью вырвал ее и

столкнул купца с площадки на землю. Упавший купец, поднимаясь, сказал: «Так мог только сделать человек невоспитанный и, во всяком случае, не офицер». За эти слова офицер ударил купца пашкой, отсек ухо и нанес рану в шею. В Калуге извозчик отказал офицеру везти троих. Призванный городо-

вой встал на сторону извозчика, сказав, что возить троих действительно не полагается. Офицер за это ударил городового. Когда затем городской пришел в офицерское собрание, другой офицер ударил его два раза по лицу за то, что на окрик: «Ты пьян» — он ответил: «Никак нет, ваше благородие, отроду не пью». Мы не знаем, какая судьба постигла виновников этих расправ, но нам понятно одно: руководящим мотивом во всех этих случаях является именно то сознание своей сверхзаконности, которое, увы, достаточно часто подкрепляется результатами возникающих по этому поводу судебных дел...

...А что же Государственная дума? Ведь одно из существеннейших прав — право запроса — дано ей именно ради борьбы с незаконными действиями администрации. Ведь благодаря этому праву есть возможность вынести на думскую трибуну все то, что прежде оставалось скрытым. Разве один свет гласности недостаточен для того, чтобы заставить образумиться не в меру усердных администраторов, напомнить им о законе, о праве? Так через много-много лет, быть может, спросит будущий русский гражданин, который «не по книгам только» будет знать о существовании общих законов и о том, что их обязаны исполнять предрежащие власти. Для современников этот вопрос звучит почти насмешкой. Мы знаем отношение большинства Государственной думы к праву запросов и к его применению. Мы знаем, что нет того проявления произвола, нет той беззаконной меры, которая бы не встречала восторженного одобрения на известных скамьях.

Но мы знаем и другое: даже в тех редких, исключительных случаях, когда Дума реагирует на слишком явное беззаконие — принятием запроса, — нравственное впечатление от такого акта остается единственным его последствием, а учет этого впечатления не может не зависеть от степени уважения и авторитета, которыми пользуется Дума в глазах общества. Этим все сказано...

Так правительство и Дума делят между собою ответственность за те грядущие потрясения, которые еще предстоит пережить нашей Родине.

Публикация подготовлена по изданию «Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год» кандидатом философских наук Валентином Мануйловым (Пенза)

Четверо друзей из Санкт-Петербурга — **Алексей Воров, Викрилл Баранов, Виктор Григорьев и Михаил Дуткевич** — студеным февралем решили пуститься в кругосветное путешествие автостопом. Кому-то, быть может, идея покажется бредовой, но питерская четверка давно готовилась к кругосветке: на полупутках исколесили Среднюю Азию, Сибирь.

В Дании нашелся друг, который свел питерцев с газетой «Политикен». Та в счет будущих гонораров выделила путешественникам полторы тысячи долларов. Норвежская фирма, известная в мире изготовлением снаряжения для полярников, их экипировала бесплатно, то есть за рекламу. Российское радио обещало им освещение и моральную поддержку. В путь!

Самым сложным, по мнению ребят, был наш заполярный участок — мороз до минус 45, снежные бури, опустевшие зимники. Добрые люди встречали их повсюду — предлагали пищу, ночлег, деньги, несмотря на то, что зарплату не выдавали месяцами.

На Чукотке они «тормознули» самолет Аляскаской авиакомпании и перевалили на другую сторону Берингова пролива. Хозяин запросил сначала тысячу долларов с каждого. Но поторговавшись, согласился

за бесплатно. Кстати, основное правило хитхайкинга — полагаться только на бескорыстных водителей и пилотов.

По шоссе вдоль Тихого океана по бывшей российской земле они почти с комфортом проехали Аляску и Канаду. Границу между Канадой и США почти не заметили — пограничник моментально проставил печати со словами: «Мы о вас знаем из газет».

В Сиэтле питерцев принимали американские служащие той самой норвежской фирмы как родных, собрали денег на дальнейшую дорогу. В Денвере остановились у старого друга Алексея — тоже профессионального хитхайкера. Проходили по горам

(почти все — опытные альпинисты), заработали немного денег — ремонтом мебели и домов местных жителей. Через Техас перевалили американо-мексиканскую границу, где никто и не поинтересовался их документами.

И вот наконец — в Мехико, где предстояло получить визы на страны Центральной Америки, Бразилию и Колумбию. Остановка оказалась длительной. Так и не удалось получить гватемальскую визу. Видимо, власти этой страны сочли небезопасным путешествие хитхайкеров — для них же самих: в

Гватемале стреляют. Пришлось двинуться к портовому городу Мексики Веракрус в надежде «поймать» попутное судно до Гондураса, оттуда в Никарагуа, Коста-Рику, Панаму, Колумбию, Венесуэлу, через бразильские непроходимые джунгли — к берегу океана. Затем — в Африку. А там и рукой подать до дома.

Ю.Кудимов,
соб.к.к.рр. «НВ»
г.Мехико

«Амнистия» на улице Герцена

Американка **Таня Смит** — новый представитель «Международной амнистии» в Москве — работает на углу улицы Герцена и Хлыновского тупика за крепкой железной дверью. Вокруг офиса этой всемирно известной правозащитной организации все так разрыто и разрушено, что ходить страшно даже днем.

Таня по профессии юрист. Она больше 12 лет состоит членом «Международной амнистии» и не раз оказывала этой организации добровольные услуги — в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Париже. До «Амнистии» работала в американском Комитете юристов за права человека: следила за правовыми переменами в России, организовывала «обмен» судьями между Москвой и Вашингтоном; писала «рецензии» на ежегодные доклады госдепартамента США о положении с правами человека в СССР.

В сентябре 1991 года Таня Смит переехала в Москву — помогала правозащитному центру «Мемориал» и готовила аналитические документы о правовой ситуации в СНГ для американских фондов. Теперь подписала на год контракт с «Амнистией», сменив Марджори Фаркухарсон, первого представителя «МА» в Москве.

«Марджори пришлось пережить весь бюрократический ужас открытия офиса в Москве, регистрации, банковских формальностей, — говорит Таня Смит. — Дневник, в котором она фиксировала свои повседневные проблемы, — это роман Кафки!»

На территории бывшего СССР у «Амнистии» около 800 членов. «Это немного, — объясняет Таня, — но у нас очень строгий подход. Если, скажем, «Гринпис» называет своими членами всех россиян, кто хотя бы подписал их петицию, то мы требуем активной работы».

Члены «Амнистии» регулярно встречаются, для того чтобы обсудить нарушения прав человека в других странах и направить письма протеста соответствующим правительствам. Таня Смит понимает, что пока граждан СНГ больше волнуют домашние проблемы.

Из «местных» проблем мандат позволяет бороться за отмену смертной казни и освобождение узников совести. Сегодня «Амнистия» знает о десяти, и это в основном те, кто отказался служить в армии по соображениям совести.

Ну а пока Таня готовит семинар, посвященный теме «исчезновений» и внеюрисдикционных убийств. Он будет приурочен к 10 декабря — Дню прав человека — и предшествует Всемирной кампании «Международной амнистии» на 1993 год.

Телефон «Международной амнистии» в Москве: 291-29-04. Адрес: 121019, Москва Г-19, а/я 212.

Назначение **Шуламита Алони**, эффективной 60-летней женщины, на пост министра образования Израиля, который традиционно принадлежал представителям правых консервативных кругов, вызвало бурную реакцию среди религиозных «моралистов». Ицхак Шамир, например, назвал ее «особой, которая хочет заставить нашу молодежь забыть свою национальную сущность», а один раввин даже возложил на нее ответственность за новый Холокост, который хоть пока и не произошел, но может произойти по ее вине. В то же время для многих израильтян ее назначение стало знаком разрыва с прошлым, символом «культурной революции», предпринятой правительством Рабина ради восстановления гуманистических традиций сионизма.

Шуламита Алони предпочла портфель министра образования, потому что, как она сама объяснила, это министерство должно стать символом всего того, что должно измениться в Израиле. Если цель такова, то Шуламита — наиболее подходящий человек, чтобы довести дело до конца.

Она принадлежит к интеллигентной и нерелигиозной семье первой еврейской генерации, обосновавшейся в Израиле. В этой женщине всегда

Президент ассоциации итальянских гомосексуалистов и лесбиянок **Франко Гриллини** возглавил поход членов своей организации против Ватикана под лозунгом «Отказываемся от католической церкви, которая занимает расистскую по-

зицию в отношении гомосексуалистов».

Дело в том, что ассоциации стало известно о разосланном всем епископатам секретном письме ватиканской Конгрегации по вопросам вероучения, в котором предлагается ужесточить отношение к гомосексуалистам и лесбиянкам.

В частности, рекомендуется не принимать их на работу в школах и прочих учебных заведениях, а также препятствовать усыновлению ими детей.

Это письмо вызвало немедленную реакцию со стороны «заинтересованных лиц». Выступая от их имени, Франко Гриллини за-

Наказание без преступления

Про 20-летнюю жительницу Мадрида **Еву Бланк** друзья и знакомые в один голос говорили, что она «с приветом». Но добавляли: умна, расчетлива и хладнокровна.

Полная противоположность **Хуану Альмагро** — грубому, недалекому, выросшему в простой семье на окраине города. С самого начала все обстоятельства складывались против него, а наличие братьев-преступников и предыдущее обвинение Хуана в попытке изнасилования, которое, правда, впоследствии было снято, только подогрели решимость судебных органов отправить этого парня за решетку.

Все началось с того, что 8 мая 1989 года Ева пришла на работу и, ни капли не смущаясь, поведала своим подругам о том, что предыдущей ночью была изнасилована таксистом, который, по ее словам, отвез ее на какой-то пустырь недалеко от города Толедо, где давал волю своей фантазии целых семь часов! Ева выкладывала ужасающие подробности собственного изнасилования направо и налево, поражая слушателей полным отсутствием каких бы то ни было подобающих в данном случае эмоций.

Тем не менее в ее устах зверская история выглядела довольно правдоподобной. Ева сумела убедить почти всех, за исключением специалистов из «Ассоциации содействия женщинам, подвергшимся насилию и плохому обращению». Им многое в ее рассказе показалось странным.

В полиции Ева «опознала» на предъявленных ей фотографиях Хуана Альмагро.

Суд длился неделю, и, несмотря на профессиональную защиту адвоката, указавшего на множество пробелов в версии обвинения (к примеру, было известно, что Хуан даже не умеет водить автомобиль), Альмагро вынесли жесточайший приговор: 16 лет тюрьмы за изнасилование плюс 6 за похищение и уплата двух миллионов песет (около 20 тысяч долларов) в пользу жертвы.

Так бы и сидеть бедному Хуану в тюрьме 22 года, если бы приятель Евы по имени Элой, открыв на следующее утро газету, с удивлением не узнал бы о сенсационном изнасиловании Евы Бланк в ночь на 8 мая. Он ведь точно помнил, что ту ночь они с Евой провели вместе в мотеле...

Отсидев год, Хуан Альмагро вышел на свободу. Этот год, наполненный издевательствами заключенных (насильников преступная братия не жалуется и в Испании), вряд ли когда-либо сотрется из его памяти. Сейчас единственное желание Хуана — засадить за решетку свою «благотельницу» со слишком бурной фантазией.

Между тем бывшая жертва продолжает стоять на своем, не желая мириться с таким нелепым крушением своей легенды.

Л.Костюнина

был силен мятежный дух: еще в 1965 году, когда она впервые стала депутатом кнессета от лейбористской партии, она прославилась бесстрашной полемикой с легендарной Голдой Меир, которая обвиняла Алони в индивидуализме и мелкобуржуазном подходе к проблемам сионизма. Именно адвокат Алони вынесла на трибуну парламента такие вопросы, как гражданские права и свобода личности. В 1973 году она создала Движение за гражданские права, которое решительно отстаивало интересы не только израильтян, но и арабов.

Новый министр образования намерена провести переориентацию школьных программ Израиля, чтобы из школы выходили «творчески мыслящие молодые люди, личности, критически и ответственно воспринимающие окружающую действительность». По ее мнению, в израильских школах слишком много значит послушание и по-прежнему силен «осадный» комплекс. Новый министр уверена, что пора перестать считать всех арабов врагами, а палестинцев — террористами и не называть более оккупированные земли «территорией под израильской администрацией». Школа обязана стать важным центром для создания и распространения благоприятной для дела мира атмосферы.

явил, что эти рекомендации представляют собой открытую дискриминацию и имеют целью загнать сексуальные меньшинства в своего рода гетто. «Такая расистская позиция, — предупреждает президент ассоциации, — сводит на нет любую возможность диалога между церковью и гомосексуалистами». Гриллини в связи с этим предлагает всем членам ассоциации отказаться от католицизма и отдать предпочтение православной религии, которая «является более христианской, более терпимой и менее расистской».

Официальные власти Ватикана хранят полное молчание, а среди католических деятелей царит смятение. Многие считают, что церковь стремится отстоять семью как основу общества и отвергнуть образ жизни сексменьшинств, который государство может предложить как своего рода «модель жизни». Другие уверены, что в отношении сексуальных меньшинств католицизм, таким образом, возвращается к своим постулатам многолетней давности.

«Что бы там ни было, — заключает орган гомосексуалистов «Ром гэй ньюз», — а новый документ Святого престола ударит прежде всего по церковникам, потому что среди них 90 процентов — «наши».

Сплошные праздники 1949 года

Мой принц не смог заменить Али-Бабу и сорок разбойников

Лариса Миллер

— **Т**е, у кого в четверти тройки, возьмите портфель и постройтесь, — сказала учительница Лидия Сергеевна. — А теперь марш за мной в раздевалку. Вы пойдете домой. Остальным тихо выйти в коридор и занять места.

Через пять минут начнется кукольное представление «Али-Баба и сорок разбойников». Мы, троечники второго класса «Б» (в те годы девочки и мальчики учились в разных школах), повесив головы, побрели за учительницей. Выйдя в коридор, я старалась не смотреть в сторону сцены, но не могла удержаться и сквозь слезы увидела зеленые шторы с блестками и длинные ряды скамеек, на которых подпрыгивали от счастья и нетерпения хорошистки и отличницы. Портфель оттягивал руку: в нем лежал табель, где в графе «арифметика» стояла тройка. Единственная тройка в четверти, лишившая меня спектакля, счастливого возвращения домой и безмятежных зимних каникул. Оставалась одна неделя до нового 1949 года.

Я вышла из школы и, ни с кем не

прощаясь, пошла домой. Во дворе встретила маму, которая в честь моих каникул пораньше ушла с работы. Увидев мою физиономию, она стала меня тормошить и допрашивать. Я достала табель, показала тройку и все рассказала. На следующий день мама, придя с работы, подзвала меня к столу и, поставив на стол сумку, спросила: «Что в сумке, догадайся?» В сумке лежали билеты — целый ворох театральных и пестрых елочных. Начиналась новогодняя вакханалия, в которую были втянуты все: бабушка, дедушка, мама и даже мамины подруги. С мамой я ходила на оперетту, с дедушкой — на оперу, с бабушкой — на драму и на все елочные представления.

«С Новым годом, край любимый, наша славная страна!» — вещали золотые буквы на билете, приглашающем на елку в Дом пионеров. На том же билете красовался молодой 1949 год в тулупе и шапке-ушанке, который бежал на лыжах навстречу Старому году с заплечным мешком. А из мешка торчала книжка

Гайдара «Тимур и его команда». Билеты можно было изучать бесконечно.

«Взгляни на этот праздничный билет (при электрическом и ярком свете). И если ты теперь потушишь свет, огнями вспыхнет елка на билете».

Эти стихи были напечатаны на обратной стороне билета в Колонный зал Дома союзов. А на лицевой — розовощекий, ясноглазый пионер в красном галстуке, белой рубашке и синих штанах с ляпочками держал пылающую звезду. Алый стяг, алая звезда, алый галстук, алые щеки — светло, ярко, празднично. Праздник начинался с утра. Я выходила во двор с пригласительным билетом в руках и показывала его дворовым ребятам. Они приносили свои и спорили, чей лучше. Однажды я вынесла во двор свой самый нарядный билет на елку в ЦДРИ. Он был с секретом. Стоило его раскрыть, как вырастала пушистая елка в гирляндах, выбегали звери из чащи, выезжал Дед Мороз на санях, в которых сидела Снегурочка. И надо всем этим в звездном небе парил лик Сталина. Билет пошел по рукам.

— Ну-ка, дай посмотреть, — ска-

Рисунок
Валентина
Мокиевского

зал сосед Юрка Гаврилов, к которому я была равнодушна с того самого дня, как он приехал из Суворовского училища домой на каникулы.

Я с готовностью протянула ему билет. Юрку обступили ребята. Они долго вертели билет и шептались.

— Пойди сюда, — наконец позвал Юрка, который стоял возле моего подъезда. — Дотронься языком до ручки.

— Зачем? — удивилась я.

— Дотронься и узнаешь.

Я колебалась.

— Дотронься, не пожалеешь, — уговаривал Юрка. — Она сладкая. Все уже попробовали.

Мне очень хотелось ему угодить, и я коснулась языком ледяной металлической дверной ручки.

Был сильный мороз, и язык мгновенно примерз к металлу. Юрка и ребята, гогоча, бросились врассыпную. Я с трудом оторвала язык от ручки, на которой остались следы крови, и пошла домой, начисто забыв о билете и о елке. А когда наступил вечер и бабушка стала меня торопить, я поняла, что елки не будет, — Юрка убежал с билетом. Сказав, что билет потеряла, я легла спать, накрылась с головой одеялом и заплакала. Плакала долго, вытирая нос наволочкой, и наконец уснула. А назавтра снова елка. И не где-нибудь, а в Доме союзов.

В те годы на елку пускали со взрослыми. И было так сладко, держась за бабушкину руку, входить в огромный темный зал, в котором тихо звучала музыка и летали крупные снежные хлопья. Я садилась на свое место и озиралась. Зачарованные волшебной метелью, зрители разговаривали шепотом. И вдруг — яркий свет, громкий голос ведущего — представление начинается. Мой любимый номер — танец бабочки. На сцену выпархивает танцовщица в чем-то однотонном белом и воздушном. Она танцует, кружится. Поворот — и наряд становится голубым, поворот — и пестрым, потом шоколадным, желтым. Лучи прожектора неотступно следуют за бабочкой, меняя ее крылья. И каждое преобразование сопровождается всеобщим «ах!». Но вот лучи гаснут и на сцене снова танцовщица в однотонном белом наряде.

Был еще один номер, которого я всегда ждала с нетерпением: борьба двух нанайцев. Два крошечных человечка, сцепившись, пытались всеми правдами и неправдами уложить друг друга на лопатки. Они стремительно передвигались по сцене, падали, поднимались, забивались в угол, катались по полу. В зале стоял гул: дети хлопали в ладоши, подпрыгивали, давали советы. И вдруг один из нанайцев взлетел в воздух, перед зрителями в последний раз мелькали его валенки и пубка — и исчезал. Вместо нанайцев

появлялся растрепанный и вспотевший молодой человек, на руках и ногах которого красовались знакомые валенки. Зал на секунду заморгал и разражался громом аплодисментов. И сколько бы раз ни показывали этот номер — эффект был тот же: гул болельщиков, потрясенное молчание, гром аплодисментов.

После концерта все бежали к гигантской елке, чтобы присутствовать на торжественной церемонии зажигания огней. Громовой голос Деда Мороза: «Раз, два, три — гори», — удар его посоха, и елка сияет. Дружное «ура!», всеобщий хоровод и наконец вопрос Деда Мороза: «Кто почитает стихи?» Ну конечно же, я. Я знаю столько стихов, что могу читать бесконечно. Выхожу и читаю: «У москвички две косички, у узбечки — двадцать пять». Или «Счастливая родина есть у ребят и лучше той родины нет». Или «Потому что в поздний час Сталин думает о нас».

Дед Мороз берет меня на руки и дарит гостинец с елки. Дальше — танцы. Я всегда была снежинкой в белой юбке и белом кокошнике и пыталась танцевать что-то неизменно воздушное. На одной из елок ко мне подошел принц в узком трико и золоченой куртке. На его голове красовалась маленькая блестящая корона. Он пригласил меня на танец и не отходил весь вечер. Мы вместе пошли получать подарки и, когда мой бумажный пакет порвался и по полу покатились мандарины и посыпались конфеты и пряники, он бросился собирать.

В раздевалке мой принц аккуратно положил на столик возле зеркала все, что подобрал с пола: вафли, грильяж, мандарины, печенья, — и пошел одеваться. Я чувствовала себя Золушкой на балу и от волнения и спешки не могла попасть в рукава кофты. Скорей, скорей, он ждет. Все. Я готова. Где же он? Оглянувшись, я увидела возле себя высокую стройную девочку. Лицо ее казалось мне знакомым.

— Меня зовут Таня, — сказала она, протянув мне руку.

— Это твой принц, — засмеялась высокая молодая женщина, очень похожая на Таню — Танина мама. Мы пошли к выходу. Таня пыталась говорить со мной, но я ее почти не слышала и отвечала невпопад.

Очень часто мои зимние каникулы затягивались благодаря болезни. В конце каникул у меня обычно заболело горло или ухо или разбухали железки, поднималась температура, начинался жар, и я с удовольствием укладывалась в постель. Однажды я обнаружила, что стою на столе и, показывая рукой на стенку, шепчу: «Красный бант, на стене красный бант». Мама и бабушка испуганно жмутся друг к другу. «Соглашайся, — шепчет бабушка, — когда ребенок бредит, надо со-

глашаться». Что было дальше — не помню. Потом узнала, что болела скарлатиной. Детская болезнь — это блаженство. Это — жар и легкое головокружение. Это — обеспокоенная и заботливая мама, которая не уйдет на работу и будет варить кисель и ставить горчичники. Болеть — это значит мне будут читать, а когда спадет температура, на постели появятся книги, карандаши и альбом для рисования. Болеть — это значит пить сладкую микстуру от кашля, которую выпишет районный врач Бухарина, замечательный детский врач, добрая и вечно усталая пожилая женщина, внезапно и навсегда исчезнувшая где-то в начале 50-х. Как я потом узнала, ее посадили из-за несчастной фамилии, хотя она никакого отношения не имела к «врагу народа».

Когда я заболела, я пыталась вспомнить все, что видела за время зимних каникул, но в голове моей была каша. Я отлично помнила «Двенадцать месяцев» и «Синюю птицу», потому что видела их сто раз и готова была смотреть еще столько же. В «Синей птице» мне больше всего нравились потустороннее царство и Насморк, который в образе молодой женщины с распухшим красным носом бегал по сцене и непрерывно чихал. А в «Двенадцати месяцах» я любила сказочника в полосатых брюках. Он выходил перед каждым действием и, забавно подпрыгивая, приговаривал нечто вроде «бимсам-буры, буры-базилюры». Еще я помнила пьесу «Снежок», которую смотрела с бабушкой в ТЮЗе. Снежком звали бедного негртенка, угнетенного и забытого. Его мучили и притесняли белые янки в ненавистной Америке. Как мне хотелось спасти мальчика, выкрасть его, привезти в Москву, поселить у себя, обогреть и утешить! По дороге домой мы с бабушкой строили многочисленные планы по спасению мальчика и посылали проклятье Америке.

Но что же еще я смотрела? Отлично помню, как мы с дедушкой случайно сели не в свой ряд и как дедушка, к моему ужасу, легко и быстро перешагнул через спинку одного и другого кресла и оказался в нужном ряду на наших законных местах. Помню, как он предложил мне последовать его примеру и как я, ни на кого не глядя, пошла по рядам, от смущения наступая людям на ноги. Но что мы с ним смотрели, так и не вспомнила. Я попыталась восстановить все с самого начала и вдруг отчетливо увидела школьный коридор, зеленые шторы с блестками и большой плакат, где витиеватым почерком было написано «Али-Баба и сорок разбойников» — самый интересный, самый желанный и самый недоступный спектакль, заветный плод моего детства.

У Бобби Фишера в дни его славы было немало высокопоставленных болельщиков. Среди них и Фидель Кастро. Встреча в Гаване в 1966 году

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Фишер по-прежнему ярок

«Югославская партия» легендарного гроссмейстера

В конце июля на бензоколонке недалеко от венгеро-югославской границы остановился новый «Опель». Из него вышел Ездимир Васильевич, владелец одного из крупнейших частных банков в Югославии. Рабочий бензоколонки обратился к нему с вопросом, который в те дни волновал многих: «Господин Васильевич, правда ли что вам удалось уговорить Бобби Фишера приехать в Югославию?» — «Правда, — ответил банкир, — вон он в машине как раз смотрит на тебя...»

После двух десятилетий самоизоляции легендарный Роберт Фишер возвращается в шахматный мир. Он прибыл в Югославию для матча с Борисом Спасским. Матч этот станет чем-то вроде продолжения их поединка в 1972 году в Рейкьявике.

В начале 70-х годов Фишер проделал головокружительное восхождение на шахматный Олимп. В серии матчей за титул чемпиона мира он тогда разгромил с одинаковым счетом 6:0 Тайманова и Ларсена, уверенно победил Петросяна (6,5:2,5) и Спасского (12,5:8,5). Но, став одиннадцатым по счету чемпионом ми-

ра, Фишер неожиданно для всех покинул шахматную арену.

За двадцать лет он не сыграл ни одной официальной партии, а с 1978 года вообще перестал появляться «на людях». Кстати, в том же 1978 году он побывал в Белграде, чтобы навестить своего доброго друга гроссмейстера Светозара Глигорича, который попытался убедить Фишера вернуться к шахматам, но — безуспешно. С тех пор Бобби связал свою жизнь с одной религиозной сектой и почти не покидал Пасаде-ны.

И вот теперь он согласился встретиться за шахматным столиком со Спасским. Их матч будет вестись до десяти побед. Первая его часть состоится на черногорском острове Свети Стефан, вторая — в Белграде.

Факт возвращения Фишера в мир активных шахмат сам по себе удивителен. Еще более неожиданным стало согласие Фишера играть матч в Югославии, которую политическая и экономическая блокада фактически полностью изолировала от внешнего мира. С Белградом сегодня никто не торгует, сюда не приезжают даже деятели культуры, не говоря уже о бизнесменах. А Фишер приехал.

Что побудило «загадочного американца» сделать такой неожиданный ход?

За предстоящий матч победитель получит около трех с половиной миллионов долларов, побежденному придется довольствоваться лишь миллионом с лишним. Для большинства любопытных иной причины искать не надо. Действительно, призовой фонд матча — самый крупный в истории шахмат. К слову, матч за шахматную корону в 1993 году будет стоить «всего» четыре миллиона долларов.

Впрочем, дело не только в деньгах. Фишеру и ранее предлагали не меньшие суммы, но он в последний момент отказывался. Появилась даже поговорка: «Все имеет свою цену, кроме Фишера».

Одни считают, что стимулом для Фишера стал распад советской шахматной школы, против которой он все время «сражался». Другие объясняют возвращение Фишера желанием отдать долг Югославии, где он пользуется, наверное, большей популярностью, нежели в Америке.

И все же ближе к истине, очевидно, версия, выдвинутая югославским гроссмейстером Бориславом Ивковым: «Бобби собирается жениться. Если у его избранницы нет богатства, она потребует денег. Если она богата, она потребует славы. У Фишера нет иного выхода, как продолжить шахматную карьеру».

Возникает и другой вопрос: остался ли сегодня Роберт Фишер прежним «гениальным Бобби»? Знающие люди уверяют, что он не расставался с шахматами и знаком со всеми решающими партиями, сыгранными за последние двадцать лет. Так что мир вскоре увидит прежнего Бобби.

Приезд Фишера в Белград, судя по некоторой информации, еще не последняя сенсация, связанная с его именем. Ездимир Васильевич, доставивший одиннадцатого чемпиона мира в Югославию, обещает, что на открытии матча со Спасским будет присутствовать американский госсекретарь. А следующим шагом югославского банкира станет организация матча Фишер — Каспаров. Снова, разумеется, в Югославии. В этом случае Васильевич готов раскошелиться на десять (!) миллионов долларов.

Звучит маловероятно. И тем не менее появилась возможность, что в будущем Югославию будут вспоминать не только в связи с очередным кровопролитием.

Геннадий Сысоев,
соб. корр. «Нового времени»
БЕЛГРАД

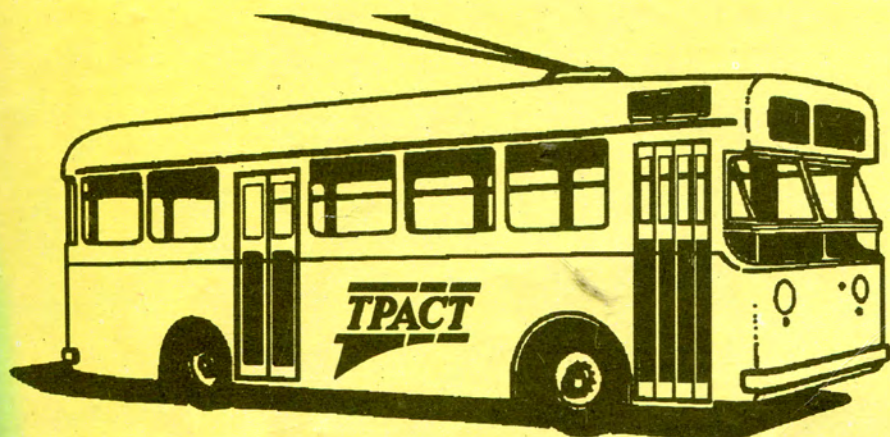
*ДОВЕРЬТЕ НАМ СБЫТ,
А САМИ СЧИТАЙТЕ ПРИБЫЛЬ*

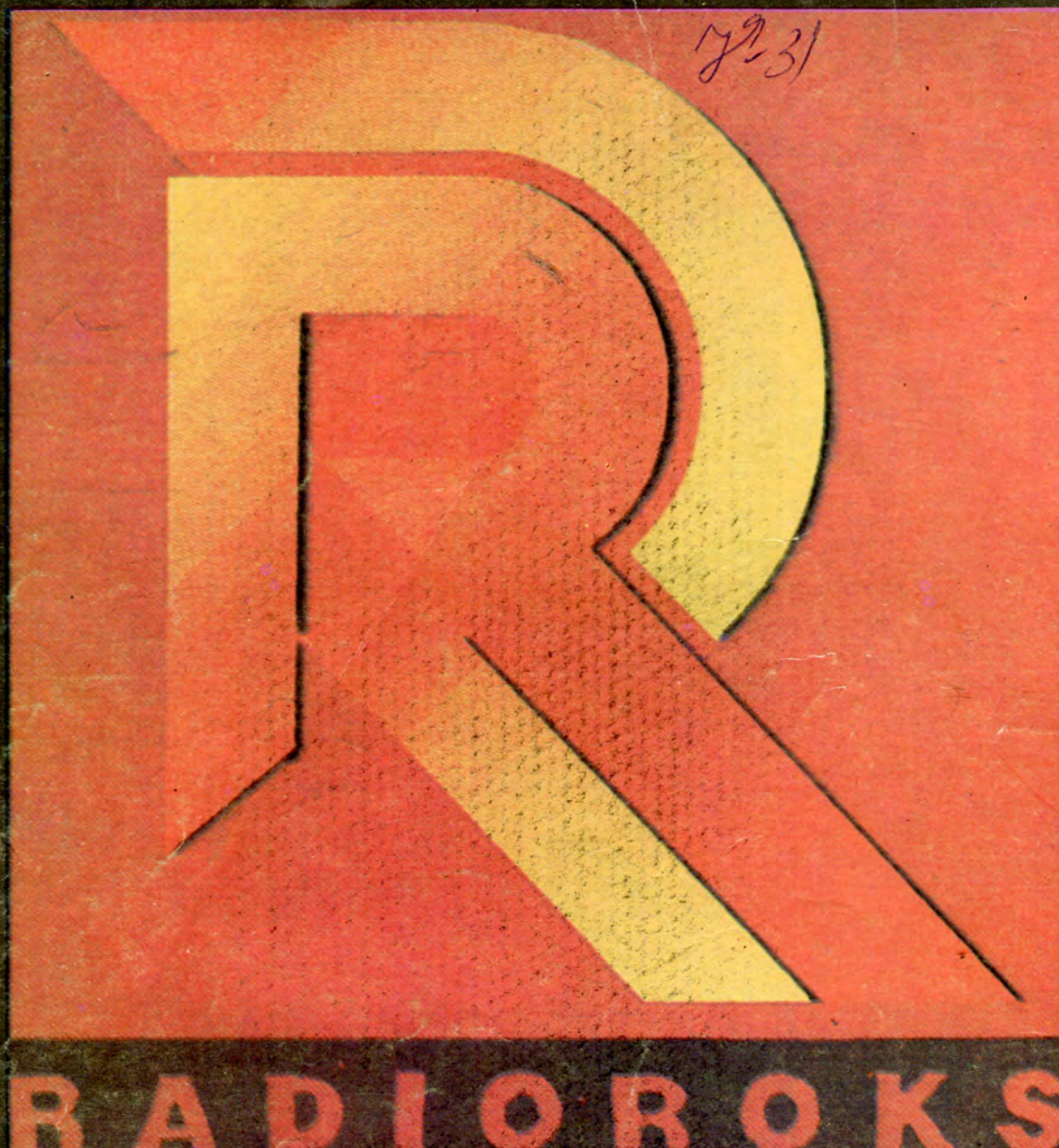
РЕКЛАМНЫЕ УСЛУГИ И ДИЗАЙН

ТРАСТ

- ☼ РЕКЛАМА НА ТРОЛЛЕЙБУСАХ
- ☼ РЕКЛАМА НА ПАРОХОДАХ "МОСКВА"
- ☼ ПРИГЛАШАЕМ РЕКЛАМНЫХ АГЕНТОВ

Тел. (095) 310-24-60

**«РАДИО РОКС» —
ЛУЧШАЯ МУЗЫКА**

И ВАША РЕКЛАМА НА КОСМИЧЕСКОМ УРОВНЕ.

**СПУТНИКОВОЕ РАДИО —
БЛИЖАЙШИЙ ПУТЬ К МИЛЛИОНАМ СЛУШАТЕЛЕЙ!**

СЛУШАЙТЕ «РАДИО РОКС» на ВОЛНАХ:

FM 102,0 — в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
FM 102,1 — в МИНСКЕ
FM 102,7 — в РИГЕ и ЮРМАЛЕ

FM 103,0 — в МОСКВЕ
FM 104,0 — в КИЕВЕ

СЛУШАТЕЛИ, «РАДИО РОКС» — ВАШ КАПИТАЛ!